

Ральф Ширли
[Ralph Shirley]

*«Тайна человеческого двойника: Дело об
астральной проекции»*

[The mystery of the human double: The case for astral
projection]

-1938-

(перевод с английского: Иван Харун)
(ivkh@list.ru)

-2021-

Аннотация.

Ральф Ширли (1865-1946) — английский исследователь и издатель (директор издательства William Rider & Son) оккультной литературы, учредитель и редактор журнала «Оккультное обозрение», в котором впервые опубликовал свои астральные исследования Оливер Фокс.

В настоящей книге, впервые вышедшей в свет в 1938 году, автор подводит итог своим исследованиям по «астральной проекции». В основном это анализ литературных источников, главными из которых на тот момент были работы Сильвана Мульдона, Оливера Фокса и Ирама.

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Проблема двойника	8
Глава 2. Природа эфирного тела.	44
Глава 3. Засвидетельствованные феномены	53
Глава 4. Астральное путешествие.....	71
Глава 5. Опыты Сильвана Мульдона.....	83
Глава 6. Опыты Сильвана Мульдона (продолжение)	89
Глава 7. Сильван Мульдон и Оливер Фокс.....	97
Глава 8. Астральный романс	108
Глава 9. Методы астрального перемещения	118
Глава 10. Другие астральные проекторы	136
Глава 11. Гипнотизм и двойник	156
Глава 12. Риски каталепсии в трансе	166
Глава 13. Ведьмы.....	177
Глава 14. Заключение.....	191

Введение

Вопрос о жизни после смерти неразрывно связан с реальностью эфирного тела. Только доказательство его существования может опровергнуть утверждение материалистов, что со смертью физического тела сознание неизбежно должно исчезнуть, в остальном этот спор представляется мне совершенно бессмысленным. Точно так же как музыка нуждается в инструменте, на котором её можно сыграть, так и индивидуальная душа требует органов, через которые она сможет функционировать. Если единственными органами, которыми она обладает, являются физические, то отсюда неизбежно следует, что их разрушение влечёт также и разрушение индивидуальности. Этот факт был осознан неоплатониками старой школы и особенно подчёркнут поздними членами этой школы, хотя их учение по этому предмету слегка туманно и запутано.

Немного раньше их имеются упоминания, например, св. Павла о существовании духовного тела наряду с физическим. Недавние психические исследования подтверждают эту веру, более того, сэр Оливер Лодж утверждает даже о биологической необходимости эфирного тела для объяснения чисто физических явлений. Французские опыты Гектора Дюрвилля по экстериоризации «двойника» служат подтверждением этого взгляда. Он поднимает вопрос: «Ощущения воспринимаются видимым телом или невидимым телом, которое его одушевляет?» и отвечает, что опыт доказывает, что видимое тело является всего лишь орудием, которым пользуется невидимое тело для целей самовыражения, и утверждает, что установил это своими

гипнотическими опытами на физическом теле и на его экстерииоризированном двойнике. Когда двойник спроецирован, — говорит он, — ощущения больше не существуют в физическом теле. Они существуют в фантомной форме и только в ней.

Его субъекты единодушны в заявлении, что экстерииоризированный фантом является истинным индивидуумом. Эдме, одна из таких субъектов, отвечая на задаваемые ей вопросы, замечает: «Тело, которое вы трогаете, суть ничто вообще. Это всего лишь скорлупа или покров другого. Вся моя индивидуальность — в светящемся фантоме. Это он думает, он обладает сознанием, и он действует. Он передаёт своей физической копии то, что я сейчас говорю вам».¹

Здесь, по всей видимости, не без достоверности, и я могу процитировать мой собственный случай в подтверждение.

После несчастного случая, в котором серьёзно пострадала моя рука, все ощущения оставались в повреждённой конечности, на которую была наложена шина, но когда её ощупывали врачи в больнице, к которым меня отвезли, каждое прикосновение остро ощущалось фантомной рукой,

¹ Le Fantome des Vivants. Hector Durville.

Гектор Дюрвилль «ПРИЗРАК ЖИВЫХ; Анатомия и физиология души; Опытные исследования о раздвоении тела человека» (1915). Вот эта цитата, согласно этому изданию:

«Тело, которое вы трогаете, — говорит она, — ничто; просто оболочка другого. Вся моя личность в блестящем существе. Это оно думает, знает, действует; оно передаёт физическому телу всё, что я говорю вам»

лежащей, как казалось, под простынями и охватываемой неповреждённой рукой.

Исследователями психического собраны бесчисленные и вполне достоверные случаи призраков живых (не меньше чем мёртвых), так что нам остаётся сделать выводы лишь насчёт того, представляют ли они, и в каких случаях, сознательную личность рассматриваемого индивидуума, так как они явно подтверждают ту точку зрения, что эфирный двойник физической формы существует, и что он может иногда оказываться отделённым от своего физического партнёра, особенно в состояниях транса или глубокого сна, хотя такие феномены не обязательно ограничены этими условиями.

Мы оказываемся на более зыбкой почве, когда пытаемся объяснить явления этих призрачных форм, или двойников, в одеждах, в которые облачены их физические тела, и, несомненно, есть загадки на этом очень спорном поле, которые могут быть разрешены лишь гипотезой внушения одного ума на другой или игрой воображения. Сама мысль является инстинктом с жизненной силой, и её творческие и пластичные силы всё ещё ждут адекватного признания. Собранные свидетельства и проведённые наблюдения в этой области исследований психического указывают на некоторые естественные законы, истинность которых в настоящее время не желают признавать, но без такого признания, феномены в этой области исследования будут всегда оставаться за забором ортодоксальной науки и невосприимчивы к какому-либо рациональному решению.

Настоящая книга рассматривает как произвольную, так и непроизвольную экстериоризацию эфирного тела и исследует методы, которые применяются, чтобы покидать физическое тело по воле, и ценность полученных таким образом результатов. Вопрос о рисках, связанных с такими опытами не поднимается, хотя считается, что при проявлении должной осторожности, они могут быть сведены к минимуму. Большинство экспериментаторов, если судить по доступным свидетельствам, начинали с переживания полностью непроизвольной проекции, и лишь после осознания силы, которой они обладают, они переходили к экспериментированию намеренно в духе любопытства, или научного исследования, или, иногда, влекомые приятными ощущениями и чувством свободы и ментальной и физической лёгкости, к которой приводят такие опыты.

Достойно сожаления то, что свидетельства, имеющиеся в настоящее время под рукой, такие ограниченные по характеру, и что так сравнительно мало доступно вполне достоверных случаев, впрочем, совсем не удивительно, что налицо определённое нежелание проводить опыты такой явно опасной природы и бросаться в область исследования, которая может завести путешественника в столь странные, таинственные и неизведанные моря.

Я должен выразить свою особую признательность работам по этому предмету: г-на Сильвана Дж. Мульдона², «Врачу

² См. Мульдон, Каррингтон. «Проекция астрального тела» (1929).

души» Ирама (переведенной на английский под заглавием «Астральная Проекция»)³, и двум статьям, изданным во время моего пребывания редактором в «Оккультном Обозрении» г-ном Оливером Фоксом⁴. Я должен также признать ценным дополнением к нашему знанию по данной проблеме публикацию романа г-на Герхарди [Gerhardi], озаглавленного «Resurrection», который содержит много информации невыдуманного характера, и некоторые познавательные опыты, представленным в книге мсье Гектора Дюрвилля «Призрак живых».

Глава 1.

Проблема двойника

Когда члены «Общества Психических Исследований» приступили к работе по сбору свидетельств, касающихся того, что они назвали *сверхъестественными феноменами*, первое, что их впечатлило, – это частота упоминаний явного действия человеческого сознания на расстоянии от того места, где была расположена в тот момент его физическая форма. Второе, что быстро стало очевидно, – то, что эти

³ См. Ирам. «Иные миры: двенадцатилетние практические наблюдения незримых миров в состоянии сознательного раздвоения» (1926).

⁴ См. Оливер Фокс. «Астральные врата: метод сознательного выхода из тела через шишковидную железу» (1920); «За астральными вратами: свойства астрального мира» (1920); «Осознанные сновидения и астральные проекции: некоторые дополнительные замечания» (1923).

феномены происходят, насколько можно судить, совершенно по-разному, в зависимости от того, было ли сознание коммуникатора (передатчика, или агента, как его называли) всё ещё владельцем своей физической формы, или оно вышло из него безвозвратно. Чаще всего такие феномены наблюдались во время смерти, когда уже было невозможно с уверенностью утверждать, был ли коммуникатор ещё живым или только что скончался. Однако, было замечено, что эти случаи вовсе не являются чем-то необычным и тогда, когда коммуницирующий индивидуум был спящим или в трансе и когда его мысли были сильно связаны с тем местом, где наблюдалось его (или её) появление.

Накопление свидетельств стало указывать на то, что там, где дело было связано с определёнными личностями, обладающими неким особым темпераментом, который можно назвать *психическим*, там на некотором расстоянии от того места, где располагались их тела, часто наблюдался их дух [wraith], или призрак [simulacrum], в то время когда в их физическом состоянии не было ничего ненормального. Короче, они могут пребывать в том состоянии, которое условно называется задумчивостью [a brown study] или, возможно, в послеобеденной дрёме. Преподобный Чарльз Твидейл [Tweedale]⁵ приводит множество случаев, в которых его форма наблюдалась его семьёй в его собственном доме, когда он был на некотором удалении; его родственники постоянно ошибочно принимали её за его настоящее физическое тело, – настолько реалистичным оно выглядело.

⁵ Man's Survival after Death. – London, Grant Richards.

Таким образом, становится ясно, что такие феномены, хотя чаще всего и наблюдаемые во время смерти, совсем не обязательно связаны с каким-либо таким случаем. Им не нужно даже подразумевать какую-либо серьёзную болезнь у данной личности. Вполне достаточно простого сосредоточения мыслей индивидуума, чтобы вызвать призрак в уме и явить настоящему физическому зрению друга, который оказался субъектом вот так спроецированной мысли.

Тогда естественно возникает вопрос: Как видимое [зрительное] изображение коммуникатора [передатчика] (если мы можем его так назвать) может стать явным приёмнику [перципиенту]? Может ли его голая мысль, воздействуя на сознание перципиента, вызывать его образ в физической форме перед глазами перципиента? Быть может всё дело было в «мозговой волне», создающей внушение в уме перципиента, которое приняло телесную форму в виде ментального образа коммуникатора? Или это была некоторая часть реального «я» коммуникатора, который спроецировал себя и тем самым стал видимым для перципиента?

Первый вариант, естественно, предполагает возможность мысли индивидуума принимать видимую физическую форму при посредстве ума другого. Если мы примем эту интерпретацию феномена, то мы вынуждены спросить себя: соответствует ли законам природы то, что ум может проецировать образ, который будет видим как очевидная реальность данному индивидууму. Феномены гипнозизма в этой связи содержат некоторое подтверждающее свидетельство, но в таких случаях всегда есть второе

сознание, воздействующее на сознание перципиента, чтобы вызвать образ.

Альтернативная гипотеза постулирует существование астрального или эфирного двойника коммуникатора, который он сознательно или бессознательно проецирует и делает видимым для перципиента.

Первая гипотеза может быть объяснена телепатией, другая едва ли можно обосновать на каких-либо материалистических гипотезах.

Действительно, можно спорить с некоторой видимостью правдоподобия, что один ум может действовать на другой ум таким образом, чтобы вызывать видимое представление думающего в уме перципиента, и такая теория, будь она обоснованной, могла бы покрыть значительную часть упоминаемых случаев, но лишь тех, в которых передаются сообщения или предупреждения, но и здесь возникает ещё одна трудность: как быть, когда коммуникатор оказывался мёртвым.

Опять, если коммуникатор, как чаще всего случается в сновидении или трансе, сохраняет за собой воспоминание такого случая с сопровождающей памятью обстоятельств и окружения, о котором он иначе не мог узнать, то это кажется решительным свидетельством в пользу того, что он должен был посещать своего друга в некоем ультра-физическом состоянии, иначе приобрести такое знание было бы для него невозможно.

Многие опыты такого рода проводились с субъектами в гипнотическом трансе; такие субъекты приносили назад точную информацию относительно мест, которые они посещали в их (предположительно) эфирных формах. Такие свидетельства явно продвигают нас за пределы обычного телепатического опыта, который допускает не одно объяснение. Поэтому многие исследователи психического пришли к заключению, что так называемое эфирное тело не есть миф, и что при определённых условиях оно может оставлять физическую форму и брать с собой, пока физическое тело спит или находится в трансе, сознание рассматриваемого индивидуума. Оно и в самом деле может становиться заместителем естественного тела, носителем духа. Если это именно так, тогда очевидно, что индивидуальность независима от тела, и мы будем вынуждены признать, что она переживёт его после смерти.

Прентис Мульфорд [Prentice Mulford] в одном из своих блестящих и впечатляющих очерков утверждает, что сознание способно во сне покидать тело, и действительно, имеется много достоверных сновидений, которые очень трудно объяснить какими-либо другими гипотезами. Если это принять, то остаётся только один вопрос: может ли дух также и при других условиях [т.е. не только во сне] покидать свою физическую форму в её астральном или эфирном двойнике. Можно спросить: а как иначе он может приносить с собой знание о происходящих событиях и произнесённых словах в какой-либо более или менее отдалённой местности? Возьмём в качестве примера следующее свидетельство мисс Гудрич Фрир [Goodrich Freer] (в последствии миссис Спюр

[Spoer]), – хорошо известного члена «Общества Психических Исследований», – приведённое Майерсом [Myers].

Это одна из групп случаев, собранных г-м Майерсом под общим заголовком «Случаи Бакхус [Bacchus]», интересующее нас свидетельство из тех, которые переданы д-ом Гаскетом [Gasquet] Изабелле Бакхус.

«Недавно, – записала данная дама, – я разговаривала с доктором Гаскетом о старой церкви в Брайтоне, расположенной в Кемптауне, которая много лет была там единственной католической церковью. Это была одна из церквей старой постройки с галереей для органа в конце. Там не было и намёка на какой-либо орнамент; это было плоское квадратное строение, наподобие аудитории. Он рассказал мне, что она была всячески украшена и облагорожена. Я сказала: «Как вам удалось сделать это?» Я знала, что приход в этом квартале Брайтона большей частью состоял из бедных людей. Он сказал: «Мы сделали, что смогли через пожертвования, но первая и, фактически, главная часть расходов была взята из денег, оставленных мисс Х_, которая недавно умерла в этой части города». Затем он сказал: «С этим наследством связана одна любопытная история, которую следовало бы знать людям из психического общества». Вот эта история, как он рассказал мне её:

«Мисс Х_ долгое время болела, но не находилась в явной опасности. Её посещал отец Джонсон, священник этой миссии. Одной ночью она проснулась между двенадцатью и часом и у неё было видение, в котором она совершенно отчётливо увидела отца Джонсона в церкви, у подножия

алтаря, и услышала, как он сказал: «Господи! возлюбил я обитель дома Твоего и место жилища славы Твоей». Это видение было таким ярким, что она сразу же встала и положила деньги, которые она имела возле себя (примерно 70 фунтов), в конверт, адресованный отцу Джонсону и с написанной внутри датой и часом её видения и того, что она от него услышала, и оставила это письмо среди своих бумаг, где, после её смерти, оно было найдено её сестрой, которая отдала его отцу Джонсону. Когда он прочёл эту записку и увидел дату, он сказал: «Но я и в самом деле был там и сказал в точности эти слова». Случилось, что именно в эту ночь он опоздал и зашёл в церковь последним, чтобы убедиться, что всё было в порядке».

Вот другой пример, не менее поразительный, из того же собрания. К нему прибавлено следующее замечание: «Переписано из книги мисс Амхерст [Amherst]. Отец Амхерст посоветовал ей написать и подписать.» Вот он:

«Одной ночью в январе 1872 г. мне, Анне Амхерст, приснилось, что я вижу Мэри де Лис, и что у меня в руке большая булавка, и, бурно говоря с ней о чём-то, я её сильно уколола в указательный палец её правой руки. Она скривила лицо, как при боли, которое я отчётливо видела в своём сновидении, и сказала: «О, эта булавка! Как больно! Почему ты сделала это?» На следующее утро, спускаясь вниз по лестнице, я нашла её с Леей [Louey], сидящими вместе возле камина в библиотеке. Мэри держала свой палец и с таким же выражением боли, какое я видела в моём сновидении, она сказала те же самые слова, и я, чувствуя себя совершенно напуганной, подумала на мгновение, что это я сделала это, и

сказала ей, к удивлению Луизы: «Это я сделала это?» Она совершенно не знала, как и когда это было сделано, и Лея тщетно искала булавку на платье Мэри, которая могла бы причинить этот укол. До того как я утром спустилась и услышала, что сказала Мэри, я не упомянула о своём сновидении ни одной живой душе. Я также могу утверждать, что обе двери нашей спальни были всю ночь закрыты. Палец болел несколько дней и пришлось прикладывать пластырь. Это был тот же самый палец и рука, которые я видела в моём сновидении: указательный палец правой руки.»

Подписано:
Annie Amherst.
Mary de Lys.
Louise W. Amherst.

Можно упомянуть третий случай, служащий ещё одним примером деятельности эфирного тела, пока физическая форма спит. Это хорошо известное свидетельство, но как раз подходящее для рассматриваемого вопроса, так что может быть повторено. Рассказчиком является distinguished Ньюнхэм [P.H. Newnham].

«В марте месяце 1856 г., – он пишет, – я был в Оксфорде; это был мой первый год, и я жил в меблированных комнатах. Я испытывал сильные головные боли, особенно ночью. Одним вечером, примерно в восемь часов, у меня была гораздо более сильная головная боль, чем обычно. Примерно в девять она стала невыносимой. Я пошёл в свою спальню и упал на кровать, не раздеваясь, и вскоре заснул.

Затем я пережил сновидение исключительной яркости и интенсивности. Все детали такие же яркие в моей памяти, как в тот момент, когда я видел сон. Мне снилось, что я был с семьёй одной дамы, которая впоследствии стала моей женой. Все молодые люди пошли спать, а я остался болтать, стоя перед камином. Затем я взял свою свечу и пошёл спать. Когда я достиг холла, я увидел, что моя невеста осталась внизу, что она только достигла верха лестницы. Я попрыгал вверх по лестнице через четыре ступеньки за раз и, когда она достигла последней ступеньки, я, к её удивлению, обхватил её своей рукой сзади за талию. Я держал свою свечу в своей левой руке, пока я взбирался по лестнице, но в своём сновидении, что вообще не доставляло мне неудобства. Затем я проснулся и почти сразу же часы в доме пробили десять <часов вечера>.

Впечатление, которое на меня произвело это сновидение, было таким сильным, что я написал моей невесте на следующее утро отчёт о нём. Я получил письмо от этой дамы, которое не было ответом на моё, но пересеклось с ним на почте. Оно содержало следующие замечания: «Думал ли ты обо мне прошлой ночью в десять часов? Когда я поднималась по лестнице в спальню, я отчётливо слышала твои шаги сзади себя и почувствовала твои руки вокруг своей талии»». P. H. Newnham.

Один из самых необычайных и самых достоверных случаев явления двойника, который не только был виден, но и беседовал с одним фотографом в Ньюкасле, рассказан покойным W. T. Stead'ом, кто взял на себя труд побеседовать с этим фотографом и проверить все факты этого случая,

<представленного> в его сборнике свидетельств загадочного, озаглавленном «Real Ghost Stories»⁶.

Г-н Дикинсон (тот самый фотограф) рассказал г-ну Стиду, как он добрался до своего места работы (43 Grainger Street) 3-го января 1891 г. в без нескольких минут 8 часов утра. Мальчик, который обычно приносил ключи был болен, и по этой причине он пришёл раньше. Первым посетителем был один джентльмен, который хотел узнать, готовы ли его фотографии.

Он был незнаком г-ну Дикинсону. Он был одет в шляпу и плащ, и подошёл к стойке обычным образом. Он не казался очень здоровым, в остальном не было ничего необычного в его виде. Он сказал г-ну Дикинсону: «Мои фотографии готовы?» Г-н Дикинсон спросил его имя, и тот сказал, что его зовут Томпсон. Он объяснил, что его фотографирование имело место 6 декабря и что фотографии были обещаны до этой даты. Убедившись, что это был предоплаченный заказ, г-н Дикинсон заглянул на этот счёт в свою книгу и, найдя заказ, прочёл своему посетителю следующее:

Суб. 6-го дек., '90.
Mr. J. S. Thompson,
154, William Street,
Hebburn Quay.
6 Cabinets. 7/- pd.

Г-н Томпсон, как он представился, заметил: «Всё верно».

⁶ См. Часть 5, Глава 2. «Умирающий двойник требует свои фотографии».

«В моей книге, – рассказывал г-н Дикинсон, – я нашёл дату, когда негативы были готовы для передачи в руки печатника, и так как это было семнадцать дней назад, то я не колеблясь сказал: «Что ж, если вы зайдёте <сегодня> попозже, вы их получите»».

Г-н Томпсон ответил, что ехал всю ночь и не может зайти снова. Фотограф позвал его, когда тот встал и направился к выходу: «Могу ли я отправить их по почте, когда будут готовы?» но не получил ответа. Тем не менее, он снова обратился к книге, посмотрел на номер и написал на бланке «№ 7976 Thompson, Post.»

В девять часов пришла мисс Симон, клерк и секретарь приёмной, и г-н Дикинсон вручил ей бланк, сказав, что Томпсон требовал свои фотографии и, кажется, был разочарован, что они не были готовы.

Мисс Симон выразила удивление, заметив: «Как? эти фотографии один старик требовал вчера, и я сказала ему, что они не могут быть готовы на этой неделе из-за плохой погоды, и что мы отстали от нашего графика работ почти на три недели.»

Фотограф заметил <ей>, что сейчас как раз то время, когда <фотографии> г-на Томпсона должны бы быть готовы. Мисс Симон ответила, что они ещё не были напечатаны и, указывая на стопку негативов, сказала: «Томпсонов <негатив> среди них».

Затем она нашла запрашиваемый негатив, и г-н Дикинсон взял его в свои руки и, внимательно глядя на него, заметил: «Да, это он; это тот человек, который заходил этим утром».

В понедельник утром (5-го января) г-н Дикинсон был в своём офисе, как обычно, и, вспоминая о своей беседе, решил сразу же уладить вопрос с фотографией Томпсона.

Томпсонов <негатив> был обратно поставлен среди других негативов, ожидающих печати, и мисс Симон достала целую стопку (каждый негатив был в бумажном конверте), и они начали просматривать их вместе.

«Перебрав половину, – продолжил г-н Дикинсон, – я натолкнулся на один, который также был очень срочным, и я перевернул его, чтобы посмотреть его дату, как вдруг часть негативов рухнула на пол. Это происшествие казалось таким серьёзным, что мне чуть ли не стало страшно поднимать разбитые негативы, но делая это, я испытал большое облегчение, обнаружив разбитым лишь один, но к своему ужасу обнаружил, что это был — Томпсона!»

После этого г-н Дикинсон написал г-ну Томпсону, прося его назначить другой сеанс фотографирования и предлагая ему компенсацию за эту неприятность и потерю времени.

В пятницу 9 января мисс Симон, находясь в нижнем офисе, сказала г-ну Дикинсону по связи, что один джентльмен требует негатив.

– Какой негатив? – спросил фотограф.

– Тот, что мы разбили, – ответила она.

– Г-на Томпсона, – уточнил он. – Я очень занят и не могу спуститься вниз. Пусть он поднимется наверх прямо сейчас.

– Но он умер! – сказала мисс Симон.

Ничего больше не говоря, г-н Дикинсон спешно спустился в офис, где он увидел пожилого джентльмена, который, казалось, был в большом горе. Мы обязаны привести их беседу дословно.

– Не может быть, – сказал я ему, – вы же не хотите сказать, что этот человек умер?

– Увы, это так, – ответил он.

– Что ж, должно быть это было ужасно внезапно, – сказал я с сочувствием, – ведь только в прошлую субботу я видел его.

Старик грустно покачал своей головой и сказал:

– Вы заблуждаетесь, ибо он умер в прошлую субботу.

– О, нет, – возразил я, – я не ошибаюсь, ибо я узнал его по негативу.

Однако отец (ибо именно в таком родстве к моему клиенту он состоял) настаивал, что я ошибаюсь и что это он приходил в пятницу, а не его сын, и он сказал:

– Я видел эту молодую даму (указывая на мисс Симон), и она сказала мне, что фотографии не могут быть готовы на той неделе.

– Совершенно верно, – сказала мисс Симон, – но г-н Дикинсон также видел какого-то джентльмена в субботу

утром, и когда я показала г-ну Дикинсону негатив, он сказал: «Да, это тот человек, который приходил». Тогда я сказала г-ну Дикинсону о том, что вы приходили в пятницу.

Г-н Томпсон (старший) заявил, что никто не был уполномочен забирать <фотографии> и никто из их друзей или родственников не знает о том, что были заказаны фотографии.

Оказалось, что г-н Томпсон (младший) умер в субботу 3-го января примерно в 2:30 после полудня. Было сказано, что в то время, когда г-н Дикинсон видел его, он был без сознания и оставался таковым до своей смерти. Отец сообщил г-ну Дикинсону в последующей беседе, что его сын в пятницу был в бреду и так часто кричал о своих фотографиях, что они попытались забрать их, и именно поэтому он пришёл за ними в пятницу вечером. Он сказал, что для его сына было физически невозможно покинуть дом.

Итак, здесь мы имеем четыре типичных свидетельства, в каждом из которых сознание коммуникатора свидетельствует об активности, совершенно независимой от его или её физической формы. Свидетельства этого вида (которые очень многочисленны) естественно навели исследователей на мысль о важности состояния сна, как средства, которое можно использовать в эксперименте для проекции сознания за пределы физической формы и его удалённого воздействия на какого-нибудь перцепиента, личность которого можно определить заранее. Известный пример такого <эксперимента> приводится в книге

«Прижизненные призраки» (Phantasms of the living, том 1, стр. 104) под редакцией Гёрнея, Маерса и Подмора.⁷

Экспериментатор, г-н S.H.V., так пересказывает свой опыт:

«В один воскресный вечер ноября 1881 г., читая о великой силе, на которую способна человеческая воля, я решил со всей силой своего естества, что я предстану в духе в передней спальне на втором этаже дома, расположенного по адресу «22 Hogarth Road, Kensington», в которой спят две мои знакомые дамы, а именно: мисс L.S.V. и мисс E.C.V., возрастом 25 и 11 лет, соответственно. В то время я проживал по адресу «23 Kildare Gardens», на расстоянии примерно в три мили от Hogarth Road, и я никоим образом не упоминал о своём намерении предпринять этот опыт никакой из вышеупомянутых дам, по той простой причине, что я решился это сделать только этим воскресным вечером, отправившись отдыхать. Время, когда я решил, что буду там, – первый час ночи, и также у меня было сильное намерение сделать своё присутствие ощутимым. В следующий вторник я пошёл повидать упомянутых дам, и в ходе беседы (без всякого намёка с моей стороны) старшая сказала мне, что в прошлое воскресенье ночью она была сильно напугана тем, что заметила меня, стоящего возле её кровати, и что она закричала, когда это приведение направилось к ней, и разбудила свою младшую сестру, которая также увидела меня.

⁷ Русский перевод вышел в 1893 г. под названием «Прижизненные призраки и другие телепатические явления».

Я спросил её, не спала ли она в то время, и она крайне решительно ответила утвердительно, и после моего расспроса насчёт времени этого события, она ответила – примерно в первом часу ночи».

Подтверждение мисс Verity (старшая дама) этого случая звучит так:

«18 января 1883. В одно воскресенье, примерно двенадцать месяцев тому назад⁸ в нашем доме на Hogarth Road, Kensington я отчётливо видела г-на В. в своей комнате примерно в пером часу. Я была совершенно проснувшейся и была весьма напугана. Я разбудила свою сестру криком, и она сама увидела это привидение. Спустя три дня, когда я увидела г-на В., я рассказала ему, что случилось, но потребовалось некоторое время, пока я смогла восстановиться от потрясения, которое я получила, и воспоминание слишком живо, чтобы когда-либо стереться из моей памяти.»

Мисс Е. С. Verity, младшая сестра, также подтвердила это заявление, сказав, что, как и её сестра, она видела привидение г-на В., подтвердив все подробности.

Когда я был редактором «Оккультного обозрения» [The Occult Review], я получал много писем по этому предмету, и, по всей видимости, значительное число моих читателей имело обыкновение посещать своих друзей некоторым

⁸ Обратите внимание, что приведённые здесь даты не согласуются; возможно опечатка.

психическим образом. Действительно ли они использовали эфирное тело для этой цели – здесь нет однозначного мнения, но по факту, в большинстве случаев опыт проводился, когда «агент» был сознателен, а не во сне или трансе, хотя в некоторых случаях можно говорить о состоянии, близком к трансу. Для этих опытов было принято выражение «астральное путешествие», а употребляемые методы менялись от человека к человеку, хотя всегда основным условием, кажется, было состояние пассивности.

Одна дама, подписывающаяся «Hermione P. Okeden», первой запустила эту дискуссию, и я воспроизвожу её письмо в сокращённой форме, как иллюстрацию её *modus operandi* [способа действия].

Она писала мне:

«Интересно, позволите ли вы мне спросить, обладаете ли вы или кто-либо из ваших читателей силой путешествовать, как я. Когда бы я ни пожелала узнать, как <поживает> и где <находится> друг, о ком я не слышала некоторое время, я иду и нахожу их. Это происходит не в астральном теле, но в состоянии бодрствования, и я могу делать это спокойно сидя в своём кресле днём или перед отходом ко сну, будучи в кровати вечером; совершенный покой является единственным необходимым условием. Я закрываю свои глаза и испытываю чувство движения назад, которое, хотя и неприятное, слишком короткое для настоящего дискомфорта, и я обнаруживаю себя идущей вниз по длинному, тусклому туннелю, тёплому и как бы покрытому мхом. В дальнем конце – маленькая искра света, которая по

мере моего приближения вырастает в большой квадрат, и вот я «там». Почти в каждом случае я могу описать комнату, моих друзей в ней, одежды, в которые они одеты, людей, с которыми они разговаривают, и в нескольких случаях, когда мне очень хотелось узнать об одном друге, который живёт в Лондоне, я обнаружила себя в какой-то странной комнате среди странных людей, и там был мой друг. Лишь однажды меня видели и говорили ко мне... Меня проверяли снова и снова, когда я заранее уславливалась прийти. Одна подруга надела на себя новое вечернее платье, другая даже потрудилась передвинуть свою мебель в спальне, что я сразу же заметила и спросила её насчёт этого, когда мы встретились, к её великому изумлению... Я делала это с перерывами в годы... Жалко, если эта известная форма астрального общения не практикуется более широко.»

Другая корреспондентка, пишущая из Wynberg, Cape Colony, заявила, что она обладает подобной силой, но её метод приведения её в действие немного отличается от описываемого другими читателями.

«Я закрываю свои глаза и сосредотачиваюсь на человеке, – пишет она, – я как бы проецирую своё сознание вперёд и через несколько минут я вижу друга. Это как если бы я смотрела сквозь обратный конец телескопа, что-то подобное «туннелю» мисс Океден. В других случаях я, кажется, действительно оказываюсь в комнате с другом, и я могу видеть все детали мебели и т.д.»

Она пересказывает, как она, когда вела своих мальчиков 9 и 7 лет в школу в первый раз, увидела их комнаты,

находящиеся рядом, в конце длинного коридора. Той ночью она сосредоточила свои мысли на них, но нашла только своего старшего мальчика в комнате, которую она видела, другая была пустой. Она подумала, что старший мальчик видит её, поэтому она спросила: «Где они уложили Брайана (младшего)?» Она поняла, что он сказал, что он в другой комнате в противоположном конце коридора. Спустя несколько дней её старший сын написал ей, сообщая, что одной ночью он видел, как она вошла в его комнату, и спросила, где Брайан, и что он ответил своей матери, как было сказано. На то, что в этом опыте воображение не имело места, указывает тот факт, что мать заметила пустую комнату, где она ожидала найти своего младшего сына.

Эта корреспондентка также заметила, что когда она не знает точно направление, в котором ей следует искать какого-либо друга, то она становится посреди комнаты и вытягивает свои руки, медленно поворачиваясь вокруг. После нескольких минут ей кажется, что её руки замирают [become fixed] в одном конкретном направлении, и тогда она знает, что это то направление, в котором она должна искать своего друга.

Другая корреспондентка подтверждает опыты других читателей в их главных пунктах, заявляя, что она начала выписывать журнал в надежде получить некоторую информацию об этом конкретном феномене.

«Почти пятнадцать лет назад, – пишет она, – я открыла возможность посещать людей на расстоянии, спокойно сидя в кресле или лёжа на диване в полном сознании. Моё путешествие совершилось с величайшей лёгкостью: я просто

оказалась там, когда закрыла свои глаза. Такое посещение всегда предваряется неконтролируемым желанием быть возле и касаться объекта посещения.»

Дар этой дамы, – сказала она, – был сопряжён с целительными силами, и она этим способом лечила совершенно незнакомых ей людей. Она добавила, что она ничего не знает об «исцелении верой» или о «христианской науке».

Другой корреспондент утверждал, что совершал такое астральное путешествие много раз, как правило в дневное время, и добавлял: «Я никогда не сосредотачиваюсь. Я позволяю тишине меня окутать, и затем ощущаю [sense] дом, комнату и человека, которого я хотела видеть. Часто казалось, что всё окутано мглой, кроме человека, которого я ищу».

Очевидно есть нечто очень похожее в методах всех этих практиков искусства астрального путешествия. Все они сознательны во время этой операции, и, хотя один и отрицает факт сосредоточения, это больше похоже на вкладывание другого смысла в это слово, чем какое-либо расхождение в употребляемых средствах. Быть может, нам следует сказать, что это указывает на некий вид умственного расслабления, нежели на какое-либо активное [positive] задействование силы воли. Но достигнутое состояние, кажется, во многом общее с тем, что описывали другие читатели.

Что впечатляет во всех этих случаях, так это очевидная лёгкость этой операции для оператора, и тот факт, что ни в одном из упомянутых случаев сознание во время опыта не

пропадало. Несомненно, в каждом из этих случаев мы должны допустить наличие высоко развитого психического дара. Это действие всегда совершалось без какого-либо напряжённого усилия воли, в отличие от случая того джентльмена, который сделал себя видимым для мисс Veritys, при том что не было никакого самовнушения, направленного на то, чтобы этот феномен произошёл во время последующего сна. Однако, по-видимому, это скорее исключение, чем правило для агента [оператора] – быть видимым для посещаемого человека, – хотя это, очевидно, иногда случается.

Очевидно, что этот метод, который можно описать как разновидность билोकации [нахождение в двух местах одновременно, сопряжённое с раздвоением сознания], имеет свои преимущества. Агент сохраняет память о посещённых местах и людях, при этом полностью исключены риски, которым подвергаются в опытах, в которых активное сознание находится <исключительно> в эфирном теле, в то время как физическая форма погружена в транс или покидается [т.е. не осознаётся].

Случаи такой билोकации, когда речь идёт не об эксперименте, конечно же, отнюдь не редки, как в случае преподобного Чарльза Твидейла (уже упоминаемого). Такие случайные происшествия говорят об определённой расшатанности [looseness] в психической организации, которую астролог мог бы связать с преобладанием Нептуна в час рождения. Так что для заинтересованных в проведении психических опытов, в качестве первого шага можно рекомендовать для практики вышеописанный метод, нежели

более опасные методы, которые будут подробнее описаны позже.

Экспериментатору следует выделить определённый час дня и определённое место, где можно обеспечить себе тишину, и не ожидать результатов на ранних стадиях, и не пытаться вызывать их преждевременно. Схожие условия можно рекомендовать тем, кто хотят обрести дар автоматического или вдохновлённого письма. Мирная и гармоничная атмосфера, без гнетущего состояния, которое сопровождает одиночество, когда поблизости нет никого из друзей, – наиболее благоприятна для таких занятий. Проветренные комнаты всегда лучше, и эти опыты никогда не следует проводить при атмосферном напряжении, или когда электрическое состояние Земли расстроено грозами или чем иным.

Символическое прохождение туннеля знакомо многим, как и мне самому, как предшествующее потери сознания при наркозе. Подсознательное «я» старается мыслить символическими образами, во многом таким образом, в какой древние египтяне и другие ранние расы облекали свои иероглифы. Вышеописанные методы, доведённые до определённого предела, приведут экспериментатора в состояние транса, а в случае сильно медиумического темперамента оператор рискует впасть в них бессознательно и тем самым потерять воспоминание о своих опытах.

Воспоминание, конечно же, может быть сохранено и в трансе, хотя и не лично, а когда психик предаст себя под

контроль опытного гипнотизёра, впрочем, подчинение силы воли другому, если слишком часто это практиковать, едва ли приведёт к полноценному развитию психического организма, каким бы полезным ни был субъект в некоторых формах эксперимента и исследования феноменов подсознательного. Такие феномены будут рассмотрены в одной из последних глав, так как они очень важны в связи с вопросом, которым мы занимаемся.

А пока достаточно отметить в уме тот факт, что заключения, к которым поспешно приходят, касающиеся объяснения этих сверхъестественных происшествий, могут быть изложены, когда мы решим ограничить себя специфической категорией записанных случаев. Чем большее число случаев у нас перед глазами, тем труднее свести их под одно правило всеохватывающего закона всеобщей достоверности. Если, например, мы принимаем объяснение биллокации или сновидного путешествия, в котором индивидуальное сознание покидает своё физическое жилище, чтобы в конце вернуться с информацией, приобретённой в некотором удалённом месте, то что мы должны делать со следующими опытами, содержащимися в чудесном томе г-на Фридома Лонга, озаглавленном «*Recovering the Ancient Magic*». В какую-нибудь нишу гипотез их можно поместить, если возможно вообще?

Г-н Лонг рассказывает, что, будучи в Лавлоке, штат Невада, США; он натолкнулся на одну книгу, наставляющую в искусстве созерцания кристалла. После многочисленных попыток и неудачи развить свои силы в этом направлении, ему случилось познакомиться с одной дамой, которую

считали одарённой некоторыми психическими дарами. Он убедил её провести опыт с кристаллом, залепленным сзади куском чёрной бархатной ткани, и через несколько дней она обрела заметную сноровку в искусстве «созерцания».

«Она описывала, – рассказывает он нам, – моих удалённых друзей и рассказывала мне, что они делали в то время. Проверяя это письмом, я обнаружил, что она видела на расстоянии адекватно, на расстоянии до тысячи миль. Время совпадало с записанной деятельностью <этих людей>. Была в этом опыте одна странность, – добавляет он, – когда кто-либо находился под землёй, она не могла больше видеть его в кристалле. Один раз она в совершенстве описала одного фотографа, моего друга из Юты. Он сидел вне шахты, читая какую-то книжицу. Его футляр для камеры был у его ног. Он встал и зашёл в шахту, тем самым пропал из виду. Позже, после того как я отправился в Вирджинию, штат Невада, я ежедневно получал письма от этой особы, рассказывающей мне, что я делал в определённые часы предыдущего дня. Однажды я спустился в шахту. Она видела меня до того момента, когда я зашёл в клетку [лифт].»

Мы склонны рассматривать кристалл, как метод возбуждения или фокусирования психических сил. Если он даёт возможность зрецу следовать за каким-то человеком до некоторого удаления, то мы можем спросить, почему он не должен работать, когда данный человек покидает поверхность земли? Был ли дневной свет *sine qua non* [лат. «без чего нет», т.е. обязательным условием] в этом странном преследовании? В это трудно поверить, но без понимания *modus operandi* [лат. способа действия] нас едва ли можно

оправдать в догматизировании. Но перед нами встаёт другая проблема в связи с этой кристальной зрицей.

«Она описывала, – говорит наш автор, – как видела, как я вхожу в городок Mason, штат Невада, хотя никто из нас там не был. Она также описывала мой вход в гостиницу, в которой позже мне пришлось жить. В этом городке она видела, как я фотографирую индейцев, которые прибывали отрядами и разбивали лагерь за городом. Она также описывала, как я фотографировал одного малыша и беседовал с одной милой девушкой с красными волосами. Все эти предвестия исполнились до конца месяца. Она также описывала следующий город, который я посетил после того как покинул Масон. Это был Йерингтон, штат Невада, и она точно увидела одну длинную улицу и сдаваемый дом, в котором мне пришлось жить. Хозяйка этого сдаваемого дома была описана в точности такой, какой я её обнаружил, даже до небольшого изъяна в зрении. В общем, первое, что я сделал, когда спустя несколько недель я увидел, что Йерингтон подходит под предыдущее описания, это поискать эмблему сдаваемого дома, которая была описана в подробностях как «шар, нарисованный на квадратном стеклянном ящике». Я нашёл эту эмблему и был встречен женщиной, как только я вошёл в офис.»

Очевидно в этом свидетельстве есть нечто большее, чем просто транс-путешествие. Дама не только видит своего друга на расстоянии в пространстве, но также и на расстоянии во времени. «Кажется, – комментирует г-н Лонг, – что сцены ей показывало некое внешнее сознание», очевидно сознание, которое могло видеть будущее, как и

настоящее. Такова, по крайней мере, теория нашего автора, и мы вольны принять её или отвергнуть. Однако, мы попали на другой план, где гипотезы билोकации больше не помогают нам. Телепатия, как и Месопотамия, благословенное слово, но оно явно не покрывает всё поле и даже если мы расширим значение слова телепатия, чтобы покрыть все феномены билोकации, нам по-прежнему не удастся объяснить такое предвидение какими-либо гипотезами такого вида.

Эта проблема пространства-времени возникла в немного любопытной форме в описании, данном сэром Окладном Геддесом [Sir Auckland Geddes] на собрании Королевского Медицинского Общества в Эдинбурге (26 февраля 1937). Сэр Окланд Геддес имеет право требовать внимания у ортодокса, так как сам является доктором медицины и бывшим профессором анатомии. Опыт, который он пересказал, был не его личный, но, как можно догадаться, его друга-врача, который по профессиональным причинам попросил уважить его анонимность. «Перципиент» (как члены ОПИ такового обозначают) заболел в субботу 9 ноября среди ночи острым гастроэнтеритом. Постепенно ему становилось хуже и к 10 часам развились все симптомы острого отравления. Он хотел позвать на помощь, но обнаружил себя совершенно не способным это сделать и в конце концов сдался.

Описание, записанное и подытоженное здесь, было продиктовано им опытному секретарю [стенографисту], который записал его скорописью после того как тот обрёл сознание. (Оно было опубликовано в «The Scotsman» от 27 февраля.)

«Я осознал, – начинается этот любопытный рассказ, – что я был очень болен и очень быстро просмотрел всё своё финансовое положение. После этого никогда моё сознание не казалось мне хоть как-то помутнённым, но я внезапно осознал, что моё сознание отделяется от другого сознания, которое также было моим. С целью описания мы можем называть их сознание А и Б, и на протяжении всего следующего эго притягивалось к сознанию А.»

Сознание А было тем, что исследователи психического могли бы описать как экстериоризированная личность [externalized personality]. Сознание Б было сознанием, продолжающим проявляться в физической форме. Это сознание Б, говорит наш перципиент, постепенно «дезинтегрировалось, тогда как сознание А, которое было теперь мною, казалось находилось полностью вне моего тела, которое оно могло видеть.»

Постепенно «г-н Смит», как мы будем называть его ради удобства, начал осознавать, что он может видеть не только своё собственное тело, лежащее на кровати, но всё в доме, где он был, а также сад, а спустя некоторое время и вообще всё, что он желал, в Лондоне или даже в Шотландии. Короче, ему нужно было лишь сосредоточиться на месте, которое он хотел увидеть, чтобы видеть его, и здесь мы приходим к самому любопытному пункту, который следует привести в его собственных словах.

«Объяснение, которое я получил, – из какого источника, я не знаю, но которое я получил, призывая к себе моего наставника, – состояло в том, что я был свободен во

временном измерении пространства, где «теперь» было некоторым образом эквивалентно «здесь» в обычном трёхмерном пространстве повседневной жизни. Затем я осознал, что моё поле зрения включает не только «вещи» в обычном трёхмерном мире, но также и «вещи» в тех четырёх- или более-мерных местах, в которых я был... От своего наставника я узнал, что наш мозг является всего лишь конечным органом [end-organ], как бы проецирующийся с трёхмерной вселенной в психический поток и втекающий с ним в четвёртое и пятое измерения. Вокруг каждого мозга, как я это видел, казалось было то, то я могу описать обычными словами лишь как сгущение психического потока, который образовывал в каждом случае некое облако, только это не было облаком.

Любопытно как в таких трансовых состояниях мысли или объяснения, приходящие к нам от некоторого другого ума,сонастроенного с нашим собственным, кажутся совершенно ясными, но, рассмотренные с критической способностью нормального ума, не могут представить рационального смысла.»

Наставник г-на Смита объяснил ему, – рассказывает он нам, – как четвёртое измерение есть во всём, существующим в трёхмерном пространстве, и в то же время всё в трёхмерном пространстве существует в четвёртом измерении, а также и в пятом измерении, «и я, – говорит он, – в тот момент совершенно ясно понимал, что это означало и как «теперь» в четырёхмерной вселенной было одним и тем же для всех намерений и целей, как «здесь» в трёхмерной вселенной, т.е. четырёхмерная сущность есть везде в «теперь», точно также

как кто-то есть «везде» в «здесь» в трёхмерном взгляде на вещи.»

Постепенно г-н Смит начал узнавать людей и ощущать их *ауры*, выражаясь на ‘психическом’ языке. Один человек производит зрительное впечатление синего, один – розового, один – багряного и тёмно-красного, один – тёмно-коричневого, один – абрикосового и т.д. В этот момент кто-то, вероятно сиделка, вошла в спальню г-на Смита. «Я осознал, – сказал он, – что она страшно потрясена, и я увидел, как она спешит к телефону. Я увидел, как мой доктор оставляет своих пациентов и очень быстро идёт, и услышал, как он говорит или увидел, как он думает: «Он почти что отошёл». Я слышал его совершенно ясно говорящим ко мне в кровати, но я не был в контакте со своим телом и не мог ответить ему.» Доктор взял шприц и ввёл камфару в тело своего пациента, и когда его сердце начало стучать сильнее, он почувствовал, что его тянет назад в его физическую форму к его сильному разочарованию. Вся ясность видения, которым он наслаждался в этом трансовом состоянии, рассеялась, и вместо этого он обнаружил себя обладающим лишь смутным сознанием и снова страждущим от боли.

Сэр Окланд Геддес, комментируя это замечательное астральное приключение, замечает: «Это помогло мне определить идею психического континуума, простирающегося во времени подобно плазматической сети [a plasmic net] ... Это переносит телепатию, ясновидение, спиритизм и вообще все парапсихические проявления в область представимого [picturable].»

Да, действительно, в известном смысле объяснение феноменов времени в терминах пространства и наоборот может быть осуществлено алгебраически, как например попытался сделать г-н Дж. У. Данн [J. W. Dunne]⁹, но передать смысл таких отношений уму понятным образом – совсем другое дело. Человек думает о жизни, как о потоке, текущем во времени, а будущее и прошлое, существующие (если употребить явно противоречивое выражение) одновременно, и в этом лежит трудность, первостепенная трудность, ибо как только это схвачено, если рассудок равен задаче, то мы должны сделать выводы и следствия, которые поднимут перед нами другие проблемы, а именно, вопрос о реальности свободной воли и существования такой вещи, как личная ответственность. Здесь мы действительно сталкиваемся лицом к лицу с загадкой Сфинкса. Наш здравый смысл отказывается принять выводы, к которым приводит нас наш разум.

Имея дело с такими феноменами, мы неизбежно вспоминаем древнеиндийскую философию, которая говорит нам, что мы живём в мире иллюзии, и что кроме сознания, которое оживляет её, всё остальное есть «майя» или обман чувств. Но как быть, когда приходит это предвидение будущего, предвидение, которое кажется представляется не в какой-либо последовательной форме, но как бы отрывками? Можем ли мы приписать такое предвидение Мировой Душе, или *Anima Mundi*, и хватать проблески будущности с её помощью, конечно же предполагая, что будущее

⁹ На русском есть его книга «Эксперимент со временем».

предопределено? Если нет, то мы можем точно так же спросить себя, как такое может быть? Машина времени Уэльса? Это помогает нам?

Спорить о том, как мы будем там выглядеть, было бы очень коренным отличием между прогрессом [продвижением] в пространстве и прогрессом [продвижением] во времени. «Вечное теперь» – условная фраза, но имеет ли она какой-то смысл для наших умов? Время в феноменальном мире подразумевает последовательность событий. Мы не можем ускользнуть от этой истины. «Вечное теперь» отрицает время, оно отрицает последовательность. Оно отрицает прогресс, эволюцию, развитие, изменение – короче, все идеи, которые мы ассоциируем с жизнью, как мы её понимаем. Гораздо легче принять предопределение, детерминизм, если хотите, однако скорее наше сознание взбунтуется против этого, чем допустит отрицание времени в качестве объяснения в феноменальном мире, даже если мы примем это за отдельную [one] реальность, за кулисами феноменальной. Ибо мы не можем объяснить феноменальное в терминах абсолютного. Доколе мы обладаем сознательной жизнью, мы привязаны к относительности, как *сапожник к своей страсти* [поговорка], и чтобы преодолеть трудности на этом пути, кажется мне простым смещением мысли и не предлагать решений проблемы, которая встала перед нами.

Осмелимся ли мы принять предопределение? Должны ли мы тогда будем отвергнуть свободу воли? В любом случае эта свобода жёстко ограничена, но какая-никакая, мы крепко цепляемся за неё. Быть может это скорее зависит от того, что

мы подразумеваем под термином «свободная воля». Как я уже указал в другом месте¹⁰, наш выбор действия, подчинённый обстоятельствам, в которые мы помещены, зависит от нашего собственного характера. Мы действуем, как должны при данных условиях, так как наш характер таков как есть, и ни по какой иной разумной причине. Если бы у нас был другой характер, или если бы изменились обстоятельства, то мы и действовали бы по-другому. Таким образом, с нашей личной точки зрения у нас есть свободная воля тогда, когда мы делаем наш личный выбор. Характер является основной пружиной действия. Джон Джонс при определённых обстоятельствах не действует подобно Тому Смиту, так как он Джон Джонс. Характер и обстоятельства между собой определяют историю мира и судьбу народов. Если бы Джон Джонс был вынужден действовать иначе, чем он действует, то потому что у него был бы иной характер, чем тот что есть, короче, потому что он не был бы Джоном Джонсом. Так не должны ли мы тогда признать, что Всезнающая Премудрость может всё предвидеть? Если бы было иначе, то мы были бы вынуждены признать, что какой-то причинный элемент был упущен, который привёл бы к изменению предвкушаемых последовательностей, и принимая это, мы раскрываем всё дело.

Почему такая вера должна вести к унынию, порождённому фатализмом? Правда в том, что мы видим основную пружину наших действий в характере, а не в прихоти. Простимулирует ли это мои усилия, чтобы подумать, что

¹⁰ The New God and other Essays.

будучи Джоном Джонсом, я действовал как если бы был Томом Смитом? Едва ли такое мыслимо. Судьба и свободная воля, я могу предположить, являются одной и той же истинной, только под разными углами зрения, и знание, что мы действуем так, как мы действуем, потому что мы есть тем, что мы есть, не сдерживающее усилие, но скорее побуждение для исправления наших недостатков. Гипотеза детерминизма никогда ещё не опровергалась. Возможно из этого есть выход, но если так, то это ещё ждёт своего открытия.

Однако это далеко от слов, что позиция детерминиста свободна от нападок. Она подверглась нападению совсем недавно и выдающимися в своих сферах людей, людей, чьи аргументы, скорее находчивые, чем убедительные, сбили с пути многих поверхностных мыслителей, и многие также, которым следовало бы знать лучше, чем полагаться на их приправленное философствование. Она подверглась нападкам такими людьми как, например, Эддингтон и Бергсон, если назвать только двух самых знаменитых. Детерминизм ассоциирован с неизбежной последовательностью причин и следствий, звеньев цепи, которая ведёт нас вперёд от тайны нераскрытого прошлого к неизбежному будущему, которое скрыто в своих первых началах, точно так же как дуб скрыт в жёлуде. Однако вот, что сэр Артур Эддингтон говорит нам:

«Весьма любопытно, – замечает он, – это элементарное понятие причины и следствия совершенно несовместимо со строго причинной схемой. Как мог бы я стать причиной событию в абсолютном будущем, если бы будущее было

предопределено до того, как я родился? Это понятие, очевидно, подразумевает, что нечто может родиться в мир в мгновение здесь-и-теперь, которое имеет влияние, простирающееся в конус будущего, но без соответствующей связи с конусом абсолютного прошлого.»

Шалтай-Болтай в «Алиса в зазеркалье» заметил, что когда он использует слово, он заставляет его означать то, что он выберет. Мне кажется, признаюсь, что сэр Артур Эддингтон вырвал лист из книги Шалтай-Болтая.

Понятие причинной непрерывности в бесконечной причинно-следственной цепи связано с прошлым столько же, сколько и с будущим. Что такое причина, с точки зрения будущего, – следствие, рассматриваемое с точки зрения прошлого. Нет разрыва в последовательности, как слова профессора могут подразумевать. Если употребляемая фразеология не по вкусу профессору Эддингтону, любым способом её нужно изменить, чтобы угодить его вкусу. Но мы здесь имеем дело с тем, что Carlyle хотел обозначить термином «сущностная истина Божия обозначаемой вещи», и тогда, играя со словами, не просто будет разрушать силу аргумента, который профессор тщетно попытался опровергнуть.

Более великий человек, чем Эддингтон, Иммануил Кант превратил всё дело в скорлупу ореха, когда написал: «Какие бы концепции ни создавать о свободе воле с точки зрения метафизики, не может быть сомнения, что её проявления, человеческие действия, точно так же определены общими законами Природы, как и любое другое естественное

явление. Мы можем, поэтому, допустить, что если бы было возможно для нас проникнуть так глубоко в способ человеческого мышления (как обнаруживается в его внутренних, а также и его внешних действиях), чтобы мы могли познать каждую пружину действия, вплоть до самой последней, а также все внешние причины, которые обусловили её, то мы были бы способны вычислить его будущее поведение с полной определённой, как мы можем вычислять затмение Солнца или Луны.»¹¹

Именно так, при всём уважении к сэру Артуру Эддингтону. Игра слов оставляет аргумент Канта без ответа, и очевидно не имеющим ответа. Что имеет в виду профессор, когда он говорит об «абсолютном» будущем и «абсолютном» прошлом, признаюсь, я совершенно не могу понять. В этой феноменальной вселенной я мог бы напомнить ему, что все вещи относительны, и прошлое и будущее не составляют исключений к этому вселенскому правилу. Для Науки такие фразы не имеют значения, а в философии слово имеет совершенно иной подтекст к тому, который даёт профессор.

Для дальнейшего подтверждения позиции, которую я принял, я процитировал бы уместное наблюдение сэра Лесли

¹¹ «Критика практического разума» (Следовательно, можно допустить, что если бы мы были в состоянии столь глубоко проникнуть в образ мыслей человека, как он проявляется через внутренние и внешние действия, что нам стало бы известно каждое, даже малейшее побуждение к ним, а также все внешние поводы, влияющие на него, то поведение человека в будущем можно было бы предсказать с такой же точностью, как лунное или солнечное затмение, и тем не менее утверждать при этом, что человек свободен.)

Стефана в «The Science of Ethics»: «Если два человека действуют по-разному, то должна быть некоторая соответствующая разница в характере или обстоятельстве, точно так же когда два тела дают разные реакции, должна быть некоторая соответствующая разница в их химических составах. Нарушать закон не плохо, а невозможно.»

И опять, Герберт Спенсер в своих «Началах Психологии» замечает: «Психические изменения либо соответствуют закону, либо нет. Если нет, то эта работа (т.е. Начала Психологии) общая со всеми работами по этому предмету полная чушь; никакая Наука Психология невозможна.»

Мы можем завершить этот вызов великих людей прошлого меньшими светочами сегодняшнего дня кратким предложением из Ральфа Вальдо Эмерсона, сформулированном в его собственной чудной фразеологии. «Если бы мы думали, – говорит он, – что люди свободны в том смысле, что одна фантастическая воля могла бы возобладать над естественными законами, это всё равно что рука ребёнка могла бы стянуть Солнце».¹²

Однако не нужно упускать из виду один пункт, в связи с этой глубокой и архиважной проблемой. Если мы гарантируем, что характер человека и обстоятельства, в которые он помещён (сочетание этих двух) определяют его судьбу, то мы должны также спросить себя, откуда берётся этот характер, который составляет человека? Каково его происхождение и источник? Отпрыск ли это прихоти судьбы

¹² В «The Conduct of Life».

или наследства? Или он был построен самим человеком в бесчисленных предыдущих жизнях? Я рассматриваю эту проблему в другом месте.¹³ Здесь я просто хочу привлечь внимание к тому, что в ответе на этот вопрос содержится секрет человеческой индивидуальности и причина того, почему его характер таков, каков есть. Возможно это не решает тайну личной ответственности для детерминиста, но это, по меньшей мере, отодвигает проблему одного из двух факторов, которые куют судьбу человека, на более раннюю стадию, и предполагает, что он через опыт несчётных прошлых жизней сделал себя тем, кем он есть.

Глава 2.

Природа эфирного тела.

Здесь уместно будет что-то сказать насчёт тех различных имён, даваемых тонким или нематериальным телам, в которые, как предполагается, человеческое сознание оказывается одетым, когда отделено от тела либо после смерти, либо когда совершает то, что именуется астральными путешествиями [excursions] за пределами физической формы, но всё ещё прикреплённым к нему посредством эфирного шнура, постоянные упоминания о котором делаются теми, у кого бывали внетелесные переживания. То, что различные писатели об оккультных и

¹³ В «The Problem of Rebirth».

спиритических феноменах никоим образом не согласны по этому предмету, хорошо известно. Разногласие во многих случаях связано с чистой и простой номенклатурой, и хотя это часто приводит к путанице, само по себе это не имеет серьёзных последствий, но есть расхождения куда более серьёзного вида, например, когда нам говорят с одной стороны, что эфирное тело часто сбрасывается в течение нескольких часов после смерти, нам дают понять с другой, что это облачение, в которое нам суждено быть одетым в течение жизни на другом плане, возможно постоянно, во всяком случае неопределённый период времени.

Как я понимаю, взгляд ортодоксального теософа сводится к тому, что астральное тело занимает место эфирной оболочки за короткий период после того, как эфирный шнур окончательно разорвётся и, следовательно, когда невозможно будет дальнейшее возвращение на земной план, по меньшей мере, в нынешнюю физическую форму индивида.

Итак, мне кажется весьма опасным догматизировать по вопросу, относительно которого у нас, как представляется, очень мало практического [positive] знания, но я полагаю, что несколько общих наблюдений по этому немного тёмному вопросу смогут прояснить ситуацию и, по меньшей мере, избежать непонимания, касательно утверждений, сделанных в настоящем томе и употребления в нём некоторых выражений в этой связи. Во-первых, не помешает заметить, что идея индивидуального существования без какого-либо носителя, через которого сознание может действовать, противна разуму. Индивидуальность подразумевает

ограничение, а без какого-либо тела – материального, эфирного или иного – невозможна такая вещь, как ограничение, и, следовательно, такая вещь как индивидуальное сознание, отличное от мирового сознания, или жизненного потока. Соглашаясь с этим взглядом, г-н Уильям Кингсленд [Kingsland] замечает в своей научной и философской работе по Рациональному Мистицизму¹⁴ (Глава 10):

«Вполне очевидно – совершенно не прибегая к каким-либо метафизическим спекуляциям насчёт фундаментальной природы Жизни и Сознания или способов их проявления – что если мы хотим верить в существование каких бы то ни было сознательных сущностей во Вселенной, либо космической, либо более ограниченной природы, существование которых независимо от физической материи или физических тел; или если мы хотим верить каким бы то ни было образом в жизнь нашего собственного сознания после телесной смерти, то такая индивидуальная жизнь, или такие сущности должны иметь некоторый субстанциальный носитель, или тело, в котором или через которых Жизнь и Сознание могут существовать, функционировать или объективно проявляться.»

Г-н Кингсленд продолжает и указывает, беря в качестве примера наш собственный случай, человеческих существ, что такое тело не может вступить в существование в результате смерти физического тела. Оно должно существовать теперь, как начало, наделяющее тело энергией,

¹⁴ Rational Mysticism: A Development of Scientific Idealism.

и видимая смерть индивидуума должна быть обусловлена отнятием этой эфирной оболочки, или тонкого тела, без помощи которого физическая форма не может больше функционировать на физическом плане.

Сэр Оливер Лодж посвятил короткое исследование, озаглавленное «Эфир и реальность» [Ether and Reality], которое он обозначил, как «Ряд бесед о многочисленных функциях эфира пространства», доказательству, среди прочего, абсолютной необходимости какого-нибудь носителя, дающего возможность материальной форме действовать каким-нибудь образом даже в этом материальном мире. Что касается этого эфирного тела, то он задаёт вопрос, изнашивается ли оно, когда физическая форма погибает, и отвечает на этот свой вопрос такими словами: «Мы можем быть уверены, что эфирное тело не изнашивается, т.е. вопреки всему тому, что мы знаем об эфире и его совершенных свойствах.» Итак, мы видим, что взгляды сэра Оливера Лоджа и теософии (обычно принимаемый и разделяемый) на этот вопрос диаметрально противоположны. Как же тогда быть с так называемым «астральным» телом? Как я понимаю, многие (включая костяк теософов) верят, что оно переживает эфирное тело. Это тело, если говорить коротко, как они считают, постоянное или примерно таково, тогда как эфирное — переходное по своей природе.

С другой стороны, термин «астральное тело» постоянно используют в качестве синонима «эфирного тела». Сильван Мульдон и другие практики этого искусства пишут об «астральной проекции», имея в виду, конечно же, выходы

[extrusion] тонкого тела из его физической оболочки. Почему, можем спросить, не называть это «эфирной проекцией»? Признаюсь, я не могу ответить на этот вопрос, могу лишь сказать, что фраза «астральная проекция» стала стереотипом и поэтому считается узнаваемой фразой для определённого вида передвижения вне физической формы. В моих комментариях и критике книги г-на Сильвана Мульдона и других писаний по этому же предмету я принял популяризированные этими писателями фразы не потому, что я считаю их подразумевающими какой-либо частный взгляд относительно состава тонкого тела, в котором упомянутые проекционисты, как они утверждают, совершают свои внетелесные путешествия, но потому, что рассматривая те отчёты, которые они дают о своих переживаниях, я считаю, что употребление их собственной фразеологии позволит избежать путаницы и какого-либо подозрения <меня> в искажении того, что они говорят.

Я не выражаю никакого взгляда по данному вопросу поступая так. Действительно, если бы я сам выбирал слово, то я, вероятно, использовал бы термин «эфирный», как наименее подразумевающий веру в многочисленные мнения и догматические учения, относительно которых я предпочитаю держать ум открытым.

Итак, принимая, что это эфирное (или астральное) тело является носителем, через который и посредством которого индивидуум действует после физической смерти, я думаю, мы можем заключить, что на своём собственном эфирном плане оно такое же объективное для сознания, как и физическое тело на физическом плане. Однако мы должны

оградить себя от того, чтобы смотреть на него, в каком бы то ни было смысле, как на душу или дух рассматриваемого человека, но скорее как на одеяние души на том плане, на котором она функционирует, а потому, естественно, как на выражающего характер этой души подобно тому, но более точно, как его выражает физическое тело, потому что последнее менее ответственно за эмоции и менее пластично по своей природе, чем его эфирный двойник [counterpart], особенно, когда оно становится старше.

Утверждать, что мы сохраняем наш эфирный двойник после ухода из этой жизни, вовсе не означает, что он не подвергается изменению или сублимации, по мере того как его владелец со временем возносится к высшим сферам. Естественно лишь предполагать, что это так, но это совершенно отлично от утверждения, что сразу же после сбрасывания этой смертной оболочки [coil], мы начинаем так же сбрасывать эфирную. Быть может материальная оболочка не отбрасывается *in toto* [лат. полностью], а только до некоторых низких степеней, и что в некоторых из упомянутых случаев экстериоризации психического тела г-ном Гектором Дюрвиллем в его гипнотических экспериментах, когда части эфирного отставали долго после того, как субъект возвращался в нормальное состояние, также и эфирная форма может оказаться прилепленной к нему некоторое время после окончательного обрыва эфирного шнура, остатки его физического состояния, которым ещё не достаточно времени для дезинтеграции? Это могло бы объяснить взгляд, которого придерживаются теософы, что нужно претерпеть нечто подозрительно

похожее на вторую смерть, перед тем как сознательное эго сможет оказаться свободным от своих смертных обуз. Что касается так называемой мысле-формы, то это по-видимому согласуется с некоторым истощением жизненной силы [vitality] физической формы – свидетельствует случай Эмили Саже [Emile Sagee]¹⁵, например. Часто эта потеря жизненной силы совпадает с состоянием дрёмы или рассеянности, или же не так уж и редко с глубоким сном.

Невозможно переусердствовать с настаиванием на том, что нет причины предполагать, что эфирное тело на эфирном плане должно казаться менее вещественным [solid] для своего владельца, чем физическое тело на физическом плане. Теория о том, что тела перешедших на другой план кажутся им плёночными или газоподобными, каковой, например, казалась мысле-форма мадемуазель Эмили Саже её ученикам, – не находит подтверждений. Обитатели другого плана, если они вообще являются нам, являются расплывчатыми и невещественными исключительно потому, что мы смотрим на них с физической точки зрения. Вообще-то, в норме они невидимы, точно так же как и мы можем предположить, что в норме мы не видимы им.

Да, верно, что на настоящем сеансе материализации духи с другого плана могут вселяться во временно вещественные [solid] тела этого плана¹⁶, но в этом случае тело

¹⁵ Отчёт об этом замечательном случае представлен в Главе 3.

¹⁶ Этот факт, несмотря на весь естественный скептицизм, поддерживается таким выдающимся человеком, как сэром Уильямом Круксом и многими последующими научными исследователями. Мой личный опыт это подтверждает.

предположительно состоит из сочетания эфира и какой-то физической эманации. Можно предположить, что некоторое электрическое поле порождает эффект извержения эктоплазмы из тела медиума, но в любом случае физическое устройство <тела медиума>, которое может сделать это возможным, встречается крайне редко и является аномальным. Мы должны принять, что в таких случаях физические органы извлекаются из физических органов медиума и вся форма создаётся процессом, который отчасти ментальный и отчасти физический. Так как медиум не может расходовать [spare] материал, который используется в этих феноменах, то форма должна быстро исчезать. Иначе неизбежно последовала бы смерть медиума. В любом случае, частое использование таких сил представляет серьёзную опасность, так как это истощает медиума как физически, так и ментально, и, если не смерть, может оставить ему или ей нервное потрясение с потерей самообладания: душевного или какого иного. Отсюда опасность обмана в таких случаях, даже со стороны настоящих медиумов. Короче, это происходит от того, что они теряют своё ментальное и душевное равновесие. Сеансы такого вида самые истощающие для медиума, и одна из самых верных проверок на их искренность заключается в состоянии медиума после окончания сеанса, которое, если сеанс был *bona fide* [достоверным], неизбежно должно дать безошибочные признаки крайнего физического и нервного истощения.

Итак, согласно гипотезе, которую я обрисовал выше, всегда должно быть некоторое заметное смещение в физической форме физического и эфирного, и дезинтеграция тела при

смерти необходимо должна быть очень постепенным процессом. Отсюда <проистекает> та теософская теория «оболочек» [shells], которые остаются позади, когда сознание убегает из своей физической обёртки [envelope], и <теория> тех сил и свойств, о которых я много думаю, о них также много говорится в некоторых кругах. Это, несомненно, догадки, но мы должны держать в уме тот факт, что расторжение души и тела при смерти, хотя и ускоряется в случаях кремации, обычно затягивается на значительный период, и что огоньки, видимые иногда на кладбищах и погостах, особенно ясновидящими, являются зрительным свидетельством этого процесса дезинтеграции. Объяснение феноменов материализации на основе оболочек, или останков, которые сбрасываются в процессе физической смерти, представляется мне совершенно ошибочным, равно как и теория, что эфирное тело в целом следует физической форме в её процессе разрушения.

Я обрисовал свои взгляды на предыдущих страницах пробным образом. Этот предмет следует рассматривать *sub judice* [находящимся под следствием, т.е. ещё не решённый], но я думаю кое-что следовало сказать здесь о проблеме, которая, вообще-то говоря, остаётся в очень туманном состоянии. В общем, в настоящем томе выражения «астральный» и «эфирный» употребляются как синонимы, так что вполне резонно спросить, отличаю ли я, и если да, то как, одно от другого.

Глава 3.

Засвидетельствованные феномены

Несколько образцовых случаев послужат для иллюстрации трудности, вызванной проблемой, поднятой в предыдущей главе.

Так, в свидетельстве, отправленном в журнал «Light», миссис Marjorie Livingston рассказывает о своём опыте, в котором она предприняла то, что можно назвать астральным полётом, но, достигнув чего-то вроде храма в Потустороннем, она оказалась неспособной войти в него без того, чтобы сбросить форму, которую она до сих пор использовала в своём полёте. «К этому времени, – говорит она, – я полностью потеряла ощущение [awareness] своего физического тела, после посещения храма». Спускаясь по большому пролёту из мраморных ступенек, она увидела своё собственное тело, лежащим на ступенях крепко спящим, но не внешнюю физическую оболочку, а эфирное подобие себя. «По-видимому, – поясняет она, – даже эта форма, хотя и внутренняя, не была достаточно одухотворена, чтобы получить доступ к Святилищу, которое мы только что посетили». «Проводник, – продолжает она, – наклонился и разбудил это тело, и я почувствовала себя пробуждённой вместе с ним».

«Это пример, – так она сама комментирует свой опыт, – когда в течение нескольких минут я действовала в трёх слоях сознания, каждый с соответствующей ему формой, и каждая форма – представление меня, легко опознаваемое как личность».

Здесь у нас имеется приключение (если мы можем принять толкование рассказчицы её опыта), в котором не только было сброшено физическое тело, но также и следующее тело. Это, кажется, подтверждает теософское учение по этому предмету, но, вероятно, может скорее быть объяснено постепенным затуханием [attenuation] эфирного двойника. Однако возникает следующий вопрос. Многочисленные свидетельства и, по всей видимости, очень хорошо обоснованные [substantiated] учат [reach] нас о людях, посещающих удалённые сцены и видимых другими в местах очень удалённых от их физических тел в том, что называется некоторыми их мыслеформами [thought forms]. При каких обстоятельствах эти <формы> следует отождествлять с их астральными или эфирными телами? Проблема никогда не рассматривалась как следует, хотя на этот счёт и делались некоторые догматические заявления. Некоторые предыдущие примеры имеют отношение к этому вопросу. Я прибавляю ещё некоторые уместные случаи, и их можно умножать сколь угодно долго. Я беру один из журнала «Psychic Science», датированный октябрём 1934 г. Это случай, когда некто Becket Williams, магистр гум. наук Оксфордского Университета, был видим своим другом, д-ом Kendrick Pyne из Манчестера, а также и его женой, совершенно ясно в их спальне ночью, но до того как был выключен свет, смотрящим на них с очень серьёзным выражением на своём лице.

Г-н Уильямс фактически находился в доме приходского священника [abbot of a community] в Newton Heath, в компании д-ра Пайна, и, из-за состояния своего здоровья, его

уговорили заночевать, его друг тем временем возвращался домой.

Священник, уходя, дал ему лекарство, которое, как он заверил его, исцелит его симптомы горячки. Он хорошо выспался и проснулся с нормальной температурой, хорошо отдохнувшим и не помня о своём ночном визите.

Можем ли мы предположить, что это был случай астральной проекции во сне, вызванной сильным лекарством, назначенным священником? Я мог бы предположить, что если так, то выздоровление пациента было обусловлено или, по меньшей мере, получило помощь тем, что физическое тело было оставлено свободным, чтобы поправляться, пока сознательная личность наносила куда-то визиты. Однако, мы также можем постулировать гипотезу о ментальном образе.

Вот два примера разных видов, записанных под заглавием «случайные мистические феномены» в *Catholic volume* мсье Альбера Фарже [Albert Farges], доктором философии и теологии, переведённом <на английский> S.P.Jacques. Они имеют отношение к знаменитой парижской ясновидящей, мадемуазель С_, чьи заявления были исследованы комиссией, назначенной французским обществом психических исследований.¹⁷

¹⁷ Albert Farges. *Mystical Phenomena Compared with Their Human and Diabolical Counterfeits* (1926). Оригинал на французском: *Les Phénomènes mystiques distingués de leurs contrefaçons humaines et diaboliques* (1920). Мистические феномены, отделённые от их человеческих и дьявольских подделок.

Случилось, что в городе Монпелье умер один офицер, и, как достаточно часто случается во Франции, он спрятал свои ценности, включая документы на право собственности и т.д. в потайное место, которое его наследники не смогли найти. Один из них, перед лицом этой трудности, решил обратиться к парижской ясновидящей. Мадемуазель С_, после расспроса о самых мелких деталях, включая название улицы, номер дома, описания комнат и т.д., вошла в состояние транса и сделала то, что называется ментальным путешествием в Монпелье. После некоторых колебаний (согласно её собственному отчёту) она достигла города и указанной улицы, остановилась у упомянутого номера, поднялась по лестнице, узнала описанные комнаты и, войдя в одну из них, подняла занавески кровати, на которой умер офицер, и, заметив потайное место в стене, заглянула в него и обнаружила там пропавшие документы на право собственности вместе с золотым слитком на 100 франков, который хранил дядя и раньше показывал своим племянникам. Племянник, действуя по указанию ясновидящей, поехал в Монпелье и нашёл документы и 100-франковый слиток в месте, указанном мадемуазель С_.

Приходской священник из Saint-Suplice (отец Méretan) приводится в качестве авторитета для другой истории, свидетельствующей о ясновидческих силах этого парижанина. По-видимому в его приходе была одна бедная швея, которая изготовила дорогое платье по заказу одной светской дамы, баронессы Х., и сама отнесла его в дом этой дамы в назначенный день. Однако эта дама пожаловалась,

что она не получила своё платье, а когда швея завершила её, что она лично отнесла его, та назвала её лгуньей и воровкой.

С большой неохотой эта швея обратилась к мадемуазель С. и рассказала ей о своей проблеме. Последняя, удостоверившись во всех подробностях, касающихся дома той дамы и внешнего вида коробки, в которую было положено платье, вошла в состояние транса (второе состояние, как она это называла), отправилась к тому дому и, обшарив каждый угол, нашла ту коробку, которая была положена в чулан, по всей видимости служанкой, которая забыла её доставить <своей хозяйке>. После этого швея пошла в дом баронессы и попросила разрешения обыскать тот чулан, где и было найдено платье. Приходской священник заявил, что это только одна из многочисленных подобных историй, за истинность которых он может поручиться.

Здесь перед нами два параллельных случая. Как это делается? Должны ли мы говорить о мыслеформах и отличать их от того, что г-н Мульдон называет астральным телом, а сэр Оливер Лодж – эфирным телом? Несомненно есть место для двух мнений по этому вопросу, но как нам провести <разграничительную> линию между одной формой опыта и другой? Они, кажется, незаметно и плавно переходят одна в другую. Эти феномены столь близки, что представляется поспешным описывать их как существенно отличные. Пока в одних приводимых случаях сознание индивида, кажется, действительно функционирует в двух местах одновременно, есть и другие, в которых оно явно действует полностью вне физического тела.

Нет сомнений, что этому феномену биллокации благоприятствует как состояние сна, так и транса, и большая часть доступных записей, в которых эти <феномены> вызываются не искусственно или умышленно, <говорит о том, что они> имеют место в одном или другом из этих состояний, или ещё в состояниях физического истощения во время серьёзной болезни или недомогания.

«Двойник» даже вторгнулся в Палаты Парламента. Сэр Карн Раш [Carne Rasch], лёжа больным в постели, наблюдался в Палате Общин не только Сэром Гильбертом Паркером, но также и Сэром Артуром Гайтером [Hayter]. Сэр Гильберт сказал насчёт этого опыта: «Когда Раш принял моё приветствие кивком с каким-то пристальным взглядом, а мой приветственный вопрос встретил молчанием, я был немного удивлён, и когда он внезапно и молча исчез, я положил свою руку себе на голову в крайнем замешательстве, и спросил себя, возможно ли, чтобы бедный Раш, о чьей болезни сообщали газеты, действительно умер».

Сэр Артур Гайтер также утверждал, что он видел Сэра Карна Раша в то же время. Он заявил, что был поражён его чрезвычайной бледностью, а также, что он занял место, далеко отстоящее от его обычного места.

В другой раз другой член Палаты, д-р Марк Макдоннелл [Macdonnell], наблюдался другими членами в два дня подряд и самым настоящим образом зарегистрировал свой голос в лобби для голосования, хотя на самом деле он не покидал своей комнаты, будучи прикован к постели в то время. Эти события, произошедшие при таких обстоятельствах

публичности, естественно вызвали комментарии в ежедневной прессе.

Прочитую следующий случай, приводимый некоторое время назад корреспондентом Дейли Телеграф. Он пишет:

«Мой отец, клерк, находился далеко от дома временным заместителем, и однажды, когда моя мать находилась в своей спальне, выглядывая из окна, она его увидела, с сумкой в руке, быстро идущего вниз по тропинке через кустарники, ведущей к дому. Его не ждали дома, и она с большим удивлением стала выходить из комнаты с намерением спуститься вниз, чтобы поприветствовать его. На полпути лестницы она столкнулась со слугой, который тотчас же сказал: «Прошу, мэм, хозяин здесь». Я могу упомянуть, что слуга в тот момент был занят накрытием стола для обеда в столовой комнате, которая также выходила на передний двор дома.

Нет нужды рассказывать о крайнем удивлении обоих, когда они выяснили, что это была ошибка. Мой отец возвратился домой лишь несколько дней спустя в предполагаемое время. Когда ему рассказали об этом случае, он отчётливо вспомнил сновидение, которое у него было о возвращении домой. Сновидение имело место на берегу моря в полдень, где он задремал на несколько минут. Был проверен день <когда это имело место>, обратившись к дневнику, который он всегда вёл. Итак, можно сделать вывод, что видение было вызвано тем, что сновидец действительно был там в духе».

Истории подобного рода фиксировались во все исторические эпохи. Например, их рассказывают о многих святых древней

церкви. О св. Антонии Падуанском утверждается, что, проповедуя в церкви Сен-Пьер-дю-Квейруа в Лиможе в страстной четверг в 1226 году, он внезапно вспомнил, что обязался быть на службе в этот самый час на другом конце города. Натянув капюшон на голову, он на несколько минут встал на колени, собравшиеся при этом ждали. В этот момент, как утверждают, собравшиеся монахи видели, как Святой выступил вперёд со своего места в монастырской часовни, прочёл полагающийся отрывок из службы и тотчас же исчез. Более поздний зафиксированный случай датируется 17 сентября 1774 г., это случай Альфонса де Лигвори, который, находясь в заключении в Ареццо, оставался пять дней в своей келье, не принимая никакой пищи. В конце своего поста он проснулся одним утром и заявил, что присутствовал у смертного ложа папы Климента XIV. Его заявление впоследствии было подтверждено, и говорят, что его видели среди присутствующих возле ложа умирающего папы.

Один подобный случай записан самим Гёте. Одним летним вечером он гулял с другом, возвращаясь домой из Бельведера в Веймаре, когда он встретил, как он думал, одного старого знакомого, Фридриха¹⁸, одетого к его удивлению в пижаму, ночной колпак и тапочки. Сопровождавший его друг не увидел ничего, и Гёте понял, что стал жертвой галлюцинации. Однако придя домой, он действительно застал Фридриха, который зашёл к нему домой, весь промокший от ливня, и снял с себя свои мокрые одежды, и

¹⁸ Возможно Фридерика, подруга Гёте, которая упоминается в нижеследующем отрывке.

надел одежду самого Гёте, каким Гёте видел его в своём видении на дороге. Фридрих задремал и ему приснилось, что ходил навестить своего друга. Результатом было яркое представление себя Гёте <в видении>. Психический дар Гёте позволил ему почувствовать то, что не мог увидеть его спутник. Это сообщение наравне со многими параллельными феноменами, но что нам делать с другим эпизодом, который Гёте излагает в «Aus Meinen Leben» [Из моей жизни], если не на основе гипотезы предопределения? Здесь снова мы находим рассказчика эпизода, путешествующим во времени, а не в пространстве.

«Я поехал по тропинке в Друзенгейм, – говорит он, – и вдруг мне явилось странное видение. Я увидел (не физическим, но духовным взором) себя самого, едущим мне навстречу по той же тропинке, в платье, какого я ещё никогда не носил, — тёмно-сером с золотым шитьём. Когда я очнулся, виденье исчезло. Самое же странное, что восемь лет спустя в платье, которое привиделось мне и которое я надел не преднамеренно, а случайно, я ехал по той же дороге, чтобы ещё раз навестить Фридрику»¹⁹.

Есть много случаев, подобных случаю Гёте, с людьми, видящими своих собственных двойников, хотя в большинстве случаев они не связаны с трагедией. Катерина Кроу [Crowe] в «The Night Side of Nature» приводит несколько <таких случаев> из различных источников. Среди прочих, она напоминает случай, рассказанный д-ром Вернером [Werner], когда некий ювелир в Людвигсбурге,

¹⁹ См. Собрание сочинений в 10-и томах, Том 3, Часть 3.

именем Рацель [Ratzel], будучи в то время полностью здоровым, встретил одним вечером своего собственного двойника лицом к лицу на углу улицы. Фигура казалась такой реальной и жизненной, как он сам. Его охватил страх, и фигура исчезла. Он рассказал это событие нескольким своим друзьям и был сильно впечатлён этим. Вскоре после этого, когда он шёл через лес, он случайно столкнулся с какими-то дровосеками, которые попросили его помочь им тянуть канаты, которыми они валили дерево. Он сделал, как его попросили, и был убит упавшим на него деревом.

Другая очень любопытная история принадлежит Герру Бекеру [Herr Becker], который был профессором математики в Ростке. Этот джентльмен ввязался в спор с некоторыми из своих друзей, связанный с одним спорным вопросом в теологии. Для того чтобы подкрепить свою позицию, он пошёл в свою библиотеку, чтобы взять книгу, на которую он хотел сослаться, и, войдя туда, к своему удивлению он увидел своего собственного двойника, сидящего за столом в кресле, которое он по обыкновению занимал. Он подошёл к этой фигуре, которая по-видимому читала, и, заглядывая через её плечо, он заметил, что открытой перед ним книгой была Библия, и что одним из пальцев своей правой руки она указывала на отрывок: «Приведи в порядок дом свой, ибо ты умрёшь» [Ис. 38:1].

После этого он вернулся к компании, рассказал, что он увидел, и, несмотря на их аргументы, выразил своё убеждение, что он вот-вот умрёт, что и случилось на следующий день в шесть часов вечера.

Похожий случай рассказан Штиллингом [Stilling], который, однако, не имел трагических последствий. Один чиновник из Веймара, как он нам рассказывает, по имени Triplin, отправившись в свой кабинет, чтобы взять некоторые важные документы, увидел своего собственного двойника, сидящего там в кресле с раскрытым перед ним тем самым документом. Испытав серьёзную тревогу, он поспешно удалился, но после, вызвав свою служанку, попросил её пойти в его кабинет и принести бумагу, которую она найдёт на столе. Служанка так и сделала и также видя двойника своего хозяина, сделала вывод, что он не стал дожидаться от неё исполнения этого поручения, но сам встал и пришёл раньше её. Объяснения этому любопытному случаю так и не последовало.

Другая история д-ра Вернера упоминает некоего профессора Narrach, кто привык к тому, что каждое утро его звала одна пожилая служанка. Как правило она приходила проверить время, глядя на часы, которые висели над зеркалом его спальни. Однажды она зашла (как ему показалось) необычно тихо, посмотрела на часы, подошла к его кровати и, вместо того чтобы заговорить, внезапно развернулась и покинула комнату. Её поведение показалось ему очень странным, он позвал её и, когда она не ответила, он вскочил с кровати и последовал за ней, но нашёл её крепко спящей в её собственной кровати. Впоследствии то же самое случилось с той же женщиной несколько раз.

Подобный случай был рассказан Катерине Кроу одним эдингбургским издателем. Одним утром, полностью проснувшись, он увидел, как его домохозяйка входит в его

комнату, идёт к окну и снова выходит, ничего не говоря. Так как у него была привычка запира́ть свою дверь, он предположил, что в этот раз он забыл это сделать. Вскоре после этого, однако, он услышал, как она стучит в дверь, которую, встав с кровати, он обнаружил всё ещё закрытой. Будучи спрошенной, она заверила его, что её не было в этой комнате раньше.

Можно процитировать множество других случаев, в которых наблюдается двойник человека в одном месте, тогда как сам он находится в физическом теле в другом месте. Как правило, двойник наблюдается другими, но как будет отмечено в следующих отчётах, он также может наблюдаться и человеком, двойником которого он является. Один из наиболее замечательных случаев в этой связи – случай мадмуазель Эмили Саже [Emile Sagee], опубликованный в журнале «Light» в 1883 году. По-видимому в Ливонии [Латвия] в 1845 году и ещё много лет спустя примерно в тридцати шести милях от Риги и в четырёх или пяти милях от маленького городка Вольмар [совр. Валмиера] была школа для благородных девиц, которая носила имя «Пансион de Neuwelcke»²⁰. Главой этого учреждения был в то время некто г-н Бух [Buch].

Количество девушек – почти все члены ливонской знати – было в то время сорок два. Среди них была и вторая дочь некоего барона Гюльденштуббе [Güldenstübbe], девочка тринадцати лет.

²⁰ См. Robert Dale Owen «Footfalls on the Boundary of Another World».

Одной из учительниц там была одна француженка, мадемуазель Эмили Саже, уроженка Дижона, но принадлежавшая нордическому типу, блондинка бледно-розового сложения с яркими голубыми глазами и каштановыми волосами. Она была чуть выше среднего роста, приятная и весёлая, но застенчивого и нервного темперамента. Её здоровье в целом было хорошее, и на протяжении полутора лет, пока она находилась в Neuwelcke, у неё было лишь одно или два лёгких недомогания. Она была образована, хорошо воспитана и полностью удовлетворяла директора в плане преподавания. В то время ей было тридцать два года.

Через несколько недель после её прибытия в этот институт, относительно неё среди учениц начали шириться странные слухи. Когда одна девушка замечала, что она наблюдает за ней в одной части дома, обычным делом было, что другая отрицала это и заявляла, что она встречалась с ней где-то в другом месте в этот самый момент. Поначалу эти споры списывали на чью-то ошибку, но когда это же самое случалось снова и снова, ученицы начали считать это очень странным и, как и положено, сообщили об этом другим учительницам. Профессора, которые давали уроки в этом институте, когда они услышали эту историю, не придали этому никакого значения и заявили, что такое противоречит здравому смыслу.

Но обстоятельства дела скоро дошли до директора и приобрели характер, не оставляющий места двум мнениям. Однажды, когда Эмили Саже давала урок тринадцати своим ученицам, среди которых была мадемуазель

Гюльденштуббе, и когда, для того чтобы сделать своё объяснение более ясным, она начала писать обсуждаемый отрывок на доске, совершенно неожиданно все девочки увидели, к своему величайшему удивлению, две мадемуазель Саже, стоящие рядом. Они походили друг на друга во всех мелочах и совершали те же телодвижения. Только реальная мадемуазель Саже имела кусок мела в своей руке и писала им на доске, тогда так её двойник не имел, а просто подражал движениям, которые она делала при письме.

Разразилась великая сенсация в институте, поскольку все девушки без исключения видели вторую фигуру и были совершенно единогласны в описании, которое дали этому феномену. Вскоре после этого одна из учениц, некто мадемуазель Антуанетта Врангель, получила разрешение пойти на соседский праздник с некоторыми из своих подружек. Мадемуазель Саже, обычно добрая по натуре, предложила помочь ей с её нарядом и завязывала её платье сзади. Обернувшись во время этой операции, девушка взглянула в зеркало, где увидела отражение двух мадемуазель Саже. Она так испугалась этим внезапным явлением, что упала в обморок.

Шли месяцы, а эти феномены продолжали происходить. Мадемуазель Саже наблюдалась за обедом со своим двойником, стоящим за ней, подражая её движениям, пока она ела свою еду. Ученицы и прислуга, ожидавшие за столом, были свидетелями этих событий.

Однажды все ученицы, числом сорок два, находились вместе в одной комнате и занимались вышивкой. Комната была на

первом этаже главного здания с четырьмя большими окнами, или скорее стеклянными дверями, делающими вид сада принадлежащим зданию. Ученицы, сидящие вокруг стола могли с того места где сидели, видеть, что происходит в саду, и заметили мадемуазель Саже, занятую собиранием цветов недалеко от дома. За другим краем стола была другая учительница, надзирающая за девочками и сидящая в кресле. Спустя некоторое время эта учительница встала и покинула комнату. Очень скоро после этого ученицы, оглядевшись, заметили форму мадемуазель Саже, занимающую это кресло, тогда как в то же самое время они наблюдали её копию по-прежнему занятой собиранием цветов, но движущуюся медленнее, как в сновидении. К этому времени девочки уже более-менее привыкли к этим странным событиям, и две из них подошли к креслу и дотронулись к привидению, которое, как показалось, оказало слабое сопротивление, подобно муслиновой ткани или каучуку. Одна из них даже прошла сквозь часть этой призрачной фигуры. Вскоре после этого эта форма совсем исчезла, тогда как мадемуазель Саже продолжала своё занятие в саду с привычной для неё ловкостью.

Несколько из учениц впоследствии спросили свою учительницу, испытывала ли она какие-либо особые ощущения в тот раз, на что она ответила, что она просто подумала про себя, заметив пустое кресло, что достойно сожаления то, что другая учительница ушла и оставила свой класс на них самих, так как она подумала, что они могут попусту потратить своё время.

Эти феномены продолжались на протяжении восемнадцати месяцев, т.е. всё время, что мадемуазель Саже пребывала в Neuwelcke. Однако были и промежутки, временами, в несколько недель, в течение которых ничего подобного не происходило. Было замечено, что эти феномены случались чаще всего, когда она была особенно занята, и пропорционально ясности и видимой телесности её двойника, её собственная форма показывала признаки слабости и истощения, и наоборот. Сама она, по-видимому, не осознавала того, что происходило, и никогда не воспринимала своего собственного alter ego [другого я].

Естественно, было много толков вокруг этих чрезвычайных событий, и когда уже больше не было сомнений насчёт их реальности, родители учениц отказались оставлять своих дочерей в школе, в которой происходят такие странные феномены, и многие девочки, оставив школу на каникулы, уже назад не вернулись. Спустя восемнадцать месяцев число учениц сократилось с сорока двух до двенадцати.

С неохотой директор был вынужден уволить учительницу, которая исполняла свои обязанности таким исключительным образом, они чувствовали, что у них нет иного выбора, как дать ей высказаться. «Увы! – воскликнула она, после того как они сообщили ей о своём решении, – это уже девятнадцатый раз. Это действительно слишком жестоко!»

Короче, с начала её карьеры школьной учительницы в возрасте шестнадцати лет, она сменила не менее восемнадцати мест работы, и причина её увольнения всегда была одна и та же. Так как главы учреждений, в которых она

работала, никогда не находили никаких у неё недостатков, они всегда давали ей превосходные рекомендации, но когда феномены обнаруживались, её всегда выгоняли куда подальше.

Покинув Neuwelcke, она удалилась на некоторое время в дом своей сводной сестры, у которой было много детей. Мадемуазель де Гюльденштуббе нанесла ей визит, когда она жила там, и обнаружила, что дети вполне привыкли к тем событиям, жертвой которых она была, и по обыкновению говорили, что у них две тётки Эмили. Мадемуазель Гюльденштуббе оставалась в академии всё то время, пока мадемуазель Саже была там учительницей, и все подробности и мена были предоставлены ею с разрешением их опубликовать.

Следует заметить в выше представленном очень любопытном случае, что свидетелями этих происшествий были все ученицы, учителя, прислуга и сами директора, и что все они были совершенно убеждены в реальности этих феноменов. Также стоит заметить, что двойник мадемуазель Саже обладал, по крайней мере один раз, определённой физической консистенцией, и действительно был виден отражённым в зеркале. Как мы увидим позже, в опытах, рассказываемых г-ном Оливером Фоксом, такое отражение не наблюдалось. По-видимому это в действительности зависит от большей или меньшей телесности призрачной формы, и, можно заметить, есть много других записанных случаев о том, что отражение привидения видимо в зеркале.

Итак, изучая двойник мы сталкиваемся с некоторыми проблемами, которые до их пор систематически обходили, но которые должны лежать в компетенции общества психических исследований, чтобы попытаться их прояснить. Первую из них, я думаю, мы можем сформулировать таким образом: Являются ли все эти двойники, фантазмы, эфирные или астральные тела достоверными феноменами, сложенными из какой-то эфирной субстанции, а не просто привидениями, вызванными мозгом? Или они являются коллективными галлюцинациями, мыслеформами и ничем более?

Употребляя слово «галлюцинации», я не подразумеваю чистую иллюзию, но скорее ментальные картины, визуально спроецированные. Если мы примем эту гипотезу, то мы найдём, что она подходит в некоторых случаях, но никоим образом не во всех и даже не в большинстве. Так что мы вынуждены предложить два, если не больше, совершенно отличных объяснения данного феномена.

Если мы принимаем первый взгляд, то мы определённо можем объяснить подавляющее большинство. Затем мы можем сформулировать теорию, что разнообразие феноменов объясняется большей или меньшей плотностью эфирных тел, и я думаю, мы можем сказать, что об этой меняющейся плотности есть достаточно свидетельств. Однако, тот факт, что форма выглядит телесной и так представляется глазу, может быть обусловлено смешением физического с эфирным в её составе, не в пользу избытка эфирного, которое едва ли добавит к её видимости на физическом плане. Будет видно, что я здесь имею дело с

наблюдаемыми явлениями, а не с окончательным устройством эго, так что теософские концепции семикратной природы человека едва ли уместны в моём контексте.

С какой бы неохотой мы ни принимали расходящиеся объяснения по-видимому сходных феноменов, нам, я думаю, должно быть очень трудно отклониться от этого, если мы хотим охватить всё поле. Короче, как я могу предположить, имеется несколько категорий феноменов, которые кажутся сходными, но на самом деле различны, и мы должны остерегаться нашей любви к единообразию, которая сбивает нас с пути в таких случаях. Это всегда искушение, как и универсальная панацея знахарей.

Глава 4.

Астральное путешествие

В настоящей главе я предлагаю некоторые свидетельства того, что я условно буду называть астральным путешествием, – все случаи очень выразительного характера. Первое – случай того, что называется сознательной астральной проекцией. Два других опыта чем-то сходны по природе <с первым>, но происходили в состоянии сна и, поэтому, их нельзя считать строго аналогичными <первому>. Все они, как мне представляется, совершенно необъяснимы какими-либо другими гипотезами, кроме гипотезы путешествия в духовном теле. Четвёртый опыт, опыт Д. Д. Хьюма, имел место в некоем трансовом состоянии, по-видимому, между сном и бодрствованием.

Первый из этих опытов был пересказан одним молодым человеком примерно тридцати лет, по профессии гравёром, и впервые он увидел свет во французской работе д-ра Жибьера, озаглавленной «Анализ фактов» [Analyses de Choses]²¹. Рассказчик говорит о своих собственных приключениях вне своего физического тела, приключениях, которых он не искал, но случившихся с ним самым непредвиденным и неожиданным образом.

«Несколько дней назад, – сообщил он д-ру Жибьеру, – я вернулся к себе, вечером, к десяти часам, как вдруг совершенно внезапно был охвачен ощущением какой-то странной усталости, которое я не мог себе объяснить. Однако, решив лечь не сразу, я зажёл лампу и поставил её на ночной столик возле своей кровати. Я взял сигару, приставил её к пламени моей керосинки и сделал несколько затяжек, затем я протянулся на шезлонге.

В тот момент, когда я позволил себе небрежно опрокинуться, чтобы опереть голову на подушку дивана, я ощутил, что окружающие предметы завращались, я испытал как бы оглушение, пустоту; затем, внезапно, я оказался перемещённым на середину своей комнаты. Удивлённый таким перемещением, которого я не осознавал [т.е. не

²¹ Gibier, Paul (1851-1900). *Physiologie transcendente: analyse des choses, essai sur la science future, son influence certaine sur les religions, les philosophies, les sciences et les arts* / 1889. – Трансцендентальная психология: анализ фактов, очерк будущей науки, её некоторое влияние на религии, философии, науки и искусства.

помнил, чтобы перемещался], я огляделся вокруг себя и пришёл в ещё большее удивление.

Прежде всего, я увидел себя протянувшимся на диване, расслабленно, без напряжения, лишь моя левая рука оказалась приподнятой надо мною, опираясь локтем, и держала зажжённой сигарету...»²²

Первой идеей гравёра было, что он заснул и ему снится необычайно яркое сновидение, хотя в то же время он сознавал, что его сновидение – если вообще это было сновидением – было непохожим ни на одно сновидение, что он когда-либо имел в своей жизни. В дополнение к этому он испытывал ощущение – как мы увидим позже, достаточно обычное для астральных проекторов – что никогда ещё в своей жизни он не был в таком близком соприкосновении с реальностью. Придя наконец к заключению, что он в действительности не спит, его ошарашила мысль, что он умер. Он слышал разговоры о мире духов и ему пришла мысль, что он и сам должно быть развоплощённый дух, и он с сожалением начал вспоминать о многих вещах, которые он оставил недоделанными в своей жизни. Затем, движимый любопытством, он подошёл к своему собственному телу и, к удивлению, обнаружил его всё ещё дышащим. Он понял, что может смотреть внутрь своей анатомии, и заметил, что его сердце в действительности слабо бьётся, но размеренно. Почувствовав теперь себя немного увереннее, он начал осматриваться вокруг и задаваться вопросом, как долго

²² Стр. 142. Перевод с французского, английская версия Ширли немного искажена.

длиться это положение вещей. Он перестал обращать внимание на тело, которое он оставил на диване, и перешёл к обследованию лампы, которая продолжала устойчиво гореть, но которая, испугался он, из-за своего близкого расположения к его кровати, могла зажечь занавески. Когда эта мысль ударила его, он нажал на кнопку лампы с намерением погасить свет, но, к своему большому удивлению, как он ни нажимал на рычаг, это не возымело ни малейшего эффекта.

После этого он обследовал своё духовное тело и получил впечатление, что оно было одето в белое. Затем он встал перед зеркалом, что над его камином, но вместо того чтобы увидеть своё собственное отражение в нём, его зрение, как ему показалось, неограниченно расширилось, сначала его зрению стала доступна стена, затем тыльные стороны картин в смежной комнате его соседа, затем мебель.

Здесь мы можем заметить очень любопытное наблюдение с его стороны. «Я заметил, – говорит он, – отсутствие света в тех комнатах, куда проникал мой взгляд, и я очень отчётливо видел, как из моего солнечного сплетения исходит луч света и освещает предметы». Затем ему пришла мысль, что он мог бы переместиться в ту комнату. «Только я пожелал посетить первую комнату, как я оказался туда перемещённым. Как? Этого я совершенно не знаю, но мне кажется, что я должно быть пронзил стену так же легко, как её пронзало моё зрение.»

Это впервые он оказался в соседней квартире, и его соседа, как он знал, в то время в Париже не было. Затем он осмотрел

комнаты с намерением запомнить их содержание, и особенно запомнил названия книг на полках библиотеки.

«Чтобы сменить место, – говорит он, – мне нужно было лишь пожелать, и, без усилия, я оказывался там, куда я хотел пойти.» Осознавая это, он продолжал своё путешествие и проник, как он полагал, аж в Италию, но его воспоминание этой части его приключения туманно, у него не было больше контроля или управления над своими мыслями.

В конце концов он проснулся в своём собственном теле примерно в пять часов утра, холодным и одеревенелым, и обнаружил себя лежащим на диване и держащим свою незаконченную сигару между пальцами. Лампа потухла и её стекло было чёрным [закопченным]. Никакого другого вреда не было. Затем он отправился в постель, дрожа от холода, и некоторое время не мог заснуть. Однако, в конце концов истощение произвело желаемый результат, и когда он снова проснулся, был яркий день.

Расположив к себе консьержа, он убедил его показать ему комнаты, которые он посетил в своей эфирной форме. «Поднявшись с ним, – замечает он, – я смог обнаружить мебель, картины, виденные мною предыдущей ночью, а также названия книг, которые я тщательно запомнил».

Здесь у нас свидетельство типичного произвольного опыта в том, что называется астральным или эфирным телом. Субъект этого опыта был, согласно его собственному отчёту, сознательным всё время, пока не покинул дом, в котором он проживал, но лишь частично таковым в своих более удалённых астральных приключениях. Заслуживает особого

упоминания то, что он на следующий день смог подтвердить точность своих наблюдений в своём внетелесном состоянии, осмотрев комнаты своего соседа и проверив расположение мебели и названий книг в библиотеке, которые он осматривал предыдущей ночью. Его рассудок и его наблюдательные способности, кажется, были такими же острыми, как и в его естественном состоянии, хотя его двигательные возможности не были ограничены, каковыми они должны были быть, если бы он был скован ограничениями физического тела.

Упоминаются и другие случаи, когда рассказчик описывает свои переживания наподобие сновидений, но имеющиеся доказательства указывают на то, что при этих условиях посещались места и люди, удалённые от местности, в которой лежит тело спящего. Здесь случай, приводимый доктором Бриттаном [Brittan] в «Man and his Relations»²³, эпизод случился в Канаде, а сновидный путешественник — некий Г-н Уилсон, который в то время жил в Торонто.

Г-н Уилсон, как заявляется, уснув в своём кресле, увидел во сне, что он был в Гамильтоне, в сорока милях на запад от своего города. В своём сновидении он пошёл навестить свою подругу, позвонив в колокольчик двери её дома. Служанка ответила на звонок и сообщил ему, что его хозяйки дома нет. Будучи на «ты» с этим домом, он вошёл и попросил стакан воды. Затем он ушёл, после того как попросил служанку

²³Samuel Byron Brittan / Man and His Relations: Illustrating the Influence of the Mind on the Body; the Relations of the Faculties to the Organs, and to the Elements, Objects and Phenomena of the External World (1864).

передать его наилучшие пожелания своей хозяйке. Вскоре после этого г-н Уилсон проснулся и записал тот факт, что он уснул на сорок минут.

Пока что это можно рассматривать как обычное сновидение, но удивительная часть этого рассказа в продолжении, которое следующее. Спустя несколько дней миссис G_, подруга упомянутой дамы, получила письмо от неё, в котором упоминался тот факт, что г-н Уилсон звонил в её дом, пока она отсутствовала, и что он ушёл, не вернувшись позже, как ей сообщили, попросив служанку стакан воды. Это, – сказала она, – сильно раздосадовало её, так как она особенно желала видеть его. Г-н Уилсон, когда ему показали это письмо, заявил, что он не был в Гамильтоне целый месяц. Однако, вспоминая своё сновидение, он попросил миссис G_ написать их общей подруге об этом, требуя в то же время ничего об этом не упоминать слугам. После этого он посетил Гамильтон в компании некоторых друзей, и они воспользовались возможностью вместе зайти в дом упомянутой дамы. Две служанки сразу же узнали в г-не Уилсоне того джентльмена, который ранее заходил и, не застав их хозяйку дома, попросил стакан воды в помещении.

В этом случае, кажется, что субъект этого замечательного опыта не имел поначалу представления о том, что у него было что-то иное, кроме яркого сновидения, и не было ни единой причины, чтобы предполагать, что он вообразил, что он действительно нанёс визит в город Гамильтон в духе, не больше чем в своём физическом теле, но свидетельство выглядит решительным, так как его присутствие там было

засвидетельствовано двумя членами дома, и фактически они упомянули о его приходе своей хозяйке обычным образом.

Аналогичное свидетельство приводит Роберт Дейл Оуен в своей книге «Спорная территория»²⁴, но в этом случае сновидицу-путешественницу лично вёл в её астральном путешествии дух сестры, которая недавно умерла, но о смерти которой наша дама, Сесилия L_ не знала. История была рассказана Роберту Дейлу Оуену 15 октября 1860 г. в Fifth Avenue Hotel, в Нью-Йорке, этот отель уже давно снесён, но там, как я помню, я провёл неделю во время своего первого визита в Америку. Оуену было дано полное разрешение записать это происшествие в его книгу с той оговоркой, чтобы не приводить замужнюю фамилию этой дамы, так как муж имеет предрассудки в отношении спиритических феноменов. Однако его жена вышла из семьи, которую мы сейчас могли бы назвать психической, хотя она ничего не делала, чтобы способствовать таким переживаниям, но она и её сестра Анна имели сильно медиумический темперамент. Старшая сестра Сесилия часто тревожила свою мать в детстве и юности своей склонностью к сомнамбулизму. Действительно, многократно, будучи во сне с закрытыми глазами, она помогала своей матери по дому. Также у неё периодически были яркие и ясновидческие или пророческие сновидения. Сновидение, или видение, которым мы сейчас будем заниматься, случилось в начале ноября месяца 1853 г. Третья сестра, Эстер, недавно вышедшая замуж, уехала со своим мужем в Калифорнию,

²⁴ Robert Dale Owen “The Debatable Land Between this World and the Next” (1871).

семья каждый день ждала новостей об их прибытии в место назначения. Калифорния в то время, едва ли нужно говорить, была совершенно отличным местом от сегодняшнего, и средства сообщения с отдалёнными краями были соответственно медленными.

В ту самую ночь Сесилия, как ей привиделось в её сновидении, увидела, как её сестра подходит к её кровати и просит её идти с ней в её дом в Калифорнии. Сесилия возразила, что она не может оставить своего мужа и семью и предпринять столь долгое и трудное путешествие, но Эстер добавила: «Мы доберёмся туда быстро, и ты вернёшься до утра». Соответственно Сесилия (в своём сновидении) поднялась со своей кровати и, подав свою руку своей сестре, вдвоём поднялись в воздух, и после полёта над широкими просторами приземлились возле грубо-построенного жилого дома.

После этого две сестры вошли, и Сесилия сразу же узнала своего зятя, который выглядел грустно и был одет в траурное. Затем Эстер провела свою сестру в комнату, в центре которой стоял открытый гроб, и указала на тело, которое в нём лежало. Это было тело самой Эстер, лежащее безжизненно перед ней. Сесилия уставилась на него с удивлением, а затем на яркую форму сестры, которая привела её сюда. В ответ на её вопросительный вид Эстер заметила: «Да, это тело было моим, но болезнь сразила его. Я подхватила холеру и отошла в иной мир. Я хотела показать тебе это, дабы ты могла подготовиться к новостям, которые скоро дойдут до тебя».

Спустя какое-то время Сесилии показалось, что она поднялась в воздух, и наконец после пересечения большого пространства она оказалась снова в своей спальне в доме. По пробуждении это сновидение оказало такое яркое впечатление на неё, что ей с трудом удалось убедить себя, что она в действительности не предпринимала путешествия.

Вечером того же дня семья сидела за карточной игрой вист. Муж Сесилии и её младшая сестра Анна были в игре. Внезапно, в разгар игры, когда был ход Анны, её сестра с ужасом увидела, как она выпустила карты, которые разлетелись во все стороны, тогда как всё её выражение лица невероятным образом изменилось. Сесилия воскликнула с тревогой: «О! Анна, в чём дело?» «Я не Анна, – последовал ответ, – я Эстер.» Сперва они подумали, что она сошла сума, но вскоре она закричала: «Твоё сновидение, Сесилия! Твоё сновидение прошлой ночью! Разве ты забыла, куда я брала тебя и что ты видела?» Шок был слишком велик для Сесилии, и она упала в обморок. Когда она пришла в себя, её сестра Анна всё ещё говорила от лица Эстер и продолжала так около четырёх часов. Наконец она потянулась и протёрла свои глаза, как если бы просыпаясь, и спросила своим обычным голосом: «Я спала? В чём дело?»

Не нужно и говорить, что с поздней почтой пришли новости о внезапной и неожиданной смерти Эстер от холеры. Когда её муж возвратился из Калифорнии в Массачусетс примерно через шесть месяцев, он подтвердил точность описания дома, в котором его жена скончалась.

Такие свидетельства как это однозначно указывают на то, что астральная проекция во сне не так уж и не обычна, как обычно считают, но ментальное состояние астрального путешественника во сне отличается в значительной степени от состояния сознательного путешественника в психическом теле и, как можно догадаться, является менее опасным опытом из этих двух, по крайней мере, когда дело касается посещения удалённых мест при таких необычных условиях.

Среди переживаний, которые попадают в эту категорию, есть одно, рассказанное знаменитым медиумом Дэниелом Хьюмом²⁵ в «Incidents in my Life» (1864). Здесь речь идёт об опыте, который, кажется, имел место в состоянии между сном и бодрствованием. «Я помню, – говорит автор, – очень отчётливо, как спрашивал себя, сплю я или нет, когда, к моему удивлению, я услышал голос, который показался таким естественным, что моё сердце забилося с радостью, когда я узнал, что это голос той, которая, будучи на земле, была слишком чистой для такого мира как наш, и которая, переходя в более светлый дом, пообещала приглядывать за мной и защищать меня.» Она рассказала Хьюму, что видение, которое он видит, – видение смерти, но что он не умрёт. «Твой дух, – добавила она, – вновь должен вернуться в тело через несколько часов». В этом переживании Хьюм говорит, что он «видел всю свою нервную систему как бы составленную из тысяч электрических мерцаний». «Постепенно, – продолжает он, – я видел, что конечности были менее светлыми, а тонкие мембраны, окружающие мозг

²⁵ Home – Хоум, Хьюм или Юм.

стали как бы светящимися, и я почувствовал, что мысль и действие больше не были связаны с земной обителью, но что они были в духовном теле, во всех отношениях подобным телу, которое, как я знал, было моим и которое я теперь видел лежащим бездвижным передо мною на кровати. Единственной связью, которая держала эти две формы вместе, кажется, был серебристый свет, который исходил из мозга, и как бы в ответ на мои более ранние бодрствующие мысли тот же голос, только теперь он был более музыкальным чем раньше, сказал: Смерть всего лишь второе рождение, во всех отношениях соответствующее естественному рождению, и если бы эту соединяющую связь сейчас разорвать, ты никогда уже не смог бы вернуться в своё тело. Однако, как я сказала тебе, этого не будет.» После этого Хьюму показалось, что он проснулся из сновидения тьмы к чувству света, но к «такому славному свету, что никогда земное солнце не бросало таких лучей», и вокруг него были те, о чьей утрате он сожалел, ибо хотя он не сомневался, что они существуют, тем не менее их земное присутствие было не видимо. Теперь его взял в путешествие духовный проводник.

«Я обнаружил, – говорит он, – я взмывал вверх до тех пор, пока не увидел Землю, как видение, далеко, далеко под нами. Вскоре я нашёл, что мы притянулись ближе и почти парили над домиком, которого я никогда не видел; и я также видел жильцов, но никогда не встречал их в жизни. Стены домика вовсе не представляли собой препятствие для моего зрения, они выглядели как бы построенными из плотного тела воздуха, но всё-таки совершенно прозрачными, и то же

можно сказать о каждом предмете мебели. Я заметил, что жители спали, и я видел различных духов, которые наблюдали за спящими. Один из них пытался сообщить своему сыну, где найти его потерянные вещи, которые сын очень ценил и потеря которых сильно опечалила его. И я видел, что сын проснулся и подумал, что это было пустое сновидение, и это сообщение было повторено духом трижды; и я знал, что когда настанет утро, этот молодой человек пойдёт из любопытства туда, куда ему было сообщено идти и что он найдёт там то, что он искал.»

Д. Д. Хьюм заявляет, что его видение длилось все одиннадцать часов, но ему показалось, что это заняло лишь несколько минут, и что подобно многим другим посетителям астрального плана, он очень не хотел возвращаться снова на землю.

Глава 5.

Опыты Сильвана Мульдона

Наиболее подробная и кропотливая работа, связанная с личными опытами в проекции двойника, или астрального тела, – это работа Сильвана Мульдона [Sylvan J. Muldoon], отредактированная с замечаниями и очень интересным введением д-ром Хиевордом Каррингтоном [Hereward Carrington]²⁶. Ценность этой работы заключается в том, что

²⁶ The Projection of the Astral Body.

это явно *bona fide* [достоверное] свидетельство о личных опытах человека, который с юношества обрёл способность к произвольному проецированию своего астрального двойника, и который также часто совершал это, можно сказать, непреднамеренно, и он записывал свои ощущения при этих обстоятельствах, и выводы, к которым он пришёл относительно этих фактов, без какой-либо попытки приукрасить их мистическими картинками или недостоверными теориями, как то: об удалённых духовных сферах или их обитателях.

Читатель может не соглашаться и наверняка не будет соглашаться с мнениями автора по каждому случаю, ни со всеми сделанными выводами, но эта книга содержит очень большое количество ценной информации из первых уст для любого изучающего этот предмет, и мы может легко простить то, что смущает, как то: некоторая ненужная расплывчатость и излишество при повествовании, когда мы понимаем, что писатель, во время её составления, находился в очень критическом состоянии здоровья. Действительно, есть соблазн объяснять расшатанность эфирного тела [т.е. ослабленная связь с физическим], как следствие этого физического состояния, и согласиться с ним, что такое постоянное расщепление физического и эфирного <тел> едва ли совместимо с крепким здоровьем.

Когда г-н Мульдон приобрёл свой первый опыт этого рода, он был ещё мальчиком двенадцати лет. В это время жизни мальчики мало думают о чём-либо, кроме физического. Действительно, если они так поступают, то их несомненно и совершенно справедливо причисляют к болезненным и с

нездоровой головой. Однако, мать Мульдона читала некоторые книги на спиритические темы и настроила свой ум на исследование и удовлетворение себя, чтобы узнать являются ли свидетельства, которые она читала, реальностью или вымыслом. Имея это в виду, она решила посетить лагерь Спиритической Ассоциации Долины Миссисипи в Клинтоне, штат Айова. Эти лагеря – хорошо известная черта спиритического движения в Соединённых Штатах, и многие тысячи притягиваются к ним не по какой иной причине, как из чистого любопытства, тогда как для других они являются краеугольным камнем, на котором зиждутся их религиозные верования и прежде всего их вера в реальность будущей жизни. — Наилучшая и наихудшая стороны спиритизма встречаются на этих собраниях.

Мать и сын сразу после прибытия отправились отдыхать рано вечером, и они поселились в один дом с полдюжиной хорошо известных медиумов. Г-н Мульдон рассказывает нам, что он отправился спать примерно в 10:30 вечера, как обычно, проспал примерно три часа и затем осознал, что он медленно пробуждается, но оказался неспособен ни погрузиться опять в сон, ни пробудиться к нормальному состоянию сознания.

«В этом состоянии замешательства, – пишет он, – я знал (внутренне), что где-то и как-то существую в обессиленном, безмолвном, мрачном и бесчувственном состоянии.»

«Это ощущение, – говорит он, – было похоже на то, что испытываешь, когда постепенно восстанавливаешься от наркоза. Я думал, – замечает он, – что пробуждаюсь от

естественного сна естественным образом, и всё же, я не мог проснуться. Меня преследовала одна мысль. Где я?.. Я попытался пошевелиться, определить своё местопребывание, но обнаружил, что я обессилен – как будто я прилип к тому, на чём лежал... Это состояние я назвал «астральной каталепсией». Наш автор определяет или скорее объясняет эту астральную каталепсию, как «непосредственный контроль подсознания». В конечном счёте это чувство «прилипания» исчезло, но только чтобы быть замещённым другим таким же неприятным ощущением парения. В то же время всё его тело, оставаясь оцепенелым, начало вибрировать с большой частотой в направлении вверх-вниз, пока он чувствовал огромное давление на свой затылок. Ощущения зрения и слуха теперь к нему возвратились. Когда, наконец, он смог видеть, он был удивлён осознанием того, что он и в самом деле парил в воздухе в нескольких футах над своей кроватью. Он, – как сам замечает, – медленно двигался к потолку, оставаясь при этом оцепенелым, бессильным и неподвижным в горизонтальном положении. Наконец он обнаружил себя произвольно переведённым из горизонтального положения в вертикальное, и приземлился на пол своей комнаты. В этот момент он продолжал быть в «астральной каталепсии». Но теперь случилось изменение: он обнаружил, что он мог идти, и он обернулся, и вот – его физическое тело спокойно лежало на кровати. До этого момента он не понимал, что он был вне своей физической формы. «Мои два совершенно одинаковых тела, – пишет он, – были соединены посредством эластично-подобного шнура, один конец которого был прикреплён к области продолговатого мозга

астральной копии, тогда как другой конец располагался между глазами физической копии. Этот шнур растянулся на расстояние примерно в шесть футов, которые нас разделяли».

Первая мысль Мульдона, когда он увидел своё второе «я», была о том, что он умер во время сна. Он продолжал думать, что ему нужно сделать всё возможное, чтобы дать знать своим товарищам о своём ужасном состоянии. Он попытался открыть дверь своей комнаты, но оказалось, что он прошёл сквозь неё. Он попытался трясти и будить спящих в доме, но его руки проходили сквозь них, как если бы они были из пара, и он не мог дать им осознать своё присутствие. «Спустя некоторое время, – говорит он, – часы пробили два, и, посмотрев, я увидел, что на них был этот час». Он побродил вокруг несколько минут и начал замечать заметное возрастание сопротивления шнура, который соединял его с его физической формой, а затем осознал, что его тянет назад к его телу. Снова он потерял всю свою силу контроля и оказался возвращённым в горизонтальное положение над своей кроватью в каталептическом состоянии. Окончание этого приключения следует рассказать его собственными словами.

«Весь процесс был обратен тому, что я испытал, поднимаясь с постели. Призрак медленно опустился, при этом вибрируя как и раньше, и затем внезапно упал, опять совпав с физическим телом. В момент соединения каждый мускул физического тела дёрнулся, и меня пронзила боль, как будто меня раскололи с головы до ног. Я опять был физически жив, преисполненный трепета, настолько изумлённый, насколько

и напуганный, и на протяжении всего происшествия я сохранял сознание».

Можно только удивляться живости впечатления, произведённого этим неожиданным опытом на мальчика двенадцати лет. Такое происшествие, случившееся в столь раннем возрасте, несомненно указывает на природный психический дар, но, как он сам говорит, вполне вероятно, что к его проявлению в данном случае привело то, что в соседних комнатах спали несколько медиумов. С момента этого первого эпизода, заявляет г-н Мульдон, он пережил сотни других проекций астрального тела, но хотя они и отличались от этой многими частными деталями, движения психического тела всегда происходили по тем же маршрутам, как и в выше описанном случае, как при оставлении, так и при возвращении в физическое тело. В таких опытах имеется, можно предположить, индивидуальная особенность, но тот факт, что последующие проекции в случае г-на Мульдона проходили приблизительно таким же маршрутом, как и его первая, кажется, указывает на то, что *имеется некая естественная линия наименьшего сопротивления, которую стремится принять эфирное тело, когда покидает физическую форму.*

Следует заметить, что в вышеприведённом случае, сознание, хотя и замутнённое на некоторое время, тем не менее оставалось от начала до конца всего процесса. Однако, это явно не имеет место в большинстве случаев, и для личного удобства субъекта желательнее всего, чтобы сознание пробуждалось сразу после того, как физическое тело оставлено позади, – так как тогда предварительные и самые

неприятные стадии опыта исключаются, и происходит так, как операция, осуществляемая под наркозом, хотя для полного осознания феномена естественно требуется непрерывное сознание.

Глава 6.

Опыты Сильвана Мульдона (продолжение)

Касательно способов передвижения экстериоризированного астрального тела были даны различные описания как французскими, так и английскими экспериментаторами. Г-н Мульдон считает, что есть три различные скорости, с которыми путешествует призрак. Правилom является обычное хождение, пока субъект находится около физического тела или в состоянии астрального сомнамбулизма. Это последнее состояние, утверждает он, никоим образом не редкое; люди покидают свои тела во сне и блуждают в них [т.е. в астральном теле], как обычные лунатики блуждают в физическом. Вторая скорость – когда субъекту кажется, что в действительности он не ходит, но, кажется, все объекты движутся по направлению к нему, как бывает, когда человек едет на поезде. «Кажется, что не призрак, – говорит г-н Мульдон, – проходит сквозь дверь, кажется, что дверь проходит сквозь призрак».²⁷ Этим

²⁷ Другие проекторы, например г-н Герхарди, приводят в точности такой же отчёт о своих опытах. См. ниже в Главе 10.

способом субъект может быстро путешествовать без потери сознания. В третьем случае субъект бессознателен. Он путешествует со слишком большой скоростью для удержания сознания; он просто обнаруживает себя в пункте своего назначения за сотни или тысячи миль от своего физического тела. В этом пункте его сознание возвращается к нему.

Конечно, имеется много случаев, когда проекция астрального тела происходит в результате несчастного случая. Многочисленные истории повествуют об этом. Астральное тело внезапно выскакивает из физического в результате какого-то потрясения, и человек, ставший жертвой такого несчастного случая, обнаруживает себя стоящим и с удивлением смотрящим на свою собственную физическую форму. Наш автор приводит случай со своим соседом, с которым приключилось несчастье из-за его лошадей, испугавшихся звука выстрела. Он ехал в тот момент на санях и упал наземь головой вперёд. Не успел он приземлиться на землю, как обнаружил себя в полном сознании стоящим и глядящим на своего двойника, неподвижно лежащего на обочине дороги, и бегущего к нему человека, того, который выстрелил из ружья. Затем он ничего не помнит, пока не пришёл в себя, лежащего на земле, рядом с ним охотник, пытающийся привести его в чувства. Сразу после этого первого шока он не осознал, что он больше не в своём физическом теле, и не мог понять тайну своего двойника.

Другая обычная причина, приводящая к астральной проекции, – употребление обезболивающих. Это очень

простой метод экстериоризации астрального тела. Большинство пациентов под обезболивающими [или наркозом] ничего не помнят или, быть может, принимают свои воспоминания за сновидения, если только они помнят наполовину, но есть приличное число случаев, когда память о внетелесном состоянии сохраняется чётко. Я могу вспомнить, когда под обезболивающим у стоматолога, я стоял за креслом, в котором лежало моё физическое тело. Однако, это переживание было слишком коротким. Пока я пытался сориентироваться, действие обезболивающего прошло и я снова обнаружил себя в своём нормальном теле.

Вполне может быть, что сновидения любителей опиума происходят в их астральных телах, и очевидно, что многие переживания этого вида поддаются подобному объяснению. Иллюзии (так называемые) человека, страдающего *delirium tremens* [белой горячкой] в результате алкогольного отравления, можно приписать подобной причине. Жертва своих собственных излишеств действительно приводит себя *en rapport* [в связь] с существами низших областей астрального плана.

В обсуждаемой работе есть некоторые интересные наблюдения, касающиеся того, что г-н Мульдон называет астральным канатом [*cable*], а другие со времён составления Писания называли «серебряным шнуром [*cord*]».

«Почти каждый изучающий спиритические явления, – замечает он, – знает, что астральный шнур является неким эластично-подобным образованием, соединяющим астральное тело с физическим; и это, оказывается, предел

познания, доступного до сих пор миру, касательно этого схематического астрального органа». Он продолжает и говорит, что ему самому и много раз, находясь в сознательной проекции, удавалось подробно исследовать его особое действие. Этот шнур, считает он, составлен из того же материала или сущности, что и само астральное тело, и его эластичность далеко превосходит воображение и несравнимо ни с каким материальным предметом по своим растягивающим качествам. Чем меньше пространство разделяет два тела, тем больше толщина этого каната и также тем больше его магнетическая тяга. Он описывает максимальный калибр этого шнура, как приближающийся к диаметру серебряного доллара, хотя окружающая его аура производит впечатление, что его толщина примерно шесть дюймов, т.е. когда астральное и физическое тела рядом друг с другом. Чем больше расстояние между этими двумя, тем меньшим становится диаметр шнура. Наш автор говорит о «дальности действия шнура» [range of cord activity], понимая под этим расстояние между физическим телом и точкой, в которой шнур достигает своей минимальной толщины. Он определяет её где-то между восьмью и пятнадцатью футами, – конкретное значение зависит от состояния здоровья субъекта. После этой точки шнур растягивается неограниченно, но тяга физического тела сводится к минимуму, до тех пор пока всё идёт хорошо. Если будет серьёзная потеря жизненной силы, тяга снова чувствуется, на каком бы расстоянии ни было астральное тело. Также любой шок, или удивление, или внезапная эмоция могут служить средством к возвращению астрального тела в «совпадение» с физической формой. Когда астральная форма устремляется

назад внезапно и неожиданно, так что сливается с физическим телом, то последнее испытывает шок, тем сильнее, чем больше пройденное расстояние и чем более быстрое возвращение.

Также обычной причиной такой телесной отдачи [реперкуссии] является приход в сознание, следующий за бессознательной проекцией во сне. Сознание возвращается до того, как астральное тело возвратилось в физическое, и это приводит к его стремительному возвращению с невыносимой скоростью.

«Отброшенный в состояние совпадения таким образом, – говорит г-н Мульдон, – весь физический механизм сотрясается так, как будто одновременно сокращаются все мышцы тела, и оно спазматически дёргается, особенно в конечностях».

Каждый, я полагаю, временами переживал эту судорожную встряску или дёргание, которое происходит с телом, если его потревожить каким-нибудь шумом, когда оно находится в точке перехода в состояние сна (в гипнагогическом состоянии). Чаще всего это случается, когда субъект переутомлён. Отчего это случается? Ответ, говорит наш автор, простой. При переутомлении у астрального тела есть склонность к выходу из совпадения с физической формой. Подсознание заставляет его это сделать, чтобы дать ему возможность быстрее восстановиться. Внезапная же тревога, хотя бы незначительная, может вызывать отдачу [или реперкуссию] астрального тела, и тем самым шокировать

физическое тело, хотя бы оно было отделено от него лишь на несколько дюймов.

Если же призрак входит в физическое тело спокойно, будучи в каталепсии, и вы приходите в сознание после, то вы окажетесь в состоянии кратковременного паралича. Это состояние, по пробуждении, отнюдь не редко, и несколько лет назад в связи с этим в «Оккультном обозрении» имела место значительная переписка между теми, кто страдали от этого очень неприятного физического состояния. Действительно, значительное число моих читателей писало, говоря, что часто по пробуждении они страдают от состояния полного паралича, на выход из которого у них уходит некоторое время. Находясь в этих состояниях, они утверждали, что осознавали всё, что происходило вокруг них, но были абсолютно беспомощны, чтобы пошевелить рукой или ногой, и в некоторых случаях они явно чувствовали сильнейшую тревогу. Один читатель написал, говоря, что это состояние нашло на него, когда он был совершенно пробуждённым. Он заявлял, что совершенно внезапно он услышал ужасный грохот [или лязг] в своих ушах, а в следующее мгновение оказался «скованным и беспомощным». Он добавил: «Как только мне удавалось пошевелить пальцем, тогда я был способен сбросить это с себя».

Это в точности соответствует опыту г-на Оливера Фокса, чьи эксперименты по астральной проекции я буду разбирать позже. Мой читатель рассказывал, как однажды, находясь в этом состоянии, ему показалось, что ему удалось прокричать своей жене и что затем он протянул свою руку, чтобы

дотронуться до неё, но она этого не заметила и была совершенно не в курсе его крика или движения, в совершении которых он был уверен. Впоследствии он спрашивал себя, а не астральной ли рукой он совершил то движение.

Другой мой корреспондент, дама, заметила, что она всегда находилась в сновидении, когда случался этот приступ, и что когда она пробуждалась, она оказывалась лежащей на своей спине. Ещё один корреспондент, имевший подобный опыт, высказал мнение, что это состояние было «вызвано тем, что человек, который покидает своё тело, находясь во сне, оказывается не способным обрести контроль над своей нервной системой достаточно быстро после своего возвращения в физическое тело». Взгляд, что это состояние паралича было вызвано самим спящим, лежащим на спине, было поддержано одним читателем-медиком, который заметил: «Большие кровяные синусы в черепе проходят вниз и назад, отводя кровь от мозга, и в этом положении им помогает гравитация более, чем в каком-либо другом, если мозговое кровообращение замедленно, как бывает во сне. Если только давление не поддерживается возросшей артериальной деятельностью, должна следовать кратковременная анемия высших центров. Анемия сперва вызывает повышенную возбудимость, а затем потерю чувствительности. Мозговая анемия, усугублённая лежанием на спине, вызывает сперва возбудимость и кошмары, а если она более выражена, то потерю чувствительности в тех местах, где снабжение кровью минимально. Моторные и сенсорные области головного

мозга находятся в таком положении, что они естественно оказываются среди первых, которые лишаются снабжения кровью».

Ещё одна корреспондентка описывает свои опыты этого вида, как пугающие её, и утверждает, что перед самым началом борьбы, она всегда сознавала себя находящейся целиком вне своего тела, и могла видеть всё в своей комнате, включая своё собственное тело на кровати. И снова, как и в случае с предыдущим корреспондентом, она говорит об этом опыте, как о случающемся тогда, когда дух возвращается в тело после его покидания во время сна, – взгляд, который в её собственном случае, кажется, оправдан, и который был одобрен одной ясновидящей, которой она рассказывала об этом. Ей казалось, что, будучи в этом состоянии, она орала своей подруге, чтобы та потрусила её и разбудила от её летаргии, но обнаружила, когда пришла в себя, что она не произнесла ни звука.

Теория г-на Мульдона сводится к тому, что каталепсия всех видов – это подсознательный контроль астрального тела, и что когда человек находится в физической каталепсии, то это оттого, что он прежде всего находится в астральной каталепсии. Короче, именно каталепсия астрального тела вызывает физическую каталепсию.

Глава 7.

Сильван Мульдон и Оливер Фокс

Как указывает г-н Мульдон, и как также замечают другие, обычным для астральной проекции является начинать проявлять себя в форме сновидения. Сновидение ей предшествует, и она создаёт себя из сновидения. Он приводит следующий пример (немного сокращённый по сравнению с оригиналом): «Мне снилось, – пишет он, – что я вошёл в огромный зал с высоким потолком с люками и цветными окнами. Это была большая комната, когда я только вошёл в неё, но после пребывания в ней непродолжительное время, я заметил, что она изменилась! Теперь это была маленькая комната и в центре потолка было лишь одно маленькое отверстие, сквозь которое я мог видеть свет ... Это был единственный проём, сквозь который я мог выбраться, так как двери и окна, которые я вначале наблюдал, исчезли ... Итак, я стоял, глядя вверх сквозь это отверстие. Кажется, я стоял так некоторое время, как вдруг я подумал, а не смогу ли я пролететь сквозь него. Я начал подниматься в воздух, но когда я проходил сквозь это отверстие, я крепко застрял в нём. Половина моего тела оставалась внутри комнаты, а верхняя половина была снаружи. Я крепко влип! В этот момент я начал пробуждаться и осознавать, что происходит. Я оказался спроецированным! Да, это была старая история: пробуждение из сновидения и обнаружение себя экстериоризированным. Но интересным было то, что положение астрального тела соответствовало положению, которое оно приняло в сновидении. Я был как раз на полпути сквозь полотно комнаты, когда пришёл в сознание».

Г-н Мульдон поясняет: «Когда сновидение соответствует действию астрального тела, то оно всегда будет заставлять это тело экстериоризироваться ... Астральное тело вполне можно называть 'телом сновидения', ибо в этом теле мы видим сны». Фундаментальный закон проекции, – утверждает он, – следующий:

«Когда подсознательной волей овладеет идея привести в движение тело (совпадающие тела) и физическое тело <при этом> окажется недееспособным, то астральное тело будет выведено из физического».

Ум, следует помнить, частично сознателен во время сновидения. Следовательно, сновидение действует на подсознание как внушение, что и приводит в движение эфирную копию, поскольку физическое тело во сне обездвижено. Стало быть, сосредоточьтесь на чём-нибудь для вас приятном, когда вы засыпаете, в противном случае мысль окажет тревожное влияние на ум. Сновидение должно быть таким, чтобы в нём была активность: плавание против течения, полёт, поднятие на лифте, взбирание по лестнице, – выберете на свой вкус. Сосредоточьтесь на себе и на действии, которое вы задумали совершить, и сохраняйте своё сознание вплоть до гипнагогического состояния.

«Лягте на спину», – говорит г-н Мульдон, хотя, возможно, инструкция такого вида может не быть всеобщее приемлемой. Однако основная идея вполне ясна. Вы должны заставить себя делать что-нибудь определённое, что-нибудь, что содержит движение вверх, и крепко держите эту мысль вплоть до последней минуты, когда вы заснёте. Повторяйте

этот процесс еженощно, пока не добьётесь успеха. Затем, как говорит автор, перед вами встанет серьёзная задача: как обрести сознание вне физического тела тогда, когда астральное спроецируется в сновидении.

«Насколько я знаю, – говорит г-н Мульдон, – есть только два влияния, которые служат к пробуждению спроецированного призрака, отличного от естественного пробуждения», т.е. пробуждения сознания, когда находишься в астральном теле. Одно – посредством звуков, другое – правильно применённым внушением перед проекцией. Рекомендуются последний метод, так как любой тревожащий звук быстро возвратит астральное тело назад в физическое, если только астральному телу не доведётся оказаться, как выражается наш автор, «вне радиуса действия шнура». Так что мы вынуждены, по большому счёту, прибегать к внушению. Если вам снится сновидение второй или третий раз, то у вас большая вероятность запомнить его. Более того, шансы <запомнить> будут ещё большими, когда в сновидении вы будете осознавать, что видите сон. В этом случае сосредоточьтесь на этом месте в сновидении и решительно скажите себе, что в следующий раз, когда вы будете видеть этот сон, вы обретёте сознание (астральное сознание, конечно же) в этом месте. Проиграйте это сновидение, если вы сможете его вспомнить, во время вашего бодрствования, запечатлевая у себя в уме то место, в котором вы решили пробудиться.

«Яркие сновидения, – замечает г-н Мульдон, – сновидения, которые мы видим снова и снова, могут быть и как правило являются астральными, сомнамбулическими

сновидениями». Если в этих сновидениях вы обнаруживаете себя проходящим возле какого-то конкретного места, дома или другого объекта, то сосредоточьтесь на нём с намерением прийти сюда в астральном теле.

Но есть и другие пути намеренного выведения астрального тела. Самыми важными из них являются желание и укоренённая привычка, и они оказываются ещё более действенными для этой цели, если их держать некоторое время под контролем. То есть, подавленное желание и угнетённая привычка более действенны, чем просто желание и привычка. Именно вырвавшееся на свободу подавленное желание в большинстве случаев, вульгарно выражаясь, «делает дело». Это оно действует как внушение на подсознательную волю, которая и осуществляет его на практике. Предположим, что какая-то привычка или рутина жизни внезапно нарушена из-за болезни или по иной какой причине; эта неисполненная рутина действует на подсознательный ум как стресс, и возникает попытка вывести астральное тело из физического, чтобы исполнить это рутинное действие. Так, когда мы видим собак,двигающих своими конечностями и дёргающихся во сне, мы говорим, совершенно справедливо, что они охотятся в сновидениях. Г-н Мульдон описывает, как он пришёл к выводу, что желание является активирующим фактором в экстерииоризации астрального тела.

«Одним тёплым летним вечером, – говорит он, – я пошёл спать, и, когда я лёг в кровать, я начал ощущать жажду – мне хотелось выпить воды, но вместо того чтобы встать и утолить это желание, я не сдвинулся с кровати, по правде

говоря, просто потому что мне было лень, или можно сказать я был сонным, так что желание было подавлено, вместо того чтобы быть утолённым. Несколько раз я был на грани того, чтобы подняться и пойти попить, но я этого не сделал. Наконец я провалился в сон. Когда я обрёл сознание, я был в спроецированном астральном теле. Это было результатом сновидения. Мне снилось, что я стою рядом с краном над умывальником на кухне, и что я не могу открыть его, чтобы попить. Затем я пришёл в полное сознание, и мои руки были на кране, но естественно они не могли повернуть его».

Г-н Мульдон поясняет, что затем его осенила мысль: что это именно желание сыграло свою роль в проекции. Он провёл в этом направлении опыты и его догадка подтвердилась. «Подавленное желание, – замечает он, – в действительности является усиленным желанием в подсознательном уме, и оно выходит на поверхность и действует как внушение, когда мы спим». Так что если физическое тело неспособно отвечать [или реагировать], когда подсознательная воля вступает в игру, то вместо него пытается функционировать астральное тело и, как следствие, оно выходит из физического.

Конечно, следует признать, что какое-то внушение, которое может сработать в случае человека, астральное тело которого слабо прикреплено к его физической форме, не подействует так легко с человеком, для кого проекция астрального тела является непривычным делом, хотя опыты этого вида указывают путь и, по крайней мере, служат указателем на линии наименьшего сопротивления новичку в этих вопросах. Тем, для кого сознательная проекция является неведомым переживанием, возможно, лучше оставить этот вопрос в

покое. Бесспорно, здесь имеются риски, и следует заметить, что как в случае Сильвана Мульдона, книгу которого я сейчас рассматривал, так и <в случае> Оливера Фокса, который был выдающимся и тщательным экспериментатором в этой же области, – первый опыт <каждого из них> пришёл неожиданно. Статьи г-на Фокса появились в «Оккультном обозрении» ещё в 1920 г., и его выводы вполне можно поставить в один ряд с выводами г-на Мульдона, отчасти чтобы подтвердить их, отчасти чтобы показать другой подход к одному и тому же исследованию.

Вот как Оливер Фокс впервые осознал, что он может проецировать своё астральное тело.

«Восемнадцать лет назад, – пишет он, – когда я был учащимся технического колледжа, одно сновидение побудило меня начать моё исследование. Мне просто снилось, что я стою около своего дома. Посмотрев вниз, я обнаружил, что камни мостовой таинственным образом поменяли своё расположение: длинные стороны теперь были параллельны бордюру, а не перпендикулярны ему. Затем меня озарила догадка: хотя это прекрасное солнечное утро казалось настолько реальным, насколько это возможно, *я был во сне!* Внезапно яркость жизни возросла во стократ. Никогда ещё море, небо и деревья не сияли с такой чарующей красотой; даже самые обычные дома казались живыми и таинственно прекрасными. Никогда ещё я не чувствовал себя так совершенно хорошо, так ясно-сознательно, таким божественно могущественным. Поистине, мир стал моей раковиной. Ощущение было неопишимо утончённое; но это продлилось только

несколько мгновений, и я проснулся. Как позже я выяснил, мой умственный контроль был захвачен моими эмоциями; так что уставшее тело предъявило своё право и потянуло меня назад. И вот у меня возникла прекрасная (для меня) новая идея: Возможно ли произвольно вновь обрести эту славу сновидения? Могу ли я *продлевать* свои сновидения?»

Этот первый шаг к этому, т.е. первый шаг к проецированию астрального тела состоит в том, – утверждает г-н Фокс, – чтобы обрести, наблюдая какую-то несуразность, осознание того, что видишь сон. «Это казалось простым, – рассказывает он нам, – но на практике это оказалось одной из самых трудных вещей, которые можно себе только представить». Всегда, когда ему удавалось это сделать, это приводило к желаемому изменению. Тогда он оказывался способным летать, проходить сквозь кажущиеся твёрдыми стены, лепить материю в новые формы и т.д.; но в начале он мог только оставаться вне своего физического тела на очень короткое время и с промежутками в несколько недель. Вскоре он обнаружил, что умственное усилие по продлению сновидения вызывало боль в области шишковидной железы [эпифиза], и когда она резко усиливалась, он принимал это за предупреждение к незамедлительному возвращению в тело.

Пока он испытывал эту боль, он заметил, что был в состоянии раздвоенного сознания. Он мог чувствовать себя стоящим вне своей физической формы и в то же время осознавать себя лежащим в кровати. Затем он начал задаваться вопросом, а что случится, если он пренебрежёт этим предупреждением и решится остаться вне своего тела. Естественно, он нервничал по поводу этого опыта, но

наконец он набрался смелости и сделал это. «В тот самый момент, когда мне показалось, что я должен сдаться, – пишет он, – нечто в моём мозге щёлкнуло. Боль исчезла, а вместе с ней и чувство раздвоенного сознания. Я оказался целиком в сновидении, которое, по всей видимости, было славным двойником побережья, что в миле от моего дома. Всё было очень прекрасно и абсолютно реально».

Переживая эти ощущения, две вещи вызвали у него тревогу. У него не было чувства времени, и он был явно невидим для людей, проходивших мимо него. Ему показалось, что он разорвал последнюю связь со своим физическим телом. Теперь не было никакого притяжения или предупреждения, которые бы тянули его назад. Естественно, он был встревожен и задался вопросом, а не умер ли он. Сразу же он захотел вернуться, но сперва безрезультатно. Однако он продолжал, и после нескольких тщетных усилий вновь произошёл тот странный щелчок в мозге, и в одно мгновение он возвратился в своё тело. Но хотя теперь он мог слышать, он не мог ни видеть, ни двигаться. «Это, – говорит он, – было моё первое переживание кажущегося каталептического оцепенения само-наведённого транса. Дюйм за дюймом я прерывал его, и это было мучительным делом. Так как было невозможно двигать моим телом как целым, то я сосредоточился на движении своего мизинца; затем, палец за пальцем, мне удалось освободить всю кисть руки; а затем и всю руку. Сделав это, я схватился за перильце кровати у изголовья и сильно потянул. Внезапно транс прервался, мои глаза открылись, я был свободен. Я выпрыгнул с кровати с

великой радостью, и тотчас же рухнул на пол, будучи охвачен головокружением».

Страх, вызванный этим переживанием, произвёл на него отрезвляющий эффект. После некоторого перерыва, он ещё раз провёл этот опыт с удовлетворительными результатами, но риск, который он чувствовал, был слишком велик, и он решил никогда больше не пренебрегать той предупреждающей болью. Опасности опыта такого вида он считает очень серьёзными. Он подытоживает их в следующих пунктах:

- 1) Остановка сердца или безумие, происходящие от шока. (Этот мир снов очень прекрасен, но есть у него также и свои ужасы).
- 2) Преждевременное погребение.
- 3) Одержимость.
- 4) Разрыв шнура.
- 5) Эффекты реперкуссии [отдачи] на физический носитель, вызванные повреждениями астрального.

Сновидения, в которых г-н Оливер Фокс осознавал, что он видит сон, он назвал осознанными сновидениями. В осознанном сновидении он был в своём астральном теле, но за этим сновидением часто следовало ложное пробуждение, т.е. вернувшись в своё тело, он находился под впечатлением, что он действительно проснулся, до тех пор пока какое-либо сновидное переживание или кошмарное видение не заставляло его на самом деле возвратиться в нормальное сознание.

Это *ложное пробуждение*, как он называет это, иногда погружало его в очень неприятный вид транса, в котором он был подвержен всевозможным галлюцинациям зрения и слуха.

Итак, до сих пор г-н Фокс просто обнаруживал себя в этом полутрансовом состоянии по дороге назад, – если можно так сказать, – из одного из своих осознанных сновидений или посещений астрала. Но впоследствии, обдумав всё это, он спросил себя, а невозможно ли возвратиться в своё так называемое осознанное сновидение тем же путём, каким он покинул его. Короче говоря, а не может ли он выйти из этого состояния транса и возвратиться туда, откуда пришёл? Перед тем, как это стало возможным, он пришёл к выводу, что он должен «силой протолкнуть своё бестелесное ‘я’ через проём шишковидной железы [т.е. астральные врата], так чтобы он захлопнулся [щёлкнул] за ним». Он поспешил пояснить, что читатель волен принимать эту его терминологию образно. Всё, что он утверждает <на этот счёт>, – что он описывает происходящее, как оно ему казалось; вы можете принимать его выражения как реальный факт или аллегорически, – как вам угодно.

Этим способом он мог выходить из своего физического тела, переживать раздвоенное сознание и снова оказываться путешественником на астральном плане без какого-либо предварительного провала в сознании. Короче, это происходило в состоянии транса, путём сосредоточения на шишковидной железе и желании пройти [ascend, вознестись] сквозь неё. «Моё бестелесное ‘я’, – говорит он, – устремлялось к точке в шишковидной железе и бросалось на

воображаемый люк, а тем временем золотистый свет (один из феноменов этого состояния) усиливался в яркости, так что казалось, что вся комната охвачена огнём».

«Часто, – замечает он, – требовалось две или три попытки, прежде чем мне удавалось выработать достаточно силы воли, чтобы пронести себя сквозь <этот проём>. Это было чувство, как если бы я рвался к безумию или смерти; но как только эта маленькая дверь захлопывалась [защёлкивалась] за мной, я наслаждался ясностью ума, намного превосходящей ясность ума в земной жизни».

Весьма любопытно, он замечает, что хотя покидание тела, после того как он проходил сквозь этот люк, было таким же лёгким, как встать с кровати, однако в этом состоянии он никогда не видел свою физическую форму, хотя он мог видеть вполне ясно свою жену.

Г-н Фокс рассказывает нам, что он обнаружил весьма значительную трудность в сознательном переходе в это состояние транса. В общем, он терял сознание во время своей попытки это сделать и обнаруживал себя после периода беспомощности странником на астральном плане. Сохранять сознание без каких-либо провалов на практике было делом крайне сложным.

«Чтобы навести транс, – рассказывает он нам, – я должен был лежать с расслабленными мышцами, обращая своё сознание внутрь, на шишковидную дверь, и исключая все другие мысли; тело было пассивным, но ум активным [позитивным] в своём сосредоточении на этой внутренней точке. Мои веки были закрыты; но я полагаю, что глаза были закатаны вверх

и немного косились [точнее, сведены к переносице], – таким было ощущение. Первый признак <транса> – видение сквозь веки *комнаты, наполненной золотистым светом*. Затем наступало онемение, начинающееся с ног и распространяющееся вверх. Когда транс был глубоким, это <онемение> становилось очень болезненным, особенно в мышцах челюсти. Также было чувство огромного давления в мозге».

«Теперь я мог, – говорит г-н Фокс, – переходить от обычной бодрствующей жизни к этому новому состоянию сознания и возвращаться без какого бы то ни было провала в умственной деятельности. Это легко написать, но чтобы это совершить, потребовалось четырнадцать лет».

Глава 8.

Астральный романс

Теперь будет ясно, я думаю, что хотя описания г-на Сильвана Мульдона и г-на Оливера Фокса здорово отличаются, касательно их методов перехода из физического тело в астральное, на практике они имеют много общего. Натиск на шишковидный люк в отчёте г-на Фокса соответствует сосредоточению ума г-на Мульдона при переходе в гипнагогическое состояние, взлёте в аэроплане или поднятии на лифте. В каждом случае имеется переходная стадия – состояние транса или «астральная катаlepsия», как г-н Мульдон это называет, которую можно проспать, если нет

непрерывного сознания, и избегание которой отнимает у опыта некоторые из самых неприятных его черт. Оба исследователя согласны насчёт радости от чувства свободы, как только астральное тело вырывается из окрестности физической формы и от притяжения «астрального кабеля» или «серебряного шнура». Щелчок шишковидной двери более явно указывает на резкий разрыв между двумя формами или фазами сознания, чем что-либо в рассказе г-на Мульдона. Он, кажется, переходит от физического к астральному с менее явным потрясением, чем г-н Фокс, чьё описание люка, несомненно аллегорическое, таково, для которого мой собственный опыт находит точную параллель.

Обсуждая эту шишковидную дверь, не плохо будет процитировать определение шишковидной железы Свами Баакта Вишита [Swami Bhakta Vishita]²⁸, которую многие из моих читателей возможно не умеют точно локализовывать.

«Шишковидная железа, – говорит это восточный писатель, – это масса нервной субстанции, которая расположена в мозге в окрестности центра черепа, почти прямо над вершиной позвоночника. По форме она подобна маленькой шишке и она красновато-серого цвета. Она лежит перед мозжечком и крепится к третьему желудочку мозга... Она получила своё научное имя по своей форме, которая напоминает сосновую шишку. Восточные оккультисты утверждают, что шишковидная железа со своим особым расположением нервных телец и своих крошечек мозгового песка тесно

²⁸ Один из псевдонимов Уильяма Уокера Аткинсона. Нижеследующая цитата из его книги «Genuine Mediumship, or Invisible Powers» (1919).

связана с некоторыми формами передачи и приёма волн ментальных вибраций. Западные исследователи были поражены удивительному сходству между шишковидной железой и определённой частью принимающего устройства, применяемого в беспроводном телеграфе, последняя также содержит маленькие частички, которые очень похожи на «мозговой песок» шишковидной железы».

Гипофиз, расположенный перед и ниже шишковидной железы, и соединённый с последней, как утверждают, является источником дара ясновидения. Такие мнения, естественно, крайне спекулятивны, но представляется очевидным, что шишковидная железа связана с экспериментами по путешествию в астральном теле. Г-н Мульдон подтверждает взгляды г-на Фокса вплоть до того, что замечает, что некоторые заслуживающие доверия люди обнаружили, что сосредоточение на шишковидной железе облегчает проекцию астрального тела, хотя он замечает, что эта сила не создаётся физическим нервным центром. Физический нервный центр <только> подвергается воздействию силы. Это вполне может быть принято г-ом Фоксом. Весь вопрос о преобразовании и распределении космических сил.

Многие, изучающие отчёты, предоставленные путешественниками на астральном плане, склоняются к тому, чтобы выразить разочарование от того, что с такими способностями в своём распоряжении эти путешественники в неведомом приносят назад так мало полезной или практической информации. Они вспоминают параллельный случай в фантастике из «Алисы в зазеркалье» и спрашивают,

почему бы тем, кто успешно справляются с преградой между двумя мирами, не так же легко рассказать о стране «За шишковидной дверью». Но правда в том, – как мне кажется, – что те, чьи отчёты производят больше всего убеждения, фактически путешествовали в своих астральных телах лишь по таким местам или странам, которые они точно так же могли бы посетить в физической форме, тогда как те, кто утверждают, что посещали далёкие духовные царства, слишком часто не могут донести убеждение, что их скитания представляют что-нибудь, кроме переживаний транса не очевидного [не доказательного] значения.

Несомненно, есть исключения из этого обобщения, но, я думаю, оно занимает большую долю подразумеваемых записей. Возьмём, например, простой случай из записей г-на Оливера Фокса. Он утверждает, что это случилось осенью 1913 г., после обеда, т.е. в дневное время. Он улёгся на свою кровать с чётким намерением провести опыт по астральной проекции. Успешно переведя себя в состояние транса, он покинул своё физическое тело; раздвоение сознания переживалось вплоть до его выхода из дома. И вышел он, пройдя сквозь закрытые двери, которые не оказались препятствием на пути его астрального тела. Пройдя сто ярдов, или около того, незамеченным никем из окружающих людей, он внезапно был подхвачен каким-то блуждающим потоком и унесён с огромной скоростью. Эти потоки, по-видимому, являются отличительной особенностью тех условий, при которых проводятся опыты подобного вида. Спроецированный индивид уносится ими волей-неволей, будучи не в состоянии понять, куда его несёт или с какой

скоростью. Наконец г-н Фокс остановился на прекрасной, но неизвестной территории. Здесь мы позволим ему самому рассказать свою историю.

«Кажется, – говорит он, – там проходил школьный пикник, так как там было много одетых в белое детей, играющих в игры и распивающих чай под деревьями. Также там присутствовало несколько взрослых, в частности, я заметил одну старую цыганку. Голубоватый дымок поднимался над костром, который они разожгли, и великолепный янтарный закат проливал мягкие золотистые лучи на мирное зрелище. Я продолжал идти, пока не подошёл к каким-то домам из красного кирпича, которые, очевидно, ограничивали собой общественную территорию в этом направлении. Передняя дверь одного из этих домов была приоткрыта, так что я вошёл, движимый любопытством посмотреть обнаружат ли моё вторжение жители. В конце прихожей начиналась лестница, покрытая дорогим ковром. По ней я и поднялся.

Увидев приоткрытую дверь на первой лестничной площадке, я вошёл и оказался в красиво меблированной комнате. Молодая дама, одетая в багряную бархатную одежду, стояла спиной ко мне, завязывая свои волосы перед зеркалом. Сквозь окно возле туалетного столика я мог видеть светящееся янтарное небо, а её роскошные каштановые локоны отдавали красноватым блеском в лучах этого прекрасного света. Я заметил, что покрывало на постели имело мятый вид, а в мойке над умывальником была вода. Ну и дамочка, – подумал я, – ты слишком долго спала, а сейчас приводишь себя в порядок для чаепития, но разве сейчас обед?»

Г-ну Фоксу пришла мысль, что он мог бы стать у неё за спиной и посмотреть из-за её плеч в зеркало, желая выяснить, сможет ли он увидеть своё собственное отражение в нём.

«Я стоял так близко к ней, – говорит он, – что почувствовал приятный аромат, исходящий от её волос». Он увидел отражение лица этой девушки в зеркале, но ни малейшей черты своего собственного. Затем он подумал, что она явно не может видеть его, и ему стало интересно, также ли она нечувствительна к прикосновению. С этой мыслью в уме, он положил свою руку ей на плечо. «Я отчётливо ощутил, – говорит он, – нежность её бархатного платья, а затем она неистово дёрнулась – так неистово, что я в свою очередь дёрнулся тоже. Мгновенно моё тело потянуло меня назад, и я проснулся сразу же в нормальном состоянии... Западная часть неба была голубой, когда я ложился, но по окончании транса я увидел, что оно в действительности было такого прекрасного янтарного цвета, как и в моём внетелесном переживании».

Итак, вот случай, как мне кажется, в котором г-н Фокс нанёс визит на этом обычном земном плане даме, которая существует в действительности, и которая была ему не знакома. Весь этот эпизод имел место здесь, на этой твёрдой земле, единственной его отличительной особенностью было то, что г-н Фокс сам был невидимым и был доставлен до своего пункта назначения таинственным образом какой-то неизвестной силой. Естественно, в таком приключении вы найдёте странного не больше, чем если бы вам случилось бродить в той же местности в своём нормальном теле.

Г-н Сильван Мульдон рассказывает об опыте в чём-то сходного характера, который, я думаю, мы можем поставить в один ряд с этим, так как они оба указывают на одно и то же. Это не как в случае Алисы в Зазеркалье. Путешественник в астральном теле оказывается всё в том же самом старом знакомом мире, что и прежде. Главное отличие в этих двух историях, как мы вскоре увидим, состоит в том, что в одном случае экспериментатор встречается с дамой, которую он никогда больше не увидит во плоти, тогда как в другом случае г-н Мульдон встречается позже со своей подругой, с которой он познакомился во время астральной проекции, в нормальных земных условиях, и хотя она, естественно, посмотрела на него, как на незнакомца, он всё же навязался ей и рассказал свою почти-что невероятную историю, в результате чего знакомство переросло в крепкую дружбу.

Опыт г-на Мульдона начался при менее приятных условиях, чем опыт г-на Фокса. Был лунный вечер летом 1924 г. и он чувствовал себя одиноким и подавленным неопишуемым чувством одиночества. Наконец, после бесцельного шатания, он пришёл домой и упал в кровать. «Я пролежал так очень недолго, – говорит он, – когда моё внимание привлекло нечто вроде холодной волны, прокатившейся по мне, при этом мои руки и ноги, кажется, стали неметь. Я протянул руку вниз и ущипнул себя за бедро, но ничего не почувствовал. Затем я сделал то же самое со своей рукой, но и она тоже оказалась нечувствительной».

Вскоре он обнаружил, что утратил всю свою двигательную силу. Он был в сознании, но в то же время был неспособен видеть, слышать или двигать своими конечностями. Он

понял, что всё это предвещает освежающую прогулку в астральном теле. «Я начал двигаться вверх, в воздух, – пишет он, – затем в сторону на расстояние примерно десяти футов, где снова начало функционировать моё зрение. Как часто бывает в таких случаях, сначала всё вокруг меня казалось размытым, как если бы комната была наполнена паром или белыми полупрозрачными облаками». Это состояние, как можно понять, было для г-на Мульдона обычным предшественником всех его проекций, но очень скоро оно проходило, и после этого он был способен видеть обычным образом в своём астральном теле. Он говорит о трудности сохранять устойчивость и стремлении покачиваться, до того как он выберется за пределы радиуса действия шнура, – как он это описывает, – опыт, который явно не разделяет г-н Фокс, так что мы должны поостеречься придавать таким состояниям слишком общий статус. Индивидуальные переживания, по-видимому, отличаются этими деталями почти до бесконечности. Ясно одно, это состояние имело место только тогда, когда г-н Мульдон находился на расстоянии нескольких ярдов от своего тела.

Выйдя на улицу, он вдруг оказался в каком-то странном доме, в который он был перенесён со сверхъестественной скоростью. – Здесь перед нами переживание, общее обеим нашим друзьям и, я думаю, мы можем сказать, <общее> большинству, если не всем другим экспериментирующим в этих же направлениях. Задумавшись, почему он перенёсся в этот дом, он огляделся, пытаясь найти объяснение. Оглядываясь, он заметил, что он был в комнате, в которой было четыре человека, один из них – девушка лет

семнадцати. Расслабив свой сознательный ум, чтобы дать астральным силам полную свободу, он обнаружил, что без усилий со своей стороны он переместился и стал прямо перед этой дамой, которая, как он замечает, «вышивала на чёрном платье». Он по-прежнему не мог найти причину своего присутствия среди этих незнакомцев, так что оглядевшись вокруг и заметив, что комната, в которой он был, находилась в фермерском доме, он решил возвратиться в своё физическое тело.

Прошло шесть недель и г-н Мульдон почти забыл этот свой астральный опыт, когда вдруг однажды после полудня он заметил девушку, выходящую из машины и заходящую в один из соседских домов. Он узнал в ней ту девушку, которую он видел в том фермерском доме. Естественно, его распирало любопытство, и он решил дождаться, пока она не выйдет. Наконец она вышла и с некоторой самоуверенностью он подошёл и заговорил к ней. «Простите, – спросил он, – вы не скажете мне, где вы живёте?» Естественно, он нарвался на резкий ответ. «Это не ваше дело», – было ему сказано. Однако, он не опешил и рассказал ей об их прежней встрече, и описал ей её дом с убедительной точностью. Она, естественно, была заинтригована этим интересным рассказчиком и, постепенно растаяв, согласилась познакомиться.

«Слово за слово, – пишет он, – она мне понравилась. С тех пор я видел её много раз, видел её дом (в точности такой, каким он был во время сознательной проекции), который находится в пятнадцати милях от моего дома. Я даже убедил её в возможности астральной проекции, так как она видела

меня спроецированным в своей комнате. В настоящее время она по сути является моим очень близким другом, и с этой молодой дамой я с тех пор провёл много опытов».

Здесь, как я уже сказал, у нас два параллельных примера, и в связи с ними совершенно ясным представляется следующее. Оба они (по природе) являются путешествиями по terra firma [твёрдой земле]. Нет вопроса об астральном мире в другом измерении пространства, и хотя девушка г-на Фокса осталась не идентифицированной, невозможно считать, что она была в чём-то менее реальной, чем героиня из приключения г-на Мульдона. Г-н Фокс всё-таки говорит, что «она возможно и не имела существования вне моего ума», но, конечно же, эта гипотеза едва ли приемлема.

Можно заметить, что г-н Фокс напугал даму, которую встретил, коснувшись её за плечо, тогда как г-ну Мульдону не удалось дать знать о своём присутствии своей подруге.

Но с другой стороны, он не только встретил её впоследствии в физическом мире, но ему действительно удалось сделать себя видимым для неё в своём астральном теле, хотя в рассматриваемом случае он не осознавал, что сделал это в действительности, но лишь вспомнил событие как сновидение.

Итак, мне кажется, что существует два различных способа путешествия в астральном теле. В двух выше приведённых случаях экспериментаторы просто использовали свои астральные копии, чтобы путешествовать в различные части земной поверхности. При применении же другого метода, астральное тело путешествует в состоянии сновидения (то,

что г-н Фокс называет осознанным сновидением, если я правильно его понял) в незнакомые области на астральном плане. Теперь нам следует спросить себя, каково в точности различие здесь подразумевается? Мне кажется, что астральное тело в последнем случае функционирует при другой частоте вибраций – ни больше, ни меньше. И в этом, могу предположить, и заключается причина того, что другой мир или другие миры обычно невидимы нам, короче, что мы не видим привидений постоянно. Вселенная построена на числах, как учил Пифагор, т.е. её разнообразие зависит от разниц в частотах вибраций, варьирующихся до бесконечности (до непостижимой бесконечности). Но, несомненно, имеются соответствия между смежными или соседними планами.

Глава 9.

Методы астрального перемещения

В сновидениях, как утверждает г-н Оливер Фокс, он исследовал различные области астрального плана и, судя по его собственным опытам, готов подтвердить многое из того, что написано по этому предмету в оккультных работах и в некоторых автоматических сообщениях [т.е. сообщениях от духов, полученных посредством так называемого автоматического письма]. Он говорит о «мире за шишковидными дверями» как о заметно похожим на землю, и иногда, признаюсь, я соблазняюсь предположить, что в

действительности он <находится> на земном плане, хотя сам он и мнит себя на ином. Но он делает одно заявление, которое может оказаться для многих камнем преткновения. «Астральный двойник города (если это был таковой) выглядит гораздо большим, чем земной город; ибо в добавок к его настоящим строениям и чертам находятся здания, памятники и т.д., которые не имеют настоящего существования на земле. Некоторые из них могли существовать в прошлом, другие же, я предполагаю, являются очень могучими мыслеформами или, возможно, астральными предзнаменованиями грядущих земных зданий». Это, следует признать, сильно смахивает на миражи мира сновидений. Я бы не решился принимать это слишком буквально.

«Может показаться, – говорит г-н Фокс, – что в этих внетелесных прогулках силы восприятия чрезвычайно возрастают; и если неодушевлённые предметы кажутся наделёнными жизнью, то как невероятно жив сам исследователь, освобождённый из своей тюрьмы материи». Несомненно, такие наблюдения характерны для этих астрально-сновидных прогулок, но следует признать, что они чем-то напоминают сновидения тех, кто принимают опиум, и, соответственно, напрашивается вопрос, сколько из них обязаны воспалённому воображению, а сколько можно считать твёрдыми фактами. С визитами, наносимыми в астральном теле, в явно земные местности дела обстоят иначе. Можно проверять факты и чувствовать себя на твёрдом грунте. Но реальность и фантазмагория подчас перемешаны до такой степени, что читателю трудно сказать,

витает ли он в облаках астрального плана или находится на твёрдой физической земле. И кажется весьма вероятным, что это сомнение разделяется самим экспериментатором, и именно из-за этого слишком частого перехода от физического к фантастическому критик также оказывается неспособным сформировать здоровое и надёжное суждение.

Именно в состоянии транса переживания г-на Фокса были наиболее неприятны, и это переходное состояние транса, по-видимому, и доставляло экспериментатору наиболее неприятные сюрпризы. Вот замечательный пример – описание того, с чем он столкнулся в этом состоянии 6 февраля 1916 г., как раз в самый разгар войны.

«Могучие силы, казалось, напрягали атмосферу, и из всех частей комнаты исходили сине-зелёные вспышки света. Затем я увидел омерзительное чудовище – неясный, белый, тонкий, бесформенный призрак со странными выпуклыми заплатами и змееподобными отростками. У него было два огромных круглых глаза подобных шарам, заполненным бледно-голубым огнём, каждый примерно шесть или семь дюймов в диаметре».

Как уже было заявлено, в отличие от г-на Мульдона, г-н Фоксу никогда не удавалось визуализировать своё физическое тело, находясь в своей астральной форме, хотя он мог видеть тело своей жены, а также временами узнавать её, когда она сама путешествовала в астральном, и иногда при этих обстоятельствах они могли встречаться и вступать в диалог, впрочем, она о такого рода опытах не сохраняла воспоминаний.

Видеть своё собственное <физическое> тело, будучи в астральном, по-видимому, является общим правилом. Имеются многочисленные зафиксированные случаи и г-н Мульдон, по-видимому, всегда видел его. Почему же не г-н Фокс? Это одна из астральных загадок, на которую у нас до сих пор, насколько я осведомлён, нет удовлетворительного ответа. Есть один важный пункт, в котором г-н Мульдон и г-н Фокс согласны, хотя и трудно сказать, насколько далеко заходит их согласие, который сводится к тому, что физический мир копируется в астральный. Г-н Фокс, как мы уже видели, утверждает, что он копируется там с отличием. А вот что на этот счёт говорит г-н Мульдон.

«Можно с уверенностью сказать, – пишет он, – что если бы нам было возможно получить свидетельство каждого умершего, то большинство из них заявили бы, что по пробуждении в астральном теле они думали, что были в физическом теле! Это нам показывает, насколько полно физический мир копируется в астральный». Два или три года назад я получил ряд <спиритических> сообщений, полученных (как предполагалось) от одного всемирно знаменитого профессора. У меня были дополнительные основания считать их достоверными, так как моя сестра была близким другом дочери этого профессора, и эти опросы проходили через её [т.е. сестру] представление <профессора>, так как оба [т.е. профессор и сестра] перешли на иной план [т.е. умерли]. Возможно, это не так уж и важно с точки зрения свидетельских показаний, но по сути у меня было свидетельство, относительно идентификации моей сестры, которое представлялось мне совершенно

бесспорным. Таким образом, её представление профессора, кого я знал при жизни очень слабо, кажется, является хорошей гарантией bona fides [достоверности], какую только можно получить. Я ссылаюсь здесь на это, так как одно из полученных мною сообщений имело особое отношение к вопросу о том, что писатели, которых я только что цитировал, именуют астральным планом. По крайней мере, это имеет отношение к сфере, занимаемой профессором и также моей сестрой в другом мире. Вот выдержка, относящаяся к настоящему предмету.

Р. Ш.: Отмеряет ли Солнце время для вас?

Проф.: Конечно. Мы живём в той же Солнечной Системе, что и вы. Вы, конечно же, не думаете, что мы вышли за пределы Вселенной, с которой вы знакомы.

Р. Ш.: О нет. Я никогда так не думал.

Проф.: Это практически расширение всего, этот первый шаг в сторону от мира. Я ожидаю в будущем других расширений. Сфера, что надо мною, такая же совершенно не постижимая для меня, как и моя для вас.

Р. Ш.: Есть ли что-либо, соответствующее долине Темзы, например, в вашем мире?

Проф.: Да, конечно, мы живём в том же самом образе, что и вы. Мы видим и слышим больше, чем вы. Мир, в котором мы живём, более протяжён и шире во всех смыслах этого слова, но у нас есть всё, что есть у вас. Два мира бегут параллельно друг другу. Так что вы должны видеть, как

вижу я, что мы просто расширяем больше и больше. Мы живём в более широкой концепции мира, в котором вы живёте сейчас, в более высоких сферах.

Р. Ш.: Можете пролить какой-нибудь свет на сон в этом мире? Выходят ли здешние люди из своих тел во сне?

Проф.: Да, они выходят из своих тел в глубоком сне, в гипнотическом сне, когда он глубокий, и при анестезии, но сон или транс в любом из этих случаев должен быть полным, чтобы позволить эфирному телу покинуть естественное тело. И имеется связка, которая рвётся только во время смерти. Во сне эфирное тело чувствует тягу, когда естественное тело бессознательно значительное время. Затем эфирное тело тянется назад в оболочку. Когда случается смерть, этот шнур трескает, вся жизнь забирается из естественного тела, и в случаях анестезии, которая вызывает полную бессознательность, эфирное тело тянется назад гораздо резче, чем в естественном сне, и ощущение может быть очень гнетущим.

Теперь вы можете спросить, в какую сферу переходит эфирное тело, когда оно покидает естественное тело в таком случае, как этот. Оно не оказывается в сфере, <находящейся непосредственно> над своей собственной, как это бывает в естественном сне, оно скитается в истинном мире духов; это не естественно. Оно смущено и рассеянно.

Однозначно, в этих утверждениях (какое бы вы им значение ни придавали) многое отчасти соответствует взглядам, высказанным Оливером Фоксом, и также кое-что, кажется,

проливает свет на природу его переживаний, когда он не просто совершает земные путешествия в своём астральном теле.

Кое-что было сказано г-ом Мульдоном насчёт его методов передвижения, когда он находится вне физического тела. Он разделил их, как мы уже видели, на *обычное хождение*, на *движение со скоростью без приложения усилий*, на *прохождение мимо предметов, как бывает при езде в поезде*, и на *практически мгновенную проекцию астрального тела в какое-то отдалённое место*.

Г-н Фокс делает другое деление, хотя он утверждает, что также иногда гулял естественным образом в своём астральном теле, и вообще можно употреблять любой из искусственных способов передвижения, известных нам на земле, например, электрические трамваи. Но я могу предположить, что это <случалось> просто когда г-н Фокс совершал свои астральные экскурсии на твёрдой земле.

Более интересным является то, что он описывает как «три дополнительных способа путешествия, невозможные для простых смертных на земле из-за гравитации». Он называет их: а) горизонтальным скольжением; б) левитацией; в) реактивным взлётом [skrying]. «Скольжение, – рассказывает он нам, – осуществляется чисто умственным усилием, руки и ноги остаются пассивными». В своих первых попытках он испытывал трудность со стартом, но как только это удавалось, скорость становилась чрезвычайной, на вид всё возрастающей, пока он не достигал своего места назначения, как он выражается, «с ударом» [bang]. Однако в этих

экскурсиях он часто оказывался жертвой противостоящих астральных сил, которые относили его волей-неволей в некоторое неизвестное место назначения. «Я мог, – говорит он, – обнаружить себя в прекрасных угодах какого-нибудь величественного дворца; но с другой стороны, я мог остановиться перед каким-нибудь толстым и важным пожилым господином в белом жилете, мирно развалившимся в кругу своей семьи и совершенно не сознающим моё беспардонное вторжение в его домашнюю жизнь». «При скольжении, – добавляет г-н Фокс, – ступни ног, кажется, едва касаются поверхности земли или, как максимум, находятся лишь в нескольких футах над нею».

Далее идёт то, что г-н Фокс называет «левитацией». При левитации было притяжение вниз, сродни гравитации, которому приходилось противодействовать порхательным движением рук. Для того чтобы успешно воспользоваться этим методом, он выяснил, что необходимо начинать с того, чтобы выпрямиться с руками по бокам, затем позволить телу отклониться назад, так чтобы образовать угол примерно в шестьдесят градусов с основанием, тем временем совершая кистями рук мягкие порхательные движения вниз. Таким вот образом г-н Фокс смог достигать высоты в несколько сот футов. На этой высоте гравитационное притяжение сильно уменьшалось, так что дальнейшего продвижения можно было достичь движением вперёд, аналогичным брасу при плавании. Этим методом продвижения он мог подчас достигать высоты примерно от четырёхсот до пятисот футов, где он испытывал сильное возрастание притяжения вниз.

Третий метод – реактивный взлёт – описывается как похожий по характеру на скольжение, но движение осуществляется в вертикальном, а не в частично горизонтальном направлении. Подъём в этом случае осуществляется чисто умственным усилием. Тогда как левитация по природе сродни мягкому парению, при реактивном взлёте вы взмываете вверх, как ракета. Г-н Фокс говорит, что когда он впервые испытал этот метод, он сосредоточил всю свою силу волю в одном мощном усилии. «Мгновенно, – пишет он, – земля ушла у меня из-под ног, – так мне это показалось из-за внезапности и скорости моего подъёма. Я посмотрел вниз на мой дом; теперь он был не больше спичечного коробка, а улицы выглядели лишь тонкими линиями, отделявшими дома». После этого он продолжал подниматься всё выше и выше, пока земля не осталась позади, скрывшись за белыми облаками. Одиночество было пугающим, и на него нахлынули мысли о преждевременном погребении, но он продолжал подниматься. Наконец он увидел «самое ужасающее явление: от точки в зените стала расходиться последовательность мерцающих, свинцового цвета концентрических кругов света, непрерывно распространяющихся в виде огромной ряби, которая бывает, когда в пруд брошен камень».

В конце концов он решил спуститься и не столкнулся с трудностями в обращении этого процесса вспять. Этот драматический полёт, который имел место в дневное время, с 9 до 12 часов до полудня, не имел болезненных последствий. «На самом деле у меня было необычное

чувство физической свежести и духовного подъёма, которое продлилось весь остаток дня».

Следует заметить, что как г-н Мульдон, так и г-н Фокс описывают ощущения перенесения себя на невероятной скорости в отдалённые места. О последней стадии его скольжения г-н Фокс говорит, что его метод путешествия становился «слишком быстрым для восприятия». «Внезапно, – говорит он, – я оказывался там, как если бы свалился из ниоткуда или мгновенно материализовался в новой обстановке».

Нечто похожее рассказывает нам французский автор «Практической астральной проекции»²⁹ о своих переживаниях и ощущениях в астральном теле, он называет один метод «мгновенной проекцией», а другой – «вихревой проекцией». В обоих случаях быстрота переноса астрального тела с одного места в другое кажется наиболее поразительной чертой этих явлений. Странные истории, которые, несомненно, требуют проверки, время от времени появляются в статьях, повествующих о подобных случаях. Несколько лет назад была сенсация, вызванная сообщениями в прессе о внезапном исчезновении двух мальчиков на юге Италии из дома, в котором они всегда жили. Конфиденциально сообщалось, что они оба были обнаружены спустя несколько минут в месте, отстоящим от

²⁹ Ирам (Марсель Форан) «Иные миры: Том 2: Двенадцатилетние исследования незримых миров в состоянии сознательного раздвоения». Есть на русском также и Том 3: «Эволюция в высших мирах – практическое руководство по достижению Космического Сознания». – прим. перев.

дома на расстоянии в несколько сот миль, без какого-либо адекватного объяснения.

Можно упомянуть, что это было до эпохи самолётов, и покойный г-н Everard Fielding рассказывал мне, что Общество Психических Исследований проявило достаточный интерес к этому вопросу, чтобы обратиться за подробностями к епископу местной епархии, который, однако, счёл, что чудеса такого рода лучше оставить неисследованными. Покойный д-р Франц Гартман относил такие феномены в отдел «магического перехода» [magical metathesis, метатезис - перестановка]. Конечно, гораздо легче считать, что такие случаи происходят в астральном теле, нежели на естественном физическом плане. Я просто намекаю на широкую распространённость таких историй, как на предлагающих нечто параллельное описаниям, данным нашими авторами о своих опытах на астральном плане.

Сообщения Ирама в «Практической астральной проекции» более туманны и предоставляют меньше практической информации, чем записи Мульдона или Фокса. Но можно узнать много свежих и познавательных дополнений, а также можно провести много параллелей по отношению к другим отчётам, например, употребление плавательных движений в качестве помощи для продвижения в ранних попытках. Во многом в стиле Оливера Фокса Ирам пишет:

«Так как мы не привыкли летать как птицы, то поначалу я устремлялся вдаль, совершая те же движения, что и в воде. А именно: я бороздил пространство, подражая действиям при

плавании. Мало-помалу, эти движения совершенствовались. Вместо того чтобы плавать в обычном положении, лицом вниз, я стал передвигаться на боку. Затем на спине, отталкиваясь ногами. Наконец, я стал перемещаться горизонтально, просто с помощью желания, соединив ладони и вытянув руки перед собой так, чтобы лучше рассекать эфир».

Этот импульс чистой силы воли также примыкает к двум другим повествованиям. По-видимому, хотя в случае Ирама и нет определённого утверждения аналогичного всем вышеупомянутым случаям касательно того, что первый опыт путешествия в астральном теле происходил полностью произвольно, что оспаривает необходимость ослабленности связи между физическим и астральным телами. Этот факт, несомненно, нужно держать в уме каждому потенциальному экспериментатору, который думает, что ему достаточно просто практиковать некоторые заявленные методы, для того чтобы оказаться способным совершать эти астральные экскурсии. Нет сомнений, что они требуют определённой предрасположенности и помимо этого, возможно, применения определённой простой диеты и образа жизни, для того чтобы обеспечить успех. Г-н Мульдон, совершенно справедливо, я думаю, не соглашаясь здесь с Ирамом, утверждает, что некоторая хрупкость или болезненность является помощью для таких феноменов, и что крепкое здоровье скорее тормозит, нежели способствует им. В обоих случаях — г-на Мульдона и г-на Фокса — был недостаток здоровья, и в самом деле, книга г-на Мульдона

была написана и многие из его опытов были проведены в состоянии серьёзного физического нездоровья.

Страх, который нападает на экспериментатора в первый раз, упоминается Ирамом и, как уже было указано, это ещё сильнее подчёркнуто Оливером Фоксом. Ирам пишет: «Страх пустоты, который испытывают вначале, обусловлен осознанием грозной реалистичности раздвоения». Таким же образом и г-н Мульдон подчёркивает, что, путешествуя в астральном мире, предположение о том, что странник всего лишь видит сон, кажется верхом абсурда, – настолько ярка реальность всего переживания. Однако это не означает, что нельзя видеть сон, находясь в астральном теле. Такие сновидения уже были предметом обсуждения.

В этой связи Ирам пишет: «В сновидениях такого страха не испытывают. Для сна подобное вполне естественно. Но здесь, – при полном сознании, перенесённом из физической оболочки в двойник со всеми материальными ощущениями и всеми душевными способностями, – есть от чего запаниковать».

Ирам, следует заметить, утверждает, что у него был «проводник», и действительно, многое можно сказать в пользу «личного сопровождения» в таких опасных экскурсиях.

Однако не только в астральном теле случается такая тревога. Все три автора говорят о своих переживаниях каталептического состояния и их неспособности контролировать движения своих тел. Так, Ирам пишет:

«В первый раз, я столкнулся с затруднением, вызванным иррациональным страхом. Это случилось, когда, однажды, проснувшись, я оказался не в состоянии пошевелиться. Моё тело было парализовано. Сердцебиение практически не ощущалось, и никакая часть моего тела не подчинялась моей воле. Я вышел из ситуации очень легко – просто заснул. Через несколько часов я проснулся уставшим, вялым, разбитым, раздавленным, как если бы меня поколотили дубинкой. Это дало мне повод подумать о тех летаргических состояниях, когда человека хоронили живьём, характеризующихся такой же неподвижностью, но в которых человек полностью осознаёт происходящее вокруг него».

Особо подчёркивается тот факт, что любая сильная эмоция способна вернуть астральное тело назад в физическую форму, и, по этой причине, Фокс настаивает на чрезвычайной важности хранения ума в состоянии спокойствия и умиротворённости. Даже смех с какого-то забавного случая может произвести этот эффект, так что необходимость самообладания очевидна.

Есть значительное расхождение во мнении, касательно точки, через которую астральное тело выбирается из своей физической копии. Мсье Г. Дюрвилль, проведший множество экспериментов в этой области, говорит, что оно может выбираться через лоб, горло, надчревьё или даже селезёнку, но, вероятно, г-н Мульдон более точен в своих наблюдениях по этому вопросу, по крайней мере, что касается выхода астрального тела при проекции: произвольной ли, или нет. Он замечает:

«Когда тело находится в лежачем положении или покоится горизонтально, астральное тело выходит из тела по направлению вверх, оставаясь оцепенелым и строго параллельным естественному телу. Как правило, все части двух тел отделяются друг от друга одновременно. Эфирный двойник трясётся по всей своей длине – ‘вибрирует’, более подходящее слово – но не из стороны в сторону, а вверх-вниз». Относительно первого шага, который для большинства людей может показаться самым страшным, автор «Астральной проекции» замечает: «Скинуть с себя своё тело с лёгкостью большей, чем одежду, и спросить себя, почему эта способность до сих пор не известна миру».

У г-на Мульдона имеется остроумная теория, которую можно рекомендовать к рассмотрению в медицинских учреждениях. Мы знаем или, по крайней мере, полагаем, что в естественных состояниях здоровья астральное тело и физическое тесно совпадают. Иногда эти тела выходят из совпадения. Одно перекрывает другое, так сказать. Астральное тело не выходит полностью из физического, но частично выбирается из него. Это случается часто во сне. Но это случается также (как утверждает г-н Мульдон) в случае головокружения или обморочного состояния. «Головокружение, – говорит он нам, – указывает на то, что астральное тело не связано прочно с физическим. Когда кружится голова, мы пошатываемся, потому что астральное тело раскрепощено и уже наполовину готово отдалиться от физического. Верчение также вызывает головокружение, поскольку оно раскрепощает астральное тело; и в этой связи интересно отметить, что факиры часто прибегают к

«кружению», чтобы осуществить астральную экстериоризацию».

Совершенно разумно предположить, что раз астральное тело может покидать физическое целиком, то должно быть много случаев, когда оно может, так сказать, сдвинуть своё относительное положение в некоторой мере, тем самым естественно вызывая определённое ощущение дискомфорта или дурноты [malaise]. Такие ненормальности со стороны астрального тела могут быть причиной многих сновидений. «Скрытая причина большинства ‘авиационных’ сновидений, – говорит г-н Мульдон, – находится в явлениях, связанных с астральным телом». «Если бы вы могли контролировать свои сновидения, вы могли бы контролировать движения своего тела сновидения».

Автор «Практической астральной проекции» рассказывает, как он практиковал вхождение и выходение из физического тела в своей астральной форме, и какие ощущения он испытывал во время этого процесса.

«Это произошло после нескольких длительных прогулок в пространстве, – пишет он, – я вернулся и стал возле своей телесной формы и, не полностью в неё воплотившись, я оказался точно в точке равновесия, когда ощущения физического тела могут передаваться следующей форме [т.е. астральному телу]. Простым желанием, я склонял ‘весы’ то на одну, то на другую сторону. Как только мне удалось высвободиться в четвёртое измерение, я стал чувствовать себя легче, не испытывая ни единого ощущения со стороны физического тела. И, что странно, у меня было отчётливое

ощущение, что мои руки соприкасаются в привычном для меня положении [чего на самом деле не было]. Как только я обратил своё внимание на свою материальную форму, степень освобождения уменьшилась. Моё тело стало тяжёлым как свинец, дыхание замедлилось. Я почувствовал шероховатость простыни, соприкасающейся с моими вытянутыми вдоль тела руками, прохладную свежесть, свет, проникающий сквозь мои сомкнутые веки».

Когда он ещё раз сосредоточился на мысли о проекции, процесс пошёл обратно. Физические ощущения сразу же исчезли, и он снова оказался в состоянии, которое только что покинул, и стал наслаждаться умиротворённостью и невыразимым чувством хорошего самочувствия, которое, как и другие проекторы, он связывал с ней [т.е. проекцией]. Это состояние, он заверяет, такое далёкое от состояния сна, обладает яркостью, намного превосходящей яркость земной жизни.

Те, кто интересуются отношениями полов в следующем мире, найдут пищу для размышлений в описании некоторых опытов Ирама в связи с одной дамой, которая сперва была его невестой, а впоследствии стала его женой.

«После трёх или четырёх встреч на Земле, – говорит он, – обстоятельства удалили нас друг от друга на многие тысячи километров. Именно тогда, не зная ни города, ни дома, где она проживала, я приходил с ней повидаться каждую ночь благодаря раздвоению, и именно в этом состоянии мы помолвились. (Я описал все подробности опыта в письме той особе, которую видел, и два месяца спустя, получил от неё

подтверждение) ... моя невеста чувствовала моё присутствие и говорила ко мне мысленно, не видя меня. В каком бы месте она ни находилась, чем бы ни занималась, она сразу же ощущала моё возле неё присутствие; и если она испытывала тревогу, она говорила мне мысленно немедленно вернуться».

Ирам рассказывает нам, что его невеста в этих условиях испытывала ощущение пребывания возле очага энергии, от которого она получала волны большой интенсивности, и что она была способна воспринимать его мысли с такой же лёгкостью, с какой и он был способен воспринимать её. Позже, после того как они поженились, они часто совершали астральные экскурсии в компании друг друга. «Когда я раздваиваюсь в комнату, – пишет он, – то имею привычку обнимать свою жену, прежде чем продолжить свои опыты. Однажды, когда я так экстериоризовался, она мне сказала: Останься возле меня! Иди скорее, – ответил я ей, и тотчас же отделившись от своей физической формы, она присоединилась ко мне».

Это было начало совместных приключений. Если мы принимаем отчёт Ирама совершенно буквально, то любовь на другом плане такая же реальная, если не более духовна в своих порывах, как и любая земная страсть. «Её любовь, – говорит он, – проникла в меня под видом ощущения общей теплоты, в то же время мой дух залило чувство доверия. С другой стороны, моя лучистая атмосфера проникала в её, и я в точности испытал ощущение растворения в ней. Интенсивность вибраций была такой, что я от этого испытал нечто вроде ошеломления ... В атмосфере, где мы находились раздвоенными, я видел наши материальные

двойники, объединённые и напоминающие своим видом облако ... По мере того, как облако прояснялось, мне отчётливо представилось, как с меня поочерёдно снимаются одежды, и как я всё сокровеннее соединяюсь с моей женой ... Слова бессильны описать сверхощущения этого сверхсознательного состояния. Ни в одном опыте я не чувствовал такого ясного сознания, такой могучей любви, таких глубоких покоя и безмятежности».

Некоторые могут описать эти эмоции как космическое сознание душ-близнецов. По крайней мере мы можем найти в этом описании некую неадекватность, к которой писатель относится слишком легковерно, — намёк на то, что элемент любви не разрушается, но только усиливается с потерей физической формы.

Глава 10.

Другие астральные проекторы

Ирам – единственный автор, насколько я знаю, не считая г-на Сильвана Мульдона, который исчерпывающе и в подробностях написал о своих личных опытах в области астральной проекции, хотя многие поучительные и интересные вклады г-на Оливера Фокса и г-на Герхарди в этой связи имеют свою собственную уникальную ценность. Его книга «Le Medecin de l'Âme» была переведена на английский под заглавием «Практическая астральная проекция», и она заслуживает, несмотря на некоторые явные

недостатки, чтобы рассмотреть её полнее и шире, чем по тем ссылкам, которые на неё давались в связи с опытами Мульдона и Оливера Фокса в предыдущей главе. Насчёт более дальних экскурсий в неизвестное, о которых он нам повествует, у нас остаётся сомнение, — насколько реальны эти опыты, быть может они скорее относятся к сновидениям, чем к чему-то прочному по природе, и у нас нет ясного отчёта о том, как он научился ‘азбуке’ проекции. Неясно, было это или не было результатом умышленного экспериментирования. Если это было так, на что, кажется, намекает одно его замечание, то мы удивлены тем, что он не описал его в подробностях для нашего научения, как это делают другие экспериментаторы.

Опять, когда он сообщает нам, что ему потребовалось двенадцать лет, чтобы развить своё сознание и научиться проникать с ним до крайней границы нашей Вселенной (!), мы чувствуем, что нас просят принять заявление, которое неизбежно будет заставлять нас призадуматься, прежде чем мы будем принимать буквально любые последующие его заявления, и когда он говорит нам, что он и делает вскоре после, что «человеческое существо бесформенно», то мы вынуждены спросить себя, как возможно для индивидуума существовать отдельно от формы.

Не стоит и говорить, что такой стиль письма открывает двери к критике скептиков и действительно открывает их очень широко. Однако, мы не должны игнорировать повествование Ирама о своих опытах из-за этих неудачных оплошностей, особенно когда он говорит о методах, которые он употребляет для отделения своей астральной формы от

своего физического носителя, и о тех обстоятельствах, с которыми он сталкивался в своих попытках выйти из своей земной среды обитания. Они и в самом деле часто обнаруживаются Мульдоном и Фоксом. Так, говоря о «серебряном шнуре», который соединяет физическую и астральную форы, он пишет:

«По мере приближения к своей физической форме, всё отчётливее чувствуются те связи, что вас притягивают, так сказать, *засасывают*, и вам кажется, что вы растворяетесь в своём материальном теле. По мере того как это ощущение обостряется, начинают испытывать телесные ощущения физического тела»³⁰.

Вот ещё он весьма метко замечает:

«Чем грубее, или материальнее, телосложение, тем сильнее двойник к нему привязан» [Здесь Ширли совершенно исказил смысл автора. Скорее всего это опечатка, т.к. следующее предложение говорит о правильном понимании текста Ирама. Вот буквальный перевод этого предложения с французского: *«двойник тем сильнее прикреплен к физическому телу, чем из более грубого, более низшего состава он состоит»*, т.е. Ирам говорит о субстанции, из которой составлено астральное тело, а не о грубости физического тела]. Это, говорит он нам, объясняет раны тех колдунов или ведьм, спроецированные формы которых были слишком плотными по своему качеству и которые [т.е. раны]

³⁰ Цитаты из книги Ирама я даю в переводе с французского. Английский перевод, которым пользовался Ширли, иногда сильно отличается от оригинала. — прим. Перев.

тем самым переносились от их эфирных к физическим телам. Таково объяснение феномена отдачи [реперкуссии] нашим автором [т.е. Ирамом].

Кажется, он и сам был в большом недоумении относительно такого квази-материального качества своей астральной формы, в отличии от наших других двух экспериментаторов.

Он говорит о трудностях, с которыми он сталкивался «используя слишком материальный двойник». Он рассказывает, как однажды, спроецировавшись, он проносился над великолепным ландшафтом. «Я приблизился к морю, где видел, как волны ударяются о твёрдый берег, и я, на минутку, присел на бетонные ступеньки, возле которых играли дети. С наслаждением я вдыхал соляной воздух, пока свежий ветер хлестал меня в лицо. Слишком материальные ощущения этого состояния усугубились другими вибрациями, передаваемыми по астральному шнуру, так как во время этого раздвоения, кто-то ходил в комнате, и каждое прогибание пола доходило до меня как ужасное сотрясение, с каждым разом всё ближе притягивая меня к моему физическому телу. Я в полной мере и одновременно осознавал эти два состояния и, смакуя очарование этого раздвоения, моя воля неистово боролась с притяжением этих тысяч невидимых связей. Наконец, мне больше не хватило сил, и я был вынужден воссоединиться со своим жилищем».

Здесь перед нами описание того раздвоенного сознания, которое часто сопровождает состояние, в котором человек мечется в неопределённости между своим физическим и эфирным телом.

Эта временами квази-физическая природа его астрального двойника подтверждается другими опытами, которые сообщает Ирам.

«Во многих подобных опытах я пытался проходить сквозь стены, но, несмотря на всю мою волю, всё чего я добивался, так это боли в голове, как если бы я имел дело со своим физическим телом. Гораздо позже, я добился-таки в этом успеха. Сначала эти стены мне стали казаться мягкими, потом я прошёл сквозь них, как если бы они не существовали. Это потому, что я экстериоризовал менее материальный двойник».

Он описывает свою попытку экстериоризовать свой двойник следующим образом: «Не совершая никаких предварительных упражнений, я просто думал о том, чтобы раздвоиться. Я пришёл в сознание в самом процессе экстериоризации. Я ощущал и видел себя распостёршимся на столе, животом вниз. Руками, вытянутыми пред собою, я ухватился за края этого воображаемого стола, и тянулся, чтобы помочь себе выбраться из чего-то. Было впечатление, что я в мешке, слишком узкое отверстие в котором и было препятствием».

Обратите внимание на эту тенденцию со стороны всех практиков этого искусства проекции – воображение себя проталкивающими свои тела сквозь малое отверстие или брешь. Брешь аллегорическая, конечно же, но реализовать её в воображении – это часть секрета осуществления этой операции. Обратите также внимание, что он лежит лицом вниз, а не на своей спине, как другие. Ирам продолжает:

«Наконец, мои усилия увенчались успехом, и я оказался возле своего тела, а мои сознательные и психические способности были в моём полном распоряжении». К этому времени он уже был более опытен в методах астрального путешествия. Нанеся визит на расстоянии, он возвратился в свою комнату и «поупражнялся, – как он говорит, – в последовательных входах и выходах из моей органической оболочки». Он продолжает: «Едва я сформулировал желание войти в тело, как немедленно ощутил кровать, на которой покоилось тело. Тяжесть конечностей, затруднённое и значительно ослабленное дыхание, прохлада земной атмосферы, доносившийся с улицы шум, короче, я был в своей физической оболочке».

Ирам, подобно нашим другим экспериментаторам, описывает свои переживания словами «быть подхваченным вихрем». «В большинстве случаев, – замечает он, – вихревое раздвоение не сопровождается никакими видениями или ощущениями». Очевидно, движение слишком быстрое для этого. «Когда вас уносит магнетический поток, – говорит он, – создаётся впечатление передвижения с невероятно огромной скоростью. Ураганный ветер задувает вам в уши. Кажется, что перемещаешься в земной атмосфере с колоссальной скоростью». Положение тела при этих обстоятельствах очень разное. «Одинаково случается быть переносимому головой или ногами вперёд, в горизонтальном, наклонном или вертикальном потоке, с ощущением восхождения или спуска ... Когда поток направлен вертикально, с ощущением спуска, – добавляет он с предостережением, – следует поостеречься». После

переживания этих магнетических потоков, он замечал, что возвращался в своё физическое тело заряженным жизненной энергией. «Это своего рода высшая жизнь, влившаяся в физическую форму и на мгновение придающая нашим способностям значительное расширение».

Несомненно, практика этого искусства проекции будет приводить к тому, что проекция будет проходить всё легче и легче, а затем будет происходить даже произвольно. Здесь, конечно же, могут быть препятствия и помехи. «Так, – говорит наш автор, – я могу оказаться, стоя на ногах, раздвоенным в моей комнате, как только я закрою веки, не ощутив ничего особенного ... Навык в этих раздвоениях приводит к такой близости с иными мирами, что в некоторых случаях, перед тем как устремиться в пространство, я возвращаюсь на своих ногах, дабы убедиться, что я не в состоянии сомнамбулизма и что моё материальное тело покоится на своём месте. Этим я хочу сказать, насколько реалистично это состояние».

В этих сообщениях особенно указывается на один вид препятствий, с которым, кажется, мы не встречались, по крайней мере в той же форме, ни у Сильвана Мульдона, ни у Оливера Фокса. По своей природе это скорее разновидность кошмара и напоминает некоторые странные переживания из романа «The Dreams of Orlow». Он показывает насколько аллегорическим могут быть некоторые внетелесные переживания. Итак, оказавшись в своём астральном теле в своей комнате в полном сознании, как он замечает, он направился к двери, намереваясь пройти сквозь неё. «Только я её преодолел, — пишет он, — как другая комната сделала

меня своим узником. Крестное знамение заставило её исчезнуть, но возникла другая, в которой, однако, было окно. Чтобы выбраться через него, я разбил стекло. Под таинственным влиянием, жертвой которого я был, оно посыпалось, оставив в раме осколки. Так как это не был первый случай такого рода в моей практике, я решил не отступать и стал пролезать сквозь оконную раму с оцетинившимися осколками. Тогда я испытал ощущение, которое крайне трудно описать. Я ни резался, ни царапался, а только чувствовал какую-то странную боль, которая выкачивала из меня мои силы, как если бы они содержались в некоей ёмкости, которую резко опорожняют. Я был вынужден вернуться в своё тело, не имея больше энергии, чтобы продолжать».

Ясно, что эти иллюзорные препятствия часто ставили в тупик нашего автора во время его астральных странствий, и те описания, которые он даёт им, вызывают у читателя сомнение, а был ли он полностью сознательным, каковым он себя считал. Они скорее напоминают состояние астрального сновидения, в котором сознание функционирует во многом так, как и в обычных сновидениях, борясь с препятствиями и трудностями, которые вызывает неуправляемый ум в тревожные часы неугомонной ночи.

Создаётся впечатление, что на протяжении всей книги автор время от времени неспособен понять своё собственное состояние, быть может из-за привычки слишком частого переноса сознания из физического на эфирный план и наоборот. Он сам приводит один любопытный пример, который сильно подкрепляет это аргумент. Проспав шесть

часов и проснувшись по-видимому в нормальном состоянии, у него было ощущение чрезвычайной лёгкости, как если бы он ходил по воздуху. Однако, вспомнив некоторые общественные обязанности, он вышел на улицу и сел в трамвай. Соступив с трамвая, он чуть было не упал. «Не владея полностью своим телом, – говорит он, – я ощутил, как шагнул в пустоту. Спускаясь, мне показалось, что подо мной разверзлась пропасть, но я резко среагировал и смог удержать равновесие». Очевидно он был на волосок от опасности. Но эта история указывает на очень конкретную мораль и предупреждает нас, не принимать слишком буквально переживания, которые скорее могут носить субъективный, нежели объективный характер.

В дополнение к выше упомянутым экспериментаторам один автор в журнале «London Forum» (март 1935) сделал некоторые уместные замечания по практике астральной проекции и по её связи с более тонкими формами ментальной проекции, примеры которой были даны в предыдущей главе. Несомненно, одна склонна приводить к другой, и, как замечает этот автор, астральная проекция является всего лишь более физической формой этого умственного или духовного путешествия. «Между собственно астральной проекцией и умственной проекцией, – замечает он, – простираются степени проекции, которые могут принимать природу обеих форм. Ментальная проекция является первым шагом к астральной проекции». Короче, только визуализируя себя находящимся вне своей физической формы, только так вам возможно её покинуть. Этот автор настаивает на необходимости лежания на спине для

достижения вашей цели. Руки, говорит он, должны быть вытянуты по бокам тела, а ноги не перекрещены. «Невозможно спроецироваться, – добавляет он, – лёжа на боку».

Он намекает на ощущение жжения, которое он испытывает на начальных шагах, сопровождаемое сильной сонливостью. Соблазн сонливостью кажется общепризнанным, но не ощущение тепла. «Затем, – он нам рассказывает, – ум должен продолжать оставаться настороже, тогда как тело продвигается ко сну». Именно здесь возникает главная трудность у большинства людей, но и Фокс, и Мульдон очевидно могут проецировать свои астральные тела, если того пожелают, будучи в состоянии бессознательности и, фактически, целесообразность так делать кажется вполне очевидной, если только вы не хотите наблюдать каждую стадию, так чтобы управлять всем процессом, и как только это достигнуто, представляется маложелательным повторно проходить сквозь тот же опыт. «После этого, – сообщают нам, – от ног и вверх постепенно распространяется онемение, достигая рук и, наконец, головы. Тело становится совершенно оцепенелым. Дыхание ощутимо замедляется, а за ним следует и пульсация сердца». Экспериментатору, если его сердце совсем слабое, советуется практиковать глубокое дыхание. Я могу предположить, что таких экспериментов следует избегать людям со слабым сердцем.

Большинство описаний этого автора служат для подтверждения тех ощущений, которые испытывают другие практики этого искусства, но он утверждает, что когда он впервые сознательно попытался совершить проекцию, у него

было «необычайное ощущение горизонтального вытягивания сквозь малое отверстие в центре черепа». Ясно, что переживания, или лучше сказать ощущения, связанные с этим процессом, отличаются в деталях, но все, как и настоящий автор, говорят о «странной лёгкости и экстазе, который накатывает на них и придаёт им силы». Есть лишь слабое расхождение во фразеологии, с помощью которой они выражают свои ощущения. Однако не все испытывают, или по крайней мере не сообщают, о предварительных физических феноменах, которые предшествуют (согласно автору этой статьи) настоящему освобождению сознания из физической формы.

«Рёбра, – говорит он, – держатся в напряжении, грудь полностью вздута. Затем начинается совершенно необычайный феномен. Грудь остаётся вздутой, но дыхание начинается от диафрагмы. Рёбра остаются растянутыми, но весь желудок начинает сильно пульсировать и со всё возрастающей частотой, но без сознательного усилия со стороны экспериментатора». Затем «нарастает экстаз, и чувство силы вливается в солнечное сплетение».

Этот автор, подобно Оливеру Фоксу, говорит об ощущении, <испытываемом> после выхода из тела, «как если бы человек нежно плавал в ванной из золотых лучей. Физическое тело, – добавляет он, – ушло, но комната остаётся ясно воспринимаемой, и особенно легко видеть инертную форму, которые вы только что оставили».

Поставьте этот опыт рядом с другими, ранее цитированными, и станет понятно, что он по большей части

отличается от отчётов других проекторов лишь мелкими деталями. В главном и в нескольких очень важных пунктах один подтверждает другой. Расхождения между различными сообщениями, кажется, скорее связаны с физическими и психическими особенностями <экспериментатора>.

Автор вышеупомянутой статьи, – можно добавить, – считал нерегулярную практику проекции лечением для тех, кто не может спать или для тех, кто страдают от нервного истощения, головной боли, несварения или подобных недомоганий. «Это, – говорит он, – упражнение, которое, я убеждён, не может не помочь здоровью как ума, так и тела, если его осторожно выполнять и не повторять слишком часто». Опасность лежит лишь в слишком далёком путешествии и в слишком привычном свершении.

Среди других людей, у которых при различных обстоятельствах бывал опыт астральной проекции, нельзя пропустить Уильяма Герхарди [Gerhardi].

Этот автор цитирует один случай³¹, когда ему приснилось странное сновидение и, как случается с большинством из нас, – я полагаю, – время от времени, он осознал в своём сонном состоянии, что это было, как говорят, «только сновидение». Осознание этого, можно полагать, является указанием на то, что человек находится между сном и бодрствованием, и что поэтому спящее сознание и

³¹ Эта тема рассматривается в его книге, которую я могу назвать романом с большой натяжкой, озаглавленной «Resurrection». Он ручается за достоверность описываемых им переживаний.

бодрствующее сознание более или менее находятся en rapport [в раппорте, или в сношении] друг с другом.

Результатом такого наблюдения для него самого было то, что г-н Герхарди, как он нам сообщает, действительно проснулся. После этого он протянул свою руку, чтобы включить лампу на книжной полке над его кроватью, но обнаружил, что тычет в пустоту. Затем он понял, что действует вне своего физического тела. «Комната, – говорит он, – если не считать света от электропечи, была во тьме, но всё вокруг меня было окутано млечно-ярким светом, подобно пару. В тот момент я был полностью пробуждённым и настолько сознательным, что не мог подвергать сомнению мои чувства, будучи удивлённым, как никогда раньше, изумлённым до крайности горделивого ликования».

Он почувствовал себя как бы схваченным, вытолкнутым горизонтально и положенным на ноги. «У меня за спиной, – продолжает он, – было кольцо света, подобно светящемуся садовому шлангу, напоминающее мощный широкий луч пыльного света позади тёмного кинопроектора, спроецированного на экран впереди. К моему крайнему удивлению этот широкий шлейф света у меня за спиной освещал лицо на подушках, в котором я узнал своё собственное, как если бы был прикреплен ко лбу этого спящего. Это был я, нет, не мёртвый, но мирно дышащий со слегка открытым ртом... Лицо, лёжа боком и глубоко утонув в подушку, было задумчиво и трогательно в своей безучастной невинности выражения – и здесь был я, рядом с ним, глядя на него, трепеща от радости и страха. Между нами была та жуткая лента, подобно пуповине, посредством

которой тело на кровати поддерживалось живым, пока его матрица бродила по квартире, рассекая пространство, казавшееся таким же плотным, как вода».

Г-н Герхарди доковылял до двери, ощупал ручку, но не смог повернуть её. На мгновение он задумался, как ему выбраться из комнаты, но, как он выразился, в конце концов «дверь прошла сквозь меня, или я сквозь дверь». Когда он вошёл в ванную комнату, он словил взглядом своё отражение в зеркале, одетое в точности так, как он, когда отправлялся в кровать. Здесь снова перед нами одно из тех любопытных расхождений между отчётами разных проекторов. В отличие от Оливера Фокса, наш писатель может видеть своё собственное отражение в зеркале, хотя оно по-видимому не имеет веса и субстанции. И снова, в отличие от Оливера Фокса, но как и большинство проекторов, он может видеть свою собственную физическую форму явно лежащую в кровати. Подобно г-ну Сильвану Мульдону он ковылял, когда впервые покинул своё физическое тело. Мы говорили о людях с «приступом морской ноги» [т.е. шатание, как при морской качке], когда они впервые начинают своё путешествие. Очевидно есть такая вещь как «приступ астральной ноги», когда впервые функционируешь вне тела.

Но здесь снова Оливер Фокс, кажется, не испытывал такой трудности, как Уильям Герхарди или Сильван Мульдон. Что касается видения своего отражения в зеркале, мы можем предположить, что это обусловлено большей плотностью астрального тела в случае нашего писателя, чем в случае Оливера Фокса, и мы можем вспомнить в этой связи трудности, испытываемые Ирамом, из-за неудобной

телесности его астральной формы. Кажется, что астральное тело одного и того же человека не однородно по плотности, но значительно изменяется, мы можем предположить, в зависимости от психического или физического состояния проектора в то время. Очевидно это было так в случае Ирама.

Уильям Герхарди замечает, что квартира была во тьме, за исключением тусклого света, который по-видимому исходил из его тела, но хотя он и не мог касаться никаких предметов в комнатах или перемещать их каким-либо образом, однако он всё примечал и впоследствии смог проверить точность своих наблюдений. Вскоре он обнаружил себя вне своей квартиры и осознал, что необычайное ощущение света, которое мы отмечали в случае других проекторов, как только они оказывались вне радиуса действия своих физических тел. Он подумал, что теперь мог бы пойти куда ему вздумается, но осторожность взяла верх и он решил вернуться. Он описывает своё вхождение в своё тело очень красочно.

«Моё сознание, – пишет он, – стало меркнуть. Как будто дюжина грузчиков со скрипом и тряской опускали с крайней осторожностью под управлением эксперта на скрипучем кране, скрип которого казалось отдавал эхом в моём мозге, какой-то ценный груз, каковым был я сам, в какой-то сосуд, которым теперь стал я сам. Затем с судорожным движением, которое сотрясло меня так, как если бы весь механизм весом в тонну упал на меня, я открыл свои глаза». Г-н Герхарди утверждает, что это был его первый опыт астральной проекции, и очевидно это был произвольный опыт, но после этого у него было ещё четыре других.

Подобно г-ну Сильвану Мульдону он подчёркивает тот факт, что это совсем не похоже на сновидение. Короче, это настоящий внетелесный опыт и в этом заключается его чрезвычайная важность. Хотя есть так много общего между этими опытами разных проекторов, однако также постоянно сталкиваемся с расхождениями, как я уже указывал, и чем больше отчётов мы читаем, тем более нас поражают определённые общие законы этого феномена, и тем больше мы спрашиваем у себя о причине этих расхождений. Я предполагаю, что они обусловлены главным образом индивидуальными различиями, и нет сомнений, что причина, почему человек в одном случае видим какому-то простому смертному, вопреки общему правилу, которое утверждает об их невидимости, состоит в том, что время от времени они сталкиваются с кем-то, кто обладает более полно развитым психическим чувством.

Зафиксировано множество случаев такого рода, но они всё ещё представляют подавляющее меньшинство по сравнению с теми, в которых астральный странник остаётся невидимым. В действительности проектор рассчитывает на защиту, предоставляемую ему (или ей) этим «плащом невидимкой», и оказывается немало удивлённым (если не призывается внезапно к своему телу) тем фактом, что его видят. Сильван Мульдон и Оливер Фокс – оба отмечают тот факт, что люди, которых они встречают на земном плане, совершенно не осознают их присутствие, но в одном отчёте об астральной экскурсии, предоставленном миссис Брюстер [Brewster] в

последней книге г-на Мульдона³², мы узнаём, как она напугала одну пожилую даму в её спальне, которая явно приняла её за приведение.

Опять, в представленном в том же сборнике случае миссис Ларсен [Larsen] из Берлингтона (Вермонт, США), она смотрит в зеркало, но видит себя уже не женщиной среднего возраста с седыми волосами, каковой она в действительности была, но девушкой восемнадцати лет. Здесь имеется три варианта. Один проектор (как например, Оливер Фокс) смотрит в зеркало и не может увидеть отражения, некоторые видят себя отражёнными, как обычно (мы можем вспомнить среди прочих случай Эмили Саже, отражение двойника которой было видно ученице в зеркале), и вот американская дама, которая была удивлена обнаружить себя омоложенной, когда глядела в зеркало. Некоторые в этих экскурсиях встречают друзей, которые отошли в мир иной, которых они узнают и которые приветствуют их, но не так с Оливером Фоксом, единственным спутником которого в этих экскурсиях (что бывает редко) была его собственная жена, также, конечно же, экстериоризованная.

Далее имеется проблема одежд. Некоторые проекторы обнаруживают себя в облачении, которое они носят в обычной жизни. Некоторые описывают себя облачёнными в какой-то светлый прозрачный материал, а в нескольких случаях проектор осознаёт, что он голый, и позже, как в сновидении, он удивляется тому, что он прилично одет, будучи неспособен вспомнить, как это случилось. Так,

³² The Case for Astral Projection.

Уильям Дадли Пелли [Dudley Pelley], американский автор, в памфлете, озаглавленном «Seven Minutes in Eternity», когда он был один в своём летнем домике в Калифорнии, пишет, что его хватил внезапный удар и он подумал, что умирает. Он очнулся и обнаружил себя на другом плане. Два друга-духа пришли ему на помощь и сказали, не беспокоиться. Они взяли его нагое (астральное) тело и положили его на мраморную плиту, пока он не восстановил свою силу. Затем эти друзья-духи сказали ему искупаться в близлежащем бассейне, что он и сделал. «Здесь, – говорит он, – случилось одно из самых странных событий всего этого приключения. Когда я выбрался из бассейна, я уже не осознавал, что был нагим. С другой стороны, я и не осознавал, что одевал одежды. Купание стало для меня чем-то вроде одевания. Чем, — я не знаю».

Проблема одежд привидений не давала покоя многим критическим умам. Это настоящая головоломка для них, однако, головоломка, которая может быть разрешена одним сообщением, которое предоставил покойный W. T. Stead в своём журнале «Borderland». Здесь один человек, принятый своими друзьями за мёртвого, внезапно пришёл в сознание вне своей физической формы, но при этом осознал, что был нагим. Вокруг его предполагаемого смертного ложа стояли дамы, – можно себе представить его смущение. Здесь снова, однако, шок от обнаружения себя в такой ужасной ситуации, кажется, произвёл желаемый результат, и почти сразу же он обнаружил к своему удивлению, что был прилично одет. Нет нужды говорить, одетый или раздетый, он оставался невидимым для присутствующих. Можно предположить, что

должно твориться нечто очень замечательное с силой воображения на другом плане, чтобы произвести эти мгновенные преобразования.

Мы также можем спросить себя, где начинается реальность и заканчивается воображение, и что это за мир, в котором могут иметь место такие метаморфозы. Мы пытаемся определить эфир в терминах физической науки и обнаруживаем, что мы придаём ему противоречивые характеристики. Не пытаемся ли мы совершить невозможное? И не является ли то существование, в котором феномены описываемого вида имеют место в действительности, эфирным миром? Короче, не является ли это ключом к нашей трудности, когда мы говорим в физических терминах о нефизической субстанции?

Г-н Пелли утверждает в этом своём опыте, что встречался и беседовал с «так называемыми мёртвыми». Он замечает: «Я оказывался существующей единицей в местности, где люди, которых я всегда считал мёртвыми, вовсе не были таковыми. Они были очень даже живы».

Ясно, я думаю, что г-н Пелли оказывался на другом плане в этой своей астральной проекции, тогда как г-да Мульдон и Фокс почти исключительно странствовали на земном плане в своих астральных оболочках.

Следует обратить внимание на ещё одну схожесть в связи с очень большим процентным отношением этих астральных экскурсий. Снова и снова мы находим, что рассказчик таких переживаний говорит о чрезвычайном нежелании возвращаться в свою физическую форму. Такое чувство

также было и у г-на Пелли. Он не желал возвращаться, но в конец концов смирился с неизбежностью. Он был захвачен, как он нам рассказывает, вихрем голубого пара и оказался поднятым и парящим. «А затем, – добавляет он, – что-то щёлкнуло. Что-то в моём теле. Лучшей аналогией является звук, который издаёт моя перезарядная винтовка [repeating deer rifle], когда я передёргиваю затвор. И вот, я уже сидел в своём физическом теле». Опять обратите внимание на это переживание щелчка, знакомое читателям записей Оливера Фокса.

«Ульям Дадли Пелли, – утверждает г-н Мульдон, – стал другим человеком после этого переживания, физически, ментально и духовно, как свидетельствуют все, кто его знают».

Экспериментаторами астральной проекции были предложены различные пособия к экстериоризации, но одно, я думаю, можно упомянуть в этой связи, которое, вообще-то говоря, упускают из виду и которое обладает ценностью в случае, когда проектор, что вполне может быть, находится в поисках кого-то, местоположение кого он (или она) не способен определить. В этих случаях путешественнику в астральном теле оказывается полезным взять в свою руку фотографию или хороший портрет человека, которого он ищет, и сосредоточиться на ней. Это было успешно проделано в одном случае, о котором я слышал, и может оказаться полезным в любом поиске такого вида.

Мне хотелось бы ещё указать на одно в этой связи. Точно так же, как эфирная форма может проецироваться благодаря

применению какого-нибудь обезболивающего, так также и в случае опытов ведьм, есть наркотики, несомненно действенные для этой цели, но так как разумнее и лучше наслаждаться обычным сном без каких бы то ни было известных снадобий против бессонницы, так также и проектору можно посоветовать избегать употребления наркотиков, применяемых с этой целью, и довериться естественным силам и естественным методом для достижения желаемого результата.

Глава 11.

ГИПНОТИЗМ И ДВОЙНИК

Я полагаю, именно полковник де Роша был первым, по крайней мере в западном мире, кто при научных условиях проводил эксперименты с употреблением магнетических пассов с целью проецирования двойника субъектов, над которыми он оперировал.

До полковника де Роша был Райхенбах, который, магнетизируя своих субъектов, обратил внимание на то, что конечности их тел источают светящиеся во тьме лучи, и что это же имело место с магнитами и кристаллами. Он называл их *одическими* лучами. Следуя экспериментам Райхенбаха, полковник де Роша, развивая чувствительность своих субъектов, смог наблюдать эти излучения вторым и при более благоприятных условиях, чем его предшественник. Эти излучения, как он обнаружил, становились всё более

явными пропорционально тому, как его субъекты погружались во всё более глубокий магнетический сон. Сперва его субъекты замечали, что эти лучи образуют вокруг их тел концентрические кривые, нечто вроде ауры, простираясь более или менее вне тела намагнетизированного индивидуума. Также наблюдалось, что чувствительность субъекта экстерииоризировалась в эту ауру.

Продолжая дальше работать с процессом магнетизации, его субъекты наблюдали светящиеся облака, исходящие из них самих, как направо, так и налево. Эти облака носили красноватый оттенок с одной стороны и голубоватый с другой, и постепенно, с продолжением пассивов, эти два облака соединялись и их цвета сливались, пока не образовывалась призрачная фигура, напоминающая субъекта. Этот призрак, как наблюдалось, воспроизводил каждое движение, совершаемое намагнетизированным индивидуумом.

Эти эксперименты так и не преодолели определённую границу у полковника де Роша. Однако, это дело было продолжено позже Гектором Дюрвиллем³³, который действовал в том же направлении, что и полковник де Роша, но, получив очень сходные результаты, он сумел посредством дальнейшей магнетизации сгустить этот облачный призрак, пока его контуры постепенно не стали ясно очерченными, сперва эти очертания были более заметны в верхней части формы и также демонстрировали определённую степень светимости, особенно в голове. Наконец фигура обретала целостность субъекта. Её

³³ См. «Прижизненные призраки» этого автора.

отражение было видимо в зеркале, и её можно было сфотографировать обычной камерой. Конечно же, следует понимать, что это не экстериоризация в смысле Оливера Фокса или Сильвана Мульдона. Призрачная форма не ходит как нормальное; она скорее скользит как привидение и ноги не образуются полностью, но подобно экстериоризированному двойнику она присоединена к субъекту посредством эфирного шнура. Когда она сидит в кресле рядом с субъектом, она чрезвычайно чувствительна к любому физическому контакту, который можно приложить к призрачной форме, и неистово реагирует на любой шок, которому может подвергнуться его эфирная копия.

Реабсорбция экстериоризированного эфирного тела осуществляется очень постепенно, и после того как субъект просыпается от транса, его двойник часто оставляет после себя некоторый след, имеющий природу флюидных частиц, на кресле, на котором он сидел, и субъект может испытывать очень серьёзный дискомфорт, если кто-либо вскоре после этого займёт это вакантное сидение. Таким образом, лучше чтобы он сам ушёл и сел на кресло, которое было занято его эфирной формой, так как в этом случае он быстрее реабсорбирует оставшиеся флюидные частицы его собственной индивидуальности. Моему уму представляется весьма спорным, желательны ли такие эксперименты по экстериоризации двойника, и не могут ли они подвергать опасности нервную систему намагнетизированного индивидуума.

Совершенно иной сорт гипнотических экспериментов проводился практиками этого искусства в различных

случаях, который, мы можем предположить, менее склонен оказывать воздействие на здоровье субъекта. Один хороший пример этого сорта, на который я ссылаюсь, приведён в «Hypnotist's Case Book» Александра Эрскина [Erskine]. Это история названа «Мальчик, который следовал за своим отцом» [the boy who followed his father].

Юноша примерно шестнадцати лет, сын одного старого друга г-на Эрскина, пришёл однажды его повидать, и г-н Эрскин в ходе беседы решил спросить его, где его отец. Мальчик ответил, что он не знает. Затем гипнотизёру пришла мысль, а каков будет его ответ, если он введёт его в месмерический сон. Так что он спросил мальчика, не желает ли он быть загипнотизированным. Мальчик охотно согласился и вскоре отключился. Г-н Эрскин затем задал ему тот же вопрос, что и раньше, и он сразу же ответил ему, давая мельчайшие подробности того, чем занимается его отец. Г-н Эрскин записывал то, что он говорил прямо на месте. Три часа мальчик в состоянии транса следовал за своим отцом по улицам Лондона и описывал, как он по пути раздаёт приглашения. Ни отец, ни мальчик не знали заранее об эксперименте г-на Эрскина, который был совершенно не обусловлен, и мальчик, когда проснулся, ничего не помнил о своих ответах, которые он давал.

В этот момент г-н Эрскин установил контакт с его отцом и попросил его зайти к нему. Вот история этой беседы, как он её рассказывает:

«Я встретился с ним один на один, – рассказывает он, – и он был весьма шокирован, когда с первого же моего вопроса я

спросил его, не чувствовал ли он невидимого глаза своего сына, следующего за ним. Он не чувствовал. Я показал ему, что я записал. Он задрожал. Несколько минут он не говорил. Затем он попросил объяснений. Я дал их ему. Он не мог в это поверить. Затем он признал, что отчёт его сына о его движениях, о людях, с которыми он говорил, и об описываемых сценах был точным. Каждая запись, которую я сделал, была точна до мельчайших подробностей.

Он попросил дать ему два обещания, и я их охотно дал, – одно, что я никогда не разглашу того, что написал, другое, что я «никогда больше не пошлю дух его в плавь за ним». «Попробуйте это с кем-нибудь другим», – засмеялся он».

Как объяснить такие явления? Сознание мальчика по всей видимости было в его собственном физическом теле. Может ли это сознание быть в двух местах сразу? Если нет, то как он мог следовать за своим отцом? Такие феномены гораздо труднее объяснить, чем знание, полученное визитами, наносимыми в эфирном теле, когда нормальное тело находится в трансе, но, что весьма любопытно, они случаются гораздо чаще и несколько сообщений чего-то, имеющего сходный характер, уже приводилось. Быть может подсознательное «я» неподвластно времени и пространству? Если нет, то как сознание мальчика могло быть одновременно в комнате г-на Эрскина и также сопровождать его отца? Г-н Эрскин приводит слова другого своего пациента, который рассказывал ему, что «в состоянии ума, в котором я нахожусь, нет времени или пространства, по крайней мере, как вы их понимаете». Когда он дальше стал расспрашивать этого пациента, на что похож его мир, он

ответил: «Этого я не могу объяснить, а даже если бы смог, вы никогда бы не поняли».

Да, это совершенно верно, ибо объяснение – одно, а понимание – совершенно другое. Но в связи со всеми этими случаями, – из которых очень прекрасным примером является история мальчика, чей дух «плыл за» его отцом, – имеются некоторые важные факты, которые следует держать в уме. Физический глаз и глаз подсознательного эго – это две очень разные вещи, и то, что мы действительно можем видеть физически, всего лишь малая, или скорее бесконечно малая, часть того, что можно видеть. Разве наше радио не учит нас, что каждая точка пространства наполнена миллионами эфирных колебаний в секунду? Как указывает автор «Rational Mysticism», глаз может лишь выделять ограниченное число вибраций из этого обширного потока, но из них выходит целый мир видимых предметов.

«Однако этот мир, – напоминает он нам, – всего лишь один из огромного числа возможных миров, которые могли бы быть построены из всего этого потока, если бы наши органы восприятия были устроены по-другому. Вы говорите, что вы не можете видеть сквозь «твёрдые» стены вашей комнаты, однако вы можете видеть сквозь «пустое пространство» комнаты, которое, однако, как нам говорит наука, наполнено субстанцией в миллионы раз плотнее, чем твёрдая материя стен.

«Таким образом, когда вы — «я» — смотрите лишь посредством физических глаз, вы ограничены ограничениями строения и функцией глаза. Но «я», которое

обладает силой зрения не тождественно инструменту, которым оно пользуется и не ограничено им. Есть другие средства видения, и даже физических предметов, чем то, которое употребляется, когда «я» смотрит через физический глаз».

Это философское изыскание Вильяма Кингсланда [William Kingsland] предлагает иной способ рассмотрения этих опытов под гипнозом, который дает нам возможность лучше их понять. Мы видим в них феномены, которые в нашей нормальной жизни мы слишком предрасположены не замечать, но которые постоянно попадают в наше сознание другими путями, привлекая к себе внимание, так сказать, тогда как мы, со своей стороны, затыкаем уши на все их повторяющиеся призывы к нашим чувствам. «Не каменные стены составляют тюрьму», и они не являются никаким препятствием для зрительных сил того шестого чувства, которое склонно раскрываться в нас в глубоких фазах гипнотического сна. Разве мы внезапно не оказываемся живущими на совершенно другой частоте вибраций, по сравнению с той, на которую реагируют наши естественные чувства, разве телесная структура нашего настоящего мира не улечивается из нашего сознания и, обращаясь к меткому выражению великого драматурга «не оставляет позади себя осколки» [эта и предыдущая цитаты из стихотворения Лавлейса], и на его месте возникает совершенно иной мир.

И опять, есть другой способ, которым мы можем рассматривать эти феномены, о которых я только что говорил: если мы посмотрим на них с немного иного угла, с иной точки зрения, которая никоим образом не расходится с

той, которую я только что попытался изобразить. Мы привыкли смотреть на состояния души с точки зрения пространства. Мы с детства думаем о небе, как о чём-то вверху, а об аде, как о чём-то внизу, и даже если бы мы приняли менее жёсткий теологический взгляд, то мы мыслим будущее состояние разделённым на сферы одна над другой, и эти сферы снова разбиваются на планы, каждый из которых выше или ниже своего соседа. Здесь снова нам необходимо понять, что эти выражения, подразумевающие расстояние в пространстве, носят чисто метафорический характер. Сферы и планы представляют различия в духовном состоянии, точно так же как мы можем говорить о человеке (например), как о имеющем высокие или низкие моральные принципы.

Плотин уже давным-давно, обращаясь к своей римской аудитории третьего столетия, прояснил этот вопрос. Дух, он нас бы понял, не локализован. Как «быть на земле», – говорит он нам, – для души не означает двигаться по земле, как двигаются физические тела, но контролировать тело, которое движется по земле, так и «быть в аду» для души равнозначно тому, чтобы иметь привязанным к себе контроль образа или духовной формы, которая имеет своё существование в пространстве. Короче, пространство, хотя и применимо к телесной форме, применимо только к духу в чисто метафорическом смысле.

Если мы примем эту гипотезу, то у нас будет решение многим сообщениям, подобным процитированному сообщению субъекта Александра Эрскина, и среди них можно упомянуть в качестве прекрасного примера одну из самых достоверных историй из жизни Эммануила

Сведенборга. В случае этого шведского видящего вопрос о гипнотизме не стоит. Его ясновидческие силы по-видимому никогда не подвергались сомнению, каковы бы ни были взгляды на его религиозные мнения. Здесь перед нами пример, когда все обстоятельства пожара, который случился в Стокгольме, были им засвидетельствованы на расстоянии не менее чем в триста миль, так, как если бы он присутствовал там в течение всего времени в своей физической форме.

Это было в конце месяца сентября в 1756 году, и Сведенборг только два часа как высадился в Готтенберге, куда он был приглашён провести дом друга по имени Кастел вместе с множеством других гостей. Около шести часов вечера он вышел из дома и спустя некоторое время возвратился с бледным видом и очень расстроенным. Когда его спросили, что его встревожило, он сказал, что узнал, что в этот самый момент в Стокгольме на Зюдермалм пылает страшный пожар, и он заверил, что в этот самый момент пожар только разгорается и причиняет ему величайшую тревогу, особенно потому, что дом одного из его друзей уже уничтожен пламенем и его собственный дом также в опасности.

После этого он снова вышел, но, возвратившись в восемь часов, воскликнул: «Слава Богу, пожар потушен у третьей двери от моего собственного дома!» Это заявление вызвало величайшее волнение среди присутствующих и, будучи повторяемо в городе, дошло до ушей Губернатора в тот же вечер. На следующий день, то есть в Воскресенье, Губернатор послал за Сведенборгом, который благодаря своим необычайным талантам стяжал репутацию 'второго

после никого' в Швеции, и задал ему вопросы относительно заявления, которое он сделал. Тогда Сведенборг описал Губернатору точный характер и размер пожара: как он начался и время, которое он продолжался. Эта история распространилась во всех направлениях, так как многие горожане Готтенберга были очень обеспокоены из-за своих друзей в столице, равно как и о их имуществе.

Только к вечеру понедельника пришли официальные новости в руках гонца, который был отправлен торговцами Стокгольма прямо во время пожара. Сообщение, которое он принёс, подтверждало заявления Сведенборга во всех подробностях. Следующий гонец, отправленный королём, прибыл в дом Губернатора во вторник утром, предоставив более полное описание разрушений от пожара и убытков, которые он причинил, и далее сообщил, что пожар был потушен в 8 часов вечера.

В свете феноменов радио и телевидения такие события представляются нам менее удивительными и легче вызывающими доверие, чем это могло быть полстолетия назад. Различие лежит в том, что в радио мы обладаем записывающим инструментом. Но никакой инструмент не может записывать того, чего нет. В этом заключается чудо радио. Оно устраняет фактор пространства.

В предыдущем же случае у нас нет механического записывающего инструмента. Но вместо него у нас есть человеческий мозг или, скажем, его эфирная копия? Если это и есть тот записывающий инструмент, то решение нашей проблемы перед нами. Мы можем тогда устранить духовный

мир, как игрока в таких феноменах. Законов природы или сверх-природы (а не является ли это одним и тем же?) достаточно для нашей цели. В любом случае, мы должны принять реальность этих невидимых действующих начал, но не будем притягивать их как своего рода *deus ex machina*, чтобы объяснять феномены, для которых естественные законы (правильно понятые) предоставляют достаточное объяснение.

Глава 12.

Риски каталепсии в трансе

То, что с переносом сознания из физического тела в эфирное часто связаны каталептические трансовые состояния, может вселять тревогу тем, кто склонны экспериментировать в этом направлении, или чьи эфирные тела склонны легко отщепляться от своих физических оболочек. Имеется вполне реальная опасность быть преждевременно погребённым, если не предпринять должные предосторожности в случаях такого вида.

Различие между трансом и каталепсией по-видимому состоит в том, что в последнем случае цепенеют мышцы тела, а в первом не обязательно. Оба состояния могут быть вызваны искусственно гипнозом, равно как и паталогически из-за какого-то физиологического расстройства. Брейд описывает транс как «функциональное расстройство нервной системы, при котором мозговая деятельность

сосредоточена в некоторой ограниченной области мозга с вытекающей отсюда потерей произволения». Можно спросить, вполне ли точно это определение. Там может быть произволение, но без возможности его осуществить. Зафиксировано много случаев, в которых люди, находящиеся в трансе, полностью осознавали то, что происходит вокруг них, но были совершенно неспособны пошевелить мышцами.

Д-р Франц Гартман рассказывает нам, что случаи каталепсии обусловлены органической обструкцией механизма тела, вызванной истощением нервной силы. Жизненная активность восстанавливается, как только удалена преграда или нервная энергия получает шанс восполниться. В трансе телесные состояния подделывают смерть так эффективно, что самые опытные врачи могут ошибиться, так как внешне нет явного различия между признаками смерти и приостановкой жизнедеятельности. Когда известно, что у человека есть предрасположенность к трансу, крайне важно предпринять все предосторожности и не спешить выдавать свидетельство о смерти. К несчастью, однако, английский закон настаивает на осмотре врачом тела перед выдачей медицинского свидетельства о смерти, и, соответственно, риск преждевременного погребения усугубляется. В жарких странах также короткий интервал между смертью и погребением влечёт дополнительную опасность.

Замечание сэра Бенджамина Ворда Ричардсона [Ward Richardson] очень значимо. «Мы, – говорит он, – в этот момент не знаем о времени, когда жизненная сила прекратит действовать на одушевлённую материю. Предполагая, что

жизнь в организме может быть остановлена таким образом, что его части не повредятся до состояния настоящего разложения тканей или до изменения органической формы, <пока этого не случилось> жизненная волна, кажется, всегда готова влиться в тело снова, как только условия для этого действия будут восстановлены».

По всей видимости мы не можем утверждать, что смерть действительно произошла, когда сознание покинуло тело, ибо это сознание при определённых условиях может вернуться и, действительно, часто так и делает. Смерть в представлении большинства парапсихологов происходит только тогда, когда разрывается шнур, соединяющий физическое и эфирные тела, и едва ли можно требовать от врача быть судьёй в этом вопросе, если только ему не посчастливилось обладать силой ясновидения, – очень необычной квалификацией.

Случаи, в которых люди были засвидетельствованы как мёртвые, будучи в состоянии транса, и которым едва удалось избежать погребения заживо, тревожно многочисленны. В других случаях выяснение того, что жизнь не погасала, делалось слишком поздно. Несколько случаев будет достаточно, чтобы указать на самую необходимую мораль.

О смерти знаменитой актрисы мадам Рашель было сообщено 4 января 1558 года в Париже. После процедуры бальзамирования она проснулась из своего транса, но умерла десять часов спустя от повреждений, которые ей были нанесены.

В мае 1864 года было сообщено об очень внезапной смерти одного человека в госпитале в Штате Нью-Йорк, но так как врачи сомневались в причине его смерти, то они решили провести посмертное вскрытие. Однако, когда был сделан первых разрез ножом, предполагаемый мертвец вскочил и ухватился за горло доктора. Доктор был так напуган, что умер на месте от инфаркта, сам же человек полностью восстановился.

Вот другой пример, извлечённый из «The Undertaker's and Funeral Director's Journal» (22 июля 1889). Один нью-йоркский гробовщик, – заявляет редактор, – недавно рассказал следующую историю, обстоятельства которой всё ещё помнятся старожилками города. Одна дама, жившая в Нью-Йорке около сорока лет назад, упала замертво во время танца на балу. На ней тогда были драгоценности, и её муж, который был ей предан, распорядился похоронить её в её бальном платье с жемчугом и брильянтами, которые на ней были. Тело было положено в погребальный склеп на следующий день. Гробовщик, будучи алчным, решил завладеть драгоценностями. Ночью он пошёл на кладбище и, сняв с неё часы, начала стягивать брильянтовое кольцо с её пальца. Кольцо сидело очень плотно, ему пришлось приложить силу и содрать кожу. После этого дама пошевелилась и издала стон; вор в ужасе бросился бежать с кладбища. Дама, оправившись от шока, вышла из склепа и добралась домой. Она прожила ещё много лет после этого и имела детей, двое из которых, как знал рассказчик этой истории, были ещё живы.

Историй подобного вида множество и часто они достоверны. Одной из самых странных является история одного ювелира, именем Джордж Хейворд [Hayward], который был на самом деле погребён в Marshfield, в Gloucestershire. Его отец был фермером. Работая на поле юношей, он случайно получил от одного работника удар в голову вилами, которые пронзили ему череп. Сперва рана не показалась серьёзной, но он слёг в кровать и спустя две недели угасли все признаки жизни, его объявили мёртвым. Однако среди врачей возник спор, была ли смерть вызвана ударом или же последовавшим плевритом. Тем временем он был совершенно сознательным, но не мог пошевелить ни единым мускулом. Пришло время похорон, но никакое усилие с его стороны не могло разрушить чары.

«Я с болью осознавал, – писал он, – что меня скоро опустят в могилу... Гроб был снят с повозки и положен в могилу. Тогда я знал, что меня хоронят заживо, но я не мог ничего сказать или остановить руки моих друзей... Казалось, у меня не было страха, который следовало бы ожидать от человека в таких обстоятельствах. Всё, что я помню, так это то, что могила место одиночества, и безмолвие могилы было страшно угнетающим. Как долго я оставался в этом состоянии, я не знаю. Первое ощущения возвращения жизни пришло ко мне, когда я услышал шум царапанья лопатой по крышке моего гроба. Я чувствовал, как меня поднимают и уносят. Меня достали из моего гроба, но отнесли не в мой дом, а в комнату для вскрытия. Я видел врачей, которые ждали меня у меня дома, одетые в длинные белые фартуки. В их руках были ножи. Сквозь полузакрытые глаза я видел

их, вовлечённых в спор. Мой слух был невероятно обострён. Оба приблизились ко столу и открыли мне рот, чтобы достать язык, когда со сверхчеловеческим усилием я слегка приподнял свои веки. Следующее, что я услышал было:

– Посмотри, дурень, он жив.

– Он мёртв! – возразил другой врач.

– Смотри, он открывает глаза, – продолжал первый.

Другой врач уронил свой нож, и спустя немного времени я начал быстро восстанавливаться. Вместо того чтобы резать меня, они отнесли меня домой. Великая радость была среди моих родственников. Я обязан своей жизнью спору врачей, относительно причины моей смерти. Полагаю, я остался жив не без основания, – продолжал г-н Хейворд, – ибо я отец десяти детей».

Случаи подобного вида появляются время от времени в газетах, хотя, можно и не говорить, они редко включают те, в которых несчастная жертва возвращается к жизни ещё не слишком поздно. Крайне важно привлечь внимание общественности к опасности ошибочного принятия состояние транса за смерть, и всегда следует предпринимать особые предосторожности тогда, когда, благодаря особенностям конституции субъекта, имеется врождённая предрасположенность к состоянию транса. Цель этой главы – указать на необходимость подвергать субъекта в таком случае особым тестам, перед тем как выдать свидетельство о смерти.

Ни один метод не является безошибочным. Врачебный стетоскоп в таких случаях весьма ненадёжен. Один метод, который применяется, состоит в том, чтобы приложить зажжённую спичку к пальцу тела. Если там возникнет волдырь, то есть веское предположение, что субъект не мёртв. Разрезание вены — один из методов, которые применяются, но он не даёт безошибочного доказательства. В одном из приведённых случаев, чтобы удвоить уверенность, врачи вскрыли вену на каждой руке, но кровь не потекла. Однако медсестра, приложив к ногам и шее пациентки горчичники и сожжённые перья к её ноздрям, сумела вернуть сознание, и последовало удовлетворительное восстановление. Горчица успешно использовалась в различных случаях. В одном случае пациента обильно натёрли горчицей, и хотя предварительно он был объявлен мёртвым, возвратился к жизни. Любопытный случай был приведён в *Lancel* (21 июня 1884), предполагая важность тепла в качестве помощи при реанимации. Мать и её ребёнок заболели оспой. Обе выглядели умирающими и были объявлены врачом мёртвыми. Однако бабушка взяла с медсестры слово, что если проявятся признаки смерти, она положит дополнительные одеяла на предполагаемые трупы и оставит их до возвращения бабушки. Медсестра сделала, как она требовала, и на следующий день, когда бабушка вернулась, они обе были обнаружены живыми, и в каждом случае было полное выздоровление.

Другое противоположное сообщение приведено д-ом Францом Гартманом в его брошюре о «Преждевременных похоронах». Данный случай произошёл на Буковине. Была

засвидетельствована смерть одной женщины от сердечной недостаточности. Так как были некоторые сомнения относительно реальности её смерти и не было видно никаких следов гниения, то с похоронами решили повременить на пять дней. После этого были проведены окончательные приготовления. Как раз перед тем как опустить гроб в могилу, прибыла сестра этой женщины и попросила позволить ей увидеть мёртвое тело. Гроб уже был сколочен, но его открыли на её просьбы. Она сохраняла свою уверенность, что её сестра всё ещё жива, поднесла раскалённую кочергу и, несмотря на протесты присутствующих, коснулась ею подошв ног тела. Случился спазматический рывок и женщина ожила. Она ни на мгновение не была бессознательной всё это время, и смогла описать впоследствии все подробности того, что происходило. В этом случае, как и в другом, приведённом выше, женщина не испытывала никакого страха, так как она наблюдала всё происшедшее как незаинтересованный наблюдатель, но была неспособна пошевелить ни единым мускулом или дать какой-либо признак жизни.

Любопытный случай кажущейся остановки жизнедеятельности был приведён в прессе примерно тридцать два года назад. В этом случае мальчик, Wallis Allsop, из Ноттингема не восстановился окончательно, но в связи с его смертью были исключительные обстоятельства, которые придают этому случаю особый интерес. Когда гробовщик было уже заколотил гроб, ему показалось, что он заметил признаки жизни. В итоге были вызваны врачи, и они пришли к решению отложить погребение. В это время уши и

губы ребёнка, которые первоначально были мертвецки бледными, порозовели. Два человека в доме заявили, что пока мальчик был в гробу, они слышали знакомый его смех дважды. Следует заметить, что гроб находился в прохладной комнате уже четыре дня и врачи предполагали возможность летаргии. Мальчик имел ярко выраженную «психическую» предрасположенность, так как он рассказал своим родителям в канун Рождества, что к следующему Рождеству он будет на небесах и он копил деньги на покупку креста себе на могилу. Когда его дядя принёс ему букет одуванчиков во время его последней болезни, он заметил: «Как мило! Их нужно будет положить в мой гроб». Тело держали вплоть до появления признаков разложения, но казалось, что жизнь ещё не угасла, когда ребёнка положили в гроб.

В другом случае в том же году (1905) вызванный гробовщик явился инструментом спасения жизни после того, как врач выдал сертификат о смерти. Это случилось близ Accrington, Yorks и относится к молодой замужней женщине, которая якобы умерла в пять часов утра в тот день, когда был вызван гробовщик. Пока гробовщик был занят своим делом по измерению тела, он с удивлением заметил, как у женщины задёргался глаз. Положив свою руку ей на грудь, он не ощутил признаков сердцебиения, но всё же с невозмутимым хладнокровием начал растирать тело и вскоре заметил признаки возвращения жизни. Наконец женщина смогла слабо схватить руку гробовщика, который быстро поспешил в верх по лестнице и крикнул мужу немедленно принести бренди. Затем он влил немного этого спиртного на губы пациентки, после чего она почти тотчас же ожила. Эта же

газета, из которой взята эта запись (The Evening News от 17 января 1905), также содержит отчёт подобного характера из Mauritius. В этом случае бывший моряк по имени Kelly, который долго находился в каталептическом состоянии, последовавшем за лихорадкой, в конце концов был объявлен мёртвым, но носильщики, когда помещали его в могилу, стукнули его головой о каменную плиту, на которой он покоился, и этот удар оживил его. Носильщики естественно в страхе бежали. Kelly, после того как его спросили, заявил, что он был вполне сознательным во время своей комы, но был совершенно не в состоянии пошевелиться, ни рукой, ни ногой.

Следующий случай такого рода был представлен в газете, которая была зачитана сэром Benjamin Ward Richardson'ом перед Медицинским Обществом Лондона. В этом случае речь шла о медработнике, которого обнаружили мёртвым, как поначалу подумали, предполагаемая смерть которого была от передозировки хлоралом [снотворное]. «Было очень трудно (заметил сэр Бенджамин), даже для такого натренированного уха, как моё, обнаружить признаки сердцебиения. Не было пульса на запястье, и температура тела упало до 97 градусов по Фаренгейту. В таком состоянии человек пролежал несколько часов до моего приезда, и тем не менее простое повышение температуры комнаты до 84 градусов по Фаренгейту и введение тёплого молока и воды в желудок заставило его медленно выйти из сна и достичь полного восстановления».

Следует заметить, насколько постоянно приложение тепла в какой бы то ни было форме оказывается секретом

воскресения кажущихся мертвецов. Более новые виды процедур в таких случаях включают массаж сердца, который в последнее время приводил к некоторым очень поразительным оживлениям, а также искусственное дыхание. Кислород теперь постоянно назначается в случаях, которые раньше считались за пределами медицины.

Полезно будет подытожить признаки реальной смерти, приведённые сэром Бенджамином Ричардсоном.

- 1) Отказ дыхания, включая отсутствие видимых движений грудной клетки, отсутствие дыхательного сопения, отсутствие признаков выделения пара из лёгких при дыхании.
- 2) Отказ сердца, включая отсутствие пульса, сердечных сокращений и сердечных ударов.
- 3) Отсутствие набухания или наполнения вен при передавливании их.
- 4) Снижение температуры тела ниже нормы.
- 5) Трупное окоченение.
- 6) Свёртывание крови.
- 7) Гнилостное разложение.
- 8) Отсутствие красного цвета в полупрозрачных частях при сильном освещении.
- 9) Отсутствие мышечного сокращения под воздействием электрического тока, тепла и уколов.
- 10) Отсутствие румянца на коже после подкожной инъекции нашатырного спирта.
- 11) Отсутствие признаков ржавчины, или окисления, полированного стального лезвия после его глубокого

погружения в плоть (иголочный тест Cloquet и Laborde).

Часто утверждается, что единственным надёжным доказательством смерти, когда есть вероятность спутать её с состоянием транса, является гнилостное разложение, и что надёжность этого теста невозможно отрицать, но я верю, что выше представленные наблюдения будут полезны во многих сомнительных случаях и покажут, насколько желательно применять некоторые простые тесты, чтобы дважды убедиться в тех случаях, когда пациент склонен к каталепсии. Результаты современных психических исследований не должны упускаться из вида медициной, так как они часто предоставляют ключи к физиологическим состояниям, которые без их помощи слишком подвержены превратному истолкованию.

Глава 13.

Ведьмы

Книга, занимающаяся вопросом астрального тела, была бы не полной без главы, затрагивающей вопрос о колдовстве и о предполагаемых путешествиях ведьм в их места встреч на шабаше. Дошедшие до наших дней свидетельства судебных разбирательств над ведьмами безошибочно указывают на тот факт, что хотя такие феномены и высмеиваются в наше время, для самих ведьм они обладали всей полнотой

реальности, хотя и очевидно, что они не переживали эти состояния в своих физических формах.

Среди имеющихся записей таких феноменов, самым известным и самым достоверным (ввиду высокой репутации автора) является тот, который содержится в *Saducismus Triumphalus* д-ра Glanvil.³⁴ Современной работой большой важности в этой связи является *The witch cult in Western Europe: a Study in anthropology*, – Margaret Alice Murray, изданной издательством Oxford Clarendon Press. В художественной литературе, имеющей дело с этим предметом, можно выделить два романа, благодаря красочности их описательной силы и их систематической оценке оккультного в природе. Это роман J. W. Brodie “*The Devil’s Mistress*”, имеющий дело с Изабеллой Гуди, так называемой эндорской волшебницей, и другой – история, озаглавленная «*Secret Worship*», в «*Dr. John Silence*» Algernon Blackwood’a.

Значимость вклада г-на Brodie Innes’a в этот предмет заключается в том факте, что благодаря его официальному положению он обладал доступом к судебным записям, касающихся ведьм, хранящихся в архивах *Judiciary Court* в Эдинбурге, и его история, весьма красочная, в действительности основана на фактах, и знакомит нас с действительными историческими персонажами, среди которых — знаменитая ведьма, которая в конце концов была приговорена к смерти и поплатилась за свои сношения с

³⁴ *Saducismus Triumphalus*, или Полное и ясное доказательство, касающееся ведьм и привидений. – Joseph Glanvil.

«Тёмным мастером». Очарование книги действительно обусловлено её отношением, в главных чертах, к оригинальным судебным отчётам в Эдинбурге, и любопытные могут и сейчас осмотреть то место, где Изабелла Гуди [Isabel Goudie], прекрасная, но хрупкая жена фермера Lochloy'я, впервые якобы встретила со своим любовником-демоном, и могут посетить развалины той старой церкви, в которой она исповедовалась в том, что была крещена его Сатанинским Величеством.

Такие феномены уже долго приписываются расстроенному воображению больного мозга, но убедительный характер свидетельств, касающихся их, нигде так сильно не признавался, как на страницах «History of the Rise and Progress of Rationalism in Europe» покойного W. E. H. Lecky — книги, бесстрастный и юридический характер которой широко признаётся и никогда не вызывал вопросов.

«Трудно, — пишет г-н Lecky, — исследовать этот предмет беспристрастно и не прийти к заключению, что исторические свидетельства, устанавливающие реальность колдовства, настолько обширны и настолько разнообразны, что ничто кроме нашей твёрдой уверенности в его невозможности и нашего современного опыта, в котором он стирается под влиянием цивилизации, не может оправдать нас в игнорировании его. Защитники веры, кто зачастую были людьми большого и выдающегося таланта, утверждали, что во всей истории нет более полно заверенного факта и что отрицать его — всё равно, что рубить под корень всякое историческое свидетельство чудесного. Этот предмет исследовался в десятках тысяч случаях почти в каждой

стране Европы трибуналами, которые включали самых лучших юристов и церковников своего времени, на месте и в то время, когда предполагаемые акты имели место, и в присутствии бесчисленной толпы свидетелей... Если мы рассмотрим сотую часть свидетельств, которыми мы обладаем, то колдовство выйдет из области сомнения. Если наше нежелание верить было бы естественным, но совсем невероятным, то оно полностью испарится множеством доказательств».

Г-н Леску, предоставляя сверхубедительные доказательства в пользу достоверности этих феноменов, допускает, что отказ в них верить никоим образом не связан с тем, что ценность этих свидетельств каким-либо образом отрицается или оспаривается. Скорее он говорит, что отказ от них обусловлен изменившейся позицией ума в наше время. В наши дни в поле сознания нет места, в котором вера могла бы найти себе пристанище или точку опоры. Как в научных кругах, так и в общественном сознании их считают совершенно невероятными. Только в отдельных случаях, как например в молитве John Wesley, это встречает какую-то поддержку, но в этом случае John Wesley был всего лишь голосом, вопиющим в пустыне.

Таким образом, свидетельства фактов и свидетельства безупречных свидетелей много поколений противостояли как здравому смыслу, так и рассудку каждого здорового человека. Здесь и в самом деле дилемма, из которой должен быть какой-то способ выйти.

Научные открытия последних лет содержат в своих глубинных смыслах семена урожая, которые прорастут и сделают революцию во всей области биологических экспериментов. Мы справа и слева сталкиваемся с феноменами, которые указывают на факт существования обширной неисследованной территории, на которой быстро накапливаются ключи, которые, если ими воспользуется трудолюбивый и беспристрастный исследователь, приведут нас к выводам, касающимся природы жизни, которые и не снились ортодоксальной науке вчерашнего дня. В феноменах так называемого колдовства лежит, я уверен, один из них. Биологи будущего вскоре накопят феномены, которые попадают под категорию переживаний подсознательного «я», и зададутся вопросом, а ограничена ли концепция этого подсознательного «я» физической формой в его нормальном состоянии, или расширена и включает эмоции и ощущения, воспринимаемые неким большим «я», не обязательно содержащимся в видимом материальном теле.

Если мы допускаем веру в астральную (или эфирную) форму, в которую сознание может при определённых обстоятельствах и при помощи определённых методов быть перенесено произвольно, тогда мы можем объяснить многие из тех добровольных признаний, обвиняемых на колдовских судебных процессах прошлого, которые без такой гипотезы оставляют нас без какого-либо правдоподобного объяснения. То, что их переживания были реальными — для многих из присутствовавших на судах — не вызывает сомнений. То, что обвиняемые в таких случаях не делали различия между их ощущениями в их физических и в их

астральных или эфирных телах — вполне вероятно. Лишённые всяческих знаний теософии и психической теории, было естественно, что они путали своё пребывание в теле и вне тела, и что одно казалось им таким же реальным, как и другое. Даже сновидец, когда сновидение чрезвычайно яркое, не всегда может определить, происходило ли воспоминаемое им в физическом мире, или было просто частью его сновидной жизни. Едва ли можно сегодня сомневаться, что методы, употребляемые ведьмами прошлого, имели своей целью вывод астрального тела из его физической оболочки, и они были связаны со знанием некоторых рецептов, видимо, оккультного характера, которые позволяли им составлять мази, которые приводили в действие фантазмагорические феномены «Шабаша ведьм». То, что это объяснение не покрывает всё поле — я с готовностью принимаю. Конечно же, были многочисленные случаи, в которых обычный человек из плоти и крови в своей физической форме извлекал выгоду из этих суеверий своего дня, тот, кто представлялся «Тёмным мастером». Некоторые из записей, представленных в весьма научной работе Margaret Alice Murray «The Witch-Cult in Western Europe» оставляют нам мало сомнений на этот счёт, но есть много других, к которым такое объяснение совсем не применимо. Среди них следует упомянуть особо те, которые включают в себя то, что этот автор называет «чудесными и магическими средствами передвижения», посредством которых подданные его Сатанинскому Величеству доставляли себя на Шабаш Ведьм и другие подобные собрания учеников Дьявола. «Вера в способность ведьм летать по воздуху, — пишет она, — очень древняя и повсеместная в Европе. Они

летали либо без поддержки, несомые Дьяволом, либо опирались на палку, однако иногда они рассекали воздух верхом на каком-то животном. Обычно полёту предшествовало натирание какой-то магической мазью всего тела или части.

Иногда, особенно если место сбора было рядом, ведьмы добирались до него пешком, согласно имеющимся записям, но в других случаях, как например в случае Isobel Goudie, они ехали верхом или, по крайней мере, воображали себя таковыми. Isobel Goudie признаётся: «У меня был маленький конь и я говорила: Horse and Hattock in the Divellis's name! [Конь и шляпка, во имя Дьявола!]» После этого, как она заявляла, они улетали подобно соломе на широкой дороге. «Все Соевен (как она говорила) летели подобно кошкам, а я продолжала ехать верхом на коне, который был сделан из соломы или сухой бобовой ботвы». Две из Новоанглийских ведьм сознались, что перемещались верхом на шесте, да и другие, по всей видимости, прибегали к такому же методу передвижения. Ведьмы из Somerset утверждали, что они имели обыкновение летать по воздуху с помощью магического масла, которым они себя намазывали. Иногда ведьмы сами принимали образ животного, и одна могла ехать на Шабаш верхом на спине другой. Мы читаем в этих признаниях о заколдованных уздечках, которые превращали их носителей в коней. Действительно, нет пределу иллюзиям, которые сопровождали эти ночные переживания. Маргарет Джонсон, одна из таких ведьм, призналась (1633), что если они хотели внезапно оказаться в каком-либо месте, то «их дьявол или дух тотчас же переносил их туда на палке,

собаке или чем-либо другом». Явная нелепость таких переживаний не должна, как мне кажется, заслонять от нас тот факт, что для самих ведьм они обладали большой реалистичностью. Короче, мы вполне можем применить к ним старое выражение «glamour» [прелесть].

Paul Grilland (1537) приводит случай итальянской ведьмы, которая летала по воздуху с помощью магической мази в 1526 году. Различные формулы состава этой мази приводятся в старых французских магических книгах. В качестве примера можно привести две. Они переведены с французского оригинала:

- 1) Поручейник широколистный, аир болотный, пятилистник [или лапчатка], кровь летучей мыши, белладонна и масло.
- 2) Жир младенца, сок поручейника, аконит, пятилистник, белладонна и сажа.

Некоторые из этих ингредиентов ядовиты при внутреннем применении. Приводили ли они к экстериоризации эфирного тела при употреблении в качестве мази — этого я сказать не могу, но определённо именно это было целью, с которой их применяли.

Сообщалось много разных подробностей обвинёнными на многочисленных такого рода судах об их переживаниях на Шабашах Ведьм и Esbats — как назывались некоторые другие их встречи. Нет нужды погружаться в самые неприятные подробности. Однако, что я хочу в связи с этим, так это то, что для этих людей это были реальные переживания, хотя и невозможно допустить, что они

переживали это в физическом теле. Для этих ведьм «Дьявол» был богом, которому они поклонялись, о чём свидетельствуют их повторяющиеся исповеди, и в связи с этим не имеет значения, что языческие боги и богини считались ранними христианами бесами и представителями Сатаны, и вероятно, что объекты поклонения одной религии, подавленной более высшей, часто разделяли эту судьбу. Мы можем вспомнить здесь древнее классическое предание о том, что Сатурн был низвержен и низложен Юпитером, и имя этого планетарного божества то и дело перекликается со знакомым «Сатаной», страх перед которым преследовал детей многие ночные часы в Викторианскую эпоху. Дальнейшие свидетельства, — указывающие на тот факт, что феномены, связанные с ведьмами, во многих случаях объясняются проекцией астрального тела ведьмы, — можно найти в книге д-ра Glanvil «Saducismus Triumphatus», на которую я уже ссылался.

Случай, заслуживающий наибольшего внимания, представленных в этой замечательной работе — это случай Jane Brooks, в котором у нас есть пример феномена, называемого «отдачей» [реперкуссия].

«В воскресенье 15 ноября 1657 года (как гласит история)³⁵ примерно в три часа пополудни Ричард Джонс, в то время юноша двенадцати лет, сын Генри Джонса из Shepton Mallet в местности Сомерсет, будучи в доме своего отца один и заметив кого-то, заглядывающего в окна, направился к дверям, к которым подошла некая Джейн Брукс из того же

³⁵ См. Saducismus Triumphatus. Собрание историй.

селения. Она попросила у него дать ей кусок хлеба, а сама дала ему яблоко. После чего она ещё похлопала его по правому плечу, пожала ему руку и пожелала ему спокойной ночи. Юноша возвратился в дом, где его оставили в полном здравии, пока его отец и некто Гибсон вышли, но по их возвращении, случившемся через час или около того, они нашли его больным и жаловавшимся на своё правое плечо, которого болело большую часть той ночи. В следующий понедельник вечером мальчик запёк яблоко, которое он взял от Джейн Брукс и, съев примерно половину, чрезвычайно занемог и даже терял дар речи, но восстановившись сказал своему отцу, что некая женщина из селения в минувшее воскресенье дала ему это яблоко и похлопала его по плечу. Он сказал, что не знает её имени, но узнает её, если увидит. После этого Джонсу посоветовали пригласить женщин из Шептона прийти к нему в дом по поводу болезни его сына, и его ребёнок сказал ему, что если та женщина придёт, когда у него будет приступ, т.е. когда он не сможет говорить, то он даст ему знак кивком и пусть тогда его отец проведёт его через комнату и он положит свою руку на неё, если она там будет. После этого он продолжал сильно болеть, много женщин ежедневно приходили повидать его. И Джейн Брукс пришла в следующее воскресенье с двумя своими сёстрами и несколькими другими женщинами из окрестности.

Сразу после её прихода, мальчик так сильно занемог, что некоторое время не мог ни видеть, ни слышать, но, обретя зрение, он подал своему отцу знак и тот повёл его по комнате. Мальчик подошёл к Джейн Брукс, находившейся за своими двумя сёстрами среди других женщин, и положил на

неё руку, что, как заметил его отец, сразу же искорежило её лицо и вогнало её в кровь. Юноша тотчас же закричал, что он был здоров и был таковым семь или восемь дней. Но затем, при встрече с Алисой Ковард, сестрой Джейн Брукс, проходившей мимо, она спросила его: «Как ты, мой сладкий?» и он тотчас же снова занемог, и после этого упомянутые Ковард и Брукс часто являлись ему. Мальчик мог описывать их одежды и поведение в точности так, как и находили Констебль и другие после проверки, хотя дом Брукс был на большом расстоянии от дома Джонса. Они часто это проверяли и всегда мальчик оказывался прав в своём описании».

Далее следует самое значимое происшествие в этой истории.

«Однажды в воскресенье около полудня мальчик, находясь дома со своим отцом и его другом Гибсоном, внезапно закричал, что он видит Джейн Брукс на стене, указывая на место, где он её видит. Тотчас же Гибсон нанёс по этому месту удар ножом, который тот с собой имел. После этого мальчик воскликнул, что Гибсон разрезал Джейн Брукс руку и что она кровоточит».

Здесь мы позволим эрудиту Джозефу Главиллю, дежурному капеллану Его Величества и члену Королевского Общества, продолжить эту историю его собственными словами:

«Отец и Гибсон немедленно отправились к Констеблю, рассудительному человеку, и познакомили его с происшедшим, прося его пойти с ними к Джейн Брукс, что они и сделали. Они застали её сидящей на стуле со сложенными одна на другой руками. Констебль спросил её,

как она. Она ответила: «Не хорошо». Он снова спросил её, почему она сидит со сложенными одна на другой руками. Та ответила, что делает так по привычке. Ответ был вполне удовлетворительным. Констебль попросил, не может ли он посмотреть на ту руку, что находится под другой, но она не пожелала показывать ему, тогда он сам поднял её и обнаружил, что она кровоточит, в точности как сказал мальчик. Спросив, как это случилось, та ответила: «поцарапала большой булавкой».

В заключение мы узнаём, что Джейн Брукс была арестована и впоследствии приговорена и казнена после суда 26 марта 1658 года.

С 15 ноября по 10 марта, когда те две женщины были посажены в тюрьму, мальчик Ричард Джонс продолжал страдать своими приступами и был «сильно исхудавшим и душевно подавленным», но с 10 марта и впредь у него не было больше приступов и к нему вернулось его прежнее здоровье.

«Это, — говорит наш автор, — я думаю, хорошее свидетельство в пользу существования ведьм... Здесь имеет место свидетельство чувств, присяга нескольких заслуживающих доверия свидетелей, прекрасное расследование наблюдательных и рассудительных следователей и заседание суда в целом... Если не доверять такому доказательству, то тогда ничто не может быть доказано, никакое зло не будет наказано, никакое право не будет определено, в конце концов закон, и слепое правосудие не сможет ничего рассудить».

Я привёл эту историю так полно, потому что она предоставлена человеком безупречно искренним и честным, и она является типичным примером того, что происходило во многих других случаях. Очевидно, что в подобных случаях мы должны либо отвергнуть факты, либо объяснить их в свете современных научных психических исследований. Пока не было понимания законов, управляющих психическими феноменами, нам не следует удивляться, что подобные истории запросто отбрасывались, несмотря на свидетельство официальных лиц. Мы считаем себя обязанными вновь прибегнуть к наблюдениям образованного и беспристрастного историка W. E. H. Lecky, которого я уже цитировал, к его словам: «исторические свидетельства, устанавливающие реальность колдовства, настолько обширны и настолько разнообразны, что ничто кроме нашей твёрдой уверенности в его невозможности и нашего современного опыта, в котором он стирается под влиянием цивилизации, не может оправдать нас в игнорировании его». Эти слова были написаны полстолетия назад. Как обстоит дело сейчас? Можем ли мы и дальше оправдывать отвержение свидетельств из-за нашей твёрдой уверенности в их невозможности? Можем ли мы делать это перед лицом свидетельств Оливера Фокса и Сильвана Мультдона? Можем ли мы делать это перед лицом свидетельств, проверенных самым тщательным образом научными инструментами и фотографией со стороны покойного сэра Вильяма Крукса и перед лицом исследований сэра Оливера Лоджа и профессора Рише?

Действие астрального или эфирного тела, однажды научно установленное, прольёт массу света на такие феномены, как те, что рассказаны д-ром Джозефом Гланвилем, и как бы мы ни сожалели о несправедливой казни многих невинных старых женщин, подозреваемых в колдовстве, свидетельства показывают, что в некоторых случаях упоминаемые феномены имеют прочное основание среди сверхъестественных переживаний обвиняемых и иногда в страданиях их жертв, и что подобные злоумышленники злоупотребляли знанием ключа, к которому мы только сейчас начинаем подбираться. Следует помнить, что во многих случаях так называемые ведьмы свободно давали свидетельства против самих себя без какого бы то ни было давления на них, и ясно, что свидетельства, которые они давали, соответствовали тому, во что они сами твёрдо верили.

Здесь мы затронули лишь те феномены, упоминаемые на судебных процессах над ведьмами, которые связаны с проблемой экстернизации так называемого астрального тела, и следует признать, что данные свидетельства, опирающиеся на вес W. E. H. Lecky, в совершенстве подходят под наше определение. Имея на руках такое решение, нам больше нет нужды отвергать оптом огромную массу свидетельств на основании их кажущейся невозможности.

Глава 14.

Заключение

Многое было написано о так называемом четвёртом измерении, в котором путешествует эфирное тело, когда оно освобождено от своей спутницы – физической формы.³⁶ Г-н Герхарди сделал несколько ярких замечаний на этот счёт в своей книге, на которую уже ссылались, и которая озаглавлена «Воскрешение». Они вложены в уста одного из его действующих персонажей – Лорда Герберта – но они, очевидно, выражают личные мнения автора. Он обсуждает гипотезу двухмерного мира, которая предполагает реальность плоской, тогда как наш собственный трёхмерный мир имеет плотность или толщину в дополнение к поверхностям.

«Если вы и я, – говорит Лорд Герберт, – были бы двухмерными существами, плоскими как лист бумаги, то мы никогда не могли бы надеяться на понимание того, что мы в действительности не плоские, но толстые, ибо лист бумаги – не важно какой тонкий – должен иметь некоторую толщину, проникающую вверх и вниз в третье измерение. Там, в трёхмерном мире толщины, и только там он имеет своё собственное бытие... Хотя плоское существо не знает этого, его реальное «я» толстое и оно проецируется в следующий мир, наш мир, где толщина является признаваемой реальностью».

³⁶ Читатели могут вспомнить в этой связи сообщение, предоставленное Сэром Окландом Джеддесом и приведенное в Главе 1.

Короче, предположение, со стороны рассматриваемого существа, что его действительное существование лежит в пределах двухмерного плоского мира, – просто иллюзия.

Точно так же, заключает Лорд Герберт (или, лучше скажем, г-н Герхарди), «наша собственная, основанная на опыте, вера в реальность и объёмность наших толстых тел является аналогичным заблуждением ... которая принимается за реальность в нашем трёхмерном мире, но по сути не имеет никакого основания, так как наши тела не являются объёмными, но полыми матрицами, проецирующимися в сравнительно более объёмное пространство, которое является реальностью, которую мы здесь не можем видеть, четырёхмерного мира. Ибо атом, молекула, электрон и т.д., из которых состоит ваша плоть, не являются объёмными частицами, вибрирующими в пустом пространстве, – они также дыры, полые пузыри, пляшущие в объёмном пространстве».

Итак, это четвёртое измерение является дополнительным отношением к нашему ежедневному окружению в смысле взаимопроникновения и «привилегия проникновения с сопровождающим его качеством неприкасаемости является привилегией этого четвёртого измерения».

Вы можете проходить сквозь другие на вид объёмные [или твёрдые] тела, осознавая и принимая законы этого четырёхмерного состояния, но как только вы начинаете вообразать себя в своём естественном трёхмерном мире, стены вашей комнаты сомкнутся и окажут противодействие

удару вашего тела, как они иногда делали в случае, предоставленном Ирамом.

Таково объяснение нашего автора – в самой краткой форме, какую только можно дать – отношения этого так называемого четырёхмерного мира к нашему собственному. Оно предоставлено в качестве опровержения позиции скептика, утверждающего, что предполагаемая деятельность астрального проектора должна быть иллюзорной, так как они в принципе невероятны. Прохождение материи сквозь материю, заключает г-н Герхарди, научно возможно, когда частоты вибрации составляющих атомов, пересекающих планы существенно отличаются друг от друга; и если такие опыты теоретически возможны, то у нас нет права отбрасывать свидетельства, так как живя с нашей настоящей частотой вибраций в трёхмерном мире, они представляются нам противоречащими естественному закону.

Одновременно может существовать любое число миров, наложенных друг на друга, при условии, что их частоты вибрации достаточно различаются, и при этих условиях мы не можем ожидать, что будем осознавать их существование, так как наши чувства будут неспособны отвечать на столкновение с ними.

Материя кажется нам твёрдой лишь постольку, поскольку наше сознание может её ощущать. Короче, она такова лишь относительно. Её кажущаяся актуальность условна и ни в коем смысле не абсолютна. Наконец-то наука подходит к тому, чтобы признать это. Но если это так, то главное препятствие к принятию нами психических явлений в целом

будет убрано с нашего пути. Четвёртое измерение иллюзорно лишь настолько, насколько физический мир, в котором мы в настоящее время функционируем. Так что это чисто вопрос подтверждающего свидетельства. Если имеется независимое подтверждение того, что астральный проектор видим, когда он утверждает это, если его описания того, что он видел и где он находился и с кем он встречался в своих путешествиях верифицируется, то у нас нет права считать их невероятными в принципе.

Ибо, как заявил лорд Герберт: «Как правило, мы здесь ничего не знаем о плотности пространства в следующем измерении относительно нашей собственной проницаемости. Наш физический мир является губкой, насквозь пропитанной океаном эфира, который проникает всякую субстанцию». На ином плане с иной частотой вибрации кажущаяся твёрдость материи для нас больше не существует. Наши тела проходят сквозь неё, как они это делают на физическом плане сквозь то, что в действительности является большей твёрдостью (кажущееся) пустого пространства.

Решение проблемы различных тел, мыслеформ, эфирных или астральных оболочек следует искать по этим же направляющим. Частоты вибрации разнятся до бесконечности, а вместе с ними разнятся и состояния сознания. Частные проблемы, которые возникают пред нами, ожидают объяснения, но эти являются направляющими, вдоль которых мы должны искать их окончательное решение.

Другой аналогичной проблемой, никогда ещё до сих пор удовлетворительно не решённой, но относительно очень близкой к феномену двойника, является проблема формы, в которой тонкое тело становится видимым глазу. Почему, можем мы справедливо спросить, как уже много раз спрашивали, он кажется одетым? Почему г-н Герхарди бродит по своей квартире в эфирной пижаме? Самовнушение – вот готовый ответ, который мне дадут. Но как же тогда нам объяснять само эфирное тело? Уж не является ли оно также случаем самовнушения? Если да, то наше предыдущее предположение, что мы обладаем более чем одним телом, едва ли надёжно.

Действительно, тот факт, что так называемые привидения появляются в одеждах различного вида, с незапамятных времён использовался как аргумент, доказывающий иллюзорный характер таких явлений, и какой бы слабой ни казалась критика перед лицом огромного числа накопленных свидетельств, доступных сегодня для подтверждения реального присутствия индивидуума в большом числе существенных случаев, мне кажется, что совершенно невозможно выпускать это из рук как трудность, которая не требует удовлетворительного объяснения.

Ещё в другой форме встаёт проблема, которая была затронута раньше на этих страницах, — следует ли мыслеформу и эфирное тело рассматривать всего лишь как различные термины одного и того же феномена?

Предположим, что мы вправе рассматривать такие привидения всего лишь в свете «мыслеформ», т.е. форм,

вызванных воображением, и неважно являются ли эти формы представителями сознательной реальности, лежащей за ними, тогда наше затруднение, связанное с привидениями, являющимся в своей обычной земной одежде, как мне кажется, исчезает. Форма привидения, равно как и его одежды, — это продукт воображения, и вполне достаточно внушения, чтобы объяснить видение человека в его обычном наряде.

Но предположим, что мы отвергаем это объяснение, ведь в случае астральных проекторов мы определённо вынуждены так сделать, и честно признаём нашу веру в то, что проектор путешествует в своём эфирном теле и что это тело находится на своём собственном плане субстанциальной природы, — как тогда мы объясним тот факт, что он представляется самому себе (как это почти всегда и бывает) одетым, а не нагим?

Если эфирное тело — это реальность, подобно физическому телу, как обычно предполагается исследователями психического, то мы вынуждены допустить, что те облачения подобны одеждам на физическом плане, нечто, что вы можете одевать и снимать, и из той же субстанции, что и эфирное тело, как и обычные земные одежды состоят из той же субстанции, что и физическое тело. Если, с другой стороны, мы будем считать одежды продуктом воображения, то мы должны будем спросить себя, вправе ли мы проводить различие между телом и носимыми одеждами, и утверждать, что одно — субстанциально, а другие — нет.

Откуда г-н Сильван Мульдон берёт свои одежды, когда отправляется в походы на эфирном плане? Считает ли он их такими же реальными, как и своё эфирное тело? Признаться, я сомневаюсь в этом.

Я привёл случай в предыдущей главе, в котором человек, родственники которого предполагали его умершим, пришёл в сознание вне своей физической формы и осознал, что он голый. Просто осознание этого положения привело к самовнушению, и внезапно он оказался одетым. Г-н Pelley рассказывает о сходном личном опыте. В каждом случае идея непристойности наготы даёт уму внушение одежды и, опля! [hey presto], одежды появляются.

Очевидно, что тело, физическое или эфирное, не является сознанием. Это облачение сознания, точно так же как одежды являются облачением тела. Но хотя сознание не может проявляться без тела, тем не менее оно явно не требует одежд для своего проявления, и однако одежды в девяносто девяти случаях из ста оказываются регулярным сопровождением своего проявления. Вне сомнений, это указывает на универсальность внушения на психическом плане. Внушение или самовнушение одевает идею и делает это автоматически. Степень, до которой мысль ваяет и контролирует наши зрительные процессы, совершенно недоступна пониманию обывателя. Даже человеком от науки это понимается не достаточно, хотя и допускается теоретически философом. «Мы созданы из вещества того же, что наши сны», — сказал великий драматург [Шекспир «Буря»]. Как однажды заметил один великий политик: «Это

слова поэта, но хотя и поэзия, они не вымысел»³⁷. Они указывают на закон эфирного плана, который мы должны принять, даже если метод его действия смущает наше понимание.

Я могу предположить, что есть много случаев «наваждений» [haunting], когда у так называемых «привидений» так же мало сознания, как и в одеждах, в которых они представляются одетыми. Но ясно, что наваждение наваждению рознь, и ставить все эти феномены в одну категорию было бы серьёзной ошибкой, даже если для многих это может казаться надёжной гипотезой.

«Астральный проектор» может «мыслить себя» комплектом одежд, но он никогда не мыслит себя астральным или каким-либо другим телом, по крайней мере, так говорят нам те свидетельства, которые у нас есть.

Быть может, мы можем сказать, что в мире, который функционирует с гораздо большей частотой вибраций, чем тот, в котором мы обычно функционируем, материя гораздо более пластична, чем она есть здесь, и ум ваяет её с такой лёгкостью, которая нашим настоящим физическим чувствам может вполне показаться невероятной, но такие предположения носят весьма предположительный характер, и нам надо признать, что мы всё ещё очень далеко от решения некоторых из самых главных трудностей, которые встают перед нами при исследовании феноменов плана

³⁷ William Pitt, Earl of Chatham.

сознания, существенных, но совершенно иначе устроенных от нашего собственного.

Какой же тогда из всего этого вывод? Я предоставил в настоящем томе много примеров, предназначенных показать, что физическое тело и сознание делимы. Научно выражаясь, они вовсе не равнозначны, совсем не так, но они представляют массив свидетельств, которые вопиют о научном исследовании. Короче, они указывают, если только принять часть из них, на закон природы, достоверность которого с каждым днём становится всё очевиднее. Бесплезно больше пытаться уклоняться от этого.

Физическое тело подобно дому. Вы можете пребывать в нём, или вы можете выйти из него, и ещё больше — вы можете возвратиться в него, если вы не отрезали себя от него настолько, что возвращение стало невозможным. Мы можем сделать ещё один шаг и сказать, что при определённых условиях в него может войти другой насельник [tenant], и владеть им, когда он оказывается незаселённым. Он может не вполне подойти новому насельнику, но дома могут меняться и адаптироваться для использования вновь-прибывшими. Они могут даже быть улучшены новыми оккупантами.

Такие вещи были в прошлом, если мы сможем принять историю Laurancy Vennum, которую я уже рассказывал в другом месте³⁸. Но в любом случае мы можем полагать, что они могут быть очищены во время их собственного

³⁸ The Problem of Rebirth, London: Rider & Co.

отсутствия, и этот процесс может иметь ценность с медицинской точки зрения, если им не злоупотреблять. Так как медицина будущего будет иметь всё больше дела с психической стороной вещей, чем имела до сих пор, если она не станет безнадёжно старомодной и устаревшей. Такая очистка действительно имеет место иногда при приёме некоторых обезболивающих. Она может иметь место также под гипнотическим контролем, на что более чем намекает Alexander Erskine.

Но, как бы то ни было, физическое тело способно иногда опустошаться сознательным духом, если свидетельства, представленные в этом томе, можно считать достоверными по природе, и что сознание может видеть своё собственное тело с точки зрения внешнего наблюдателя и даже обследовать его внутреннюю анатомию, — очень полезный процесс, если владелец тела обладает хоть каким-нибудь медицинским знанием. Так как психическое тело, по крайней мере в некоторых случаях, по-видимому обладает рентгеновским зрением и иногда и в самом деле более мощным и проникающим, чем рентгеновские лучи. Да, верно, этими силами, которыми может обладать дух, находясь в своём эфирном футляре, легко можно навредить. Мы можем сунуть свой нос в дела наших соседей и вмешиваться в домашнюю жизнь наших соседей, а иногда, если полагаться на некоторые сообщения, мы можем даже делать хуже этого. Но каждая сила, как мы всё больше и больше узнаём о том в эти дни из научных открытий, имеет свою пользу и вред.

Моей целью, при написании этих страниц, было указать на возможности, присущие человеческому духу, и указать потенциальному экспериментатору на опасности, также присущие им. Такие эксперименты, я полагаю, только для немногих, и даже этим немногим не следует пытаться их проводить без должных предосторожностей. Моральный тип, которым они наделены, я считаю, однозначно аномальный и такой, что благодаря некоторой физической нестабильности, склонен на особые риски.

Интересно, можно ли советовать частые занятия такими практиками пусть даже тем, кому они подходят по природе и непроизвольно, благодаря идиосинкразии физического типа данного индивидуума.

Но исследуя эту проблему, в одном я точно уверен. Мы на пути открытий, которые заведут нас далеко и которые завершаться революцией всех основ биологической науки.
